

Карл Густав ЮНГ
КОНФЛИКТЫ ДЕТСКОЙ ДУШИ

МОСКВА

КАНОН+

ОИ "РЕАБИЛИТАЦИЯ"
1997

ББК 88 Ю51

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ В ПАМЯТНИКАХ
Серия основана в 1993 г.

Ответственный редактор
В. М. Бакусев
Художник Ю. В. Сенин
Перевод с немецкого Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова
Юнг К. Г. Ю51 Собрание сочинений. Конфликты детской души/
Пер. с нем. - М.: Канон, 1997. - 336 с. - (История
психологии в памятниках).

ISBN 5-88373-025-6

Основную часть второго тома составляют работы К. Г. Юнга, посвященные проблемам воспитания, становления и развития личности, значению бессознательного в этом процессе. Сам Юнг издал эти сочинения отдельным томом, полный перевод которого предлагается вниманию читателя. Познакомиться с "ранним" Юнгом даст возможность его интересная диссертация "К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов".

0303020000-14 57В(03)-94

ISBN 5-88373-025-6

Без объявл.

ББК 88

СОДЕРЖАНИЕ

О КОНФЛИКТАХ ДЕТСКОЙ ДУШИ

Впервые опубликовано в Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen II(Wien und Leipzig 1910), pp. 3358. Вновь опубликовано в виде брошюры в 1910 и 1916 гг. Новое издание под тем же названием, с новым предисловием - Rascher, ZUrich, 1939. В слегка расширенном виде вместе с разделами IV и V данного тома - вышло в свет в Psychologie und Ervehung, Rascher, Zurich, 1946. Новое издание

Предисловие ко второму изданию

Эта небольшая работа выходит в свет во втором издании в неизменном виде. Хотя с момента первой публикации моих наблюдений в 1910 году они значительно переосмыслены, все же последующие изменения не дают мне право считать подходы, изложенные в первом издании, принципиально неверными, какую бы напраслину на меня не возводили. Фактическую ценность сохраняют не только излагаемые факты, но также и их понимание. Однако осмысление никогда

не может быть всеохватывающим, потому что оно всегда находится под господством определенной точки зрения. Позиция, защищаемая в этой работе, по своей сути психобиологическая. Этот подход, конечно, не единственно возможный, есть также какой-то иной или много иных аспектов. Так, можно было бы рассмотреть данный аспект детской психологии с чисто гедонистической точки зрения, что соответствовало бы скорее духу фрейдовской психологии, т. е. пониманию психического процесса как движения, направляемого принципом удовольствия. Тогда мотивы понимались бы как желание и стремление к претворению в жизнь фантазии образом, доставляющим наибольшее удовольствие, а значит, и удовлетворение. Можно было бы тот же самый материал рассматривать, по совету Адлера, и с точки зрения принципа власти, который с психологической точки зрения является столь же возможным подходом, как и гедонистический принцип. Можно было бы применить и чисто логический способ рассмотрения, желая вскрыть развитие логических процессов у ребенка. Можно было бы даже обосновать религиозно-психологическую точку зрения и извлечь зачатки развития понятий о боге. Я довольствовался тем, что придерживался промежуточной позиции, которая держит равнение на психобиологический способ рассмотрения, и не пытался подчинить материал тому или иному гипотетическому постулату. Вместе с тем, само собой разумеется, я не оспариваю возможности существования таких принципов, потому что они содержатся в человеческой природе совместно; не только одностороннему специалисту может прийти в голову объявить общезначимым принцип, эвристически особо ценный либо для его дисциплины, либо для его

7

индивидуального способа рассмотрения. Однако как раз из-за наличия различных возможных принципов сущность человеческой психологии можно понять в полной мере, руководствуясь не одним из этих принципов, а только совокупностью отдельных аспектов. Основная посылка защищаемого в работе подхода состоит в том, что сексуальный интерес в качестве мотива играет весьма значительную роль в процессе возникновения детского мышления - предположение, которое, вероятно, так и не столкнулось ни с каким серьезным возражением. Противоположному утверждению тогда противостояло бы слишком много явно наблюдаемых фактов, не говоря уже о том, что в высшей степени невероятным представляется тот факт, будто базовое влечение, весьма важное для человеческой психологии, не выявляется, по крайней мере уже в своих началах, в детской душе. С другой стороны, в этой работе я подчеркиваю значение мышления и важность научения пониманию для решения душевных конфликтов. По-видимому, из нижеследующего достаточно явствует, что каузально действующий изначальный сексуальный интерес, собственно, стремится не к непосредственной сексуальной цели, но скорее к развитию мышления, иначе решение конфликта могло бы иметь место только путем достижения сексуальной цели, а не при посредничестве интеллектуального понимания. Однако именно последнее является верным, отчего даже позволительно заключить, что детская сексуальность совершенно не может быть сходной по сути с последующей взрослой сексуальностью, поскольку как раз взрослая сексуальность может быть полноценно заменена не научением пониманию, но в данном случае только достижением реальной сексуальной цели, а именно цели, по природе соответствующей нормальной сексуальной функции. Из опыта мы, конечно, знаем, что зачатки детской сексуальности могут привести также к настоящей сексуальности - а именно к онанизму - как раз тогда, когда конфликты неразрешимы. Однако путем научения пониманию для либидо открывается путь, на котором возможно развитие и который обеспечивает постоянное функционирование либидо. Отсутствие понимания (при известной степени интенсивности конфликта) действует как тормоз, который

8

вытесняет и вновь выталкивает либидо в состояние зачатков сексуальности, отчего затем эти начала, или зародыши, преждевременно побуждаются к аномальному развитию. Из-за этого возникает детский невроз. Именно одаренные дети, чьи мыслительные притязания (вследствие воспитания в интеллигентной среде) начинают расти очень рано, подвержены серьезной опасности оказаться в ситуации преждевременного задействования сексуальности вследствие воспитательного подавления их так называемого неуместного любопытства. Приведенные

соображения свидетельствуют о том, что я понимаю мышление не просто как функцию, стесняющую сексуальность (из-за чего последняя оказывается заторможенной в своей подчеркнуто гедонистической функции и поэтому поневоле вынуждена перейти в функцию мышления), а вижу в "раннеинфантильной сексуальности" как зачатки будущей функции сексуальности, так и завязь возвышенных духовных функций. В пользу этого говорит разрешаемость детских конфликтов путем научения пониманию, а сверх того, и тот факт, что даже в зрелом возрасте остатки "инфантильной сексуальности" являются завязью важных духовных функций. То, что взрослая сексуальность развивается из этой поливалентной зародышевой предрасположенности, еще никоим образом не доказывает, что раннеинфантильная сексуальность означает просто "сексуальность". Поэтому я оспариваю справедливость фрейдовского понятия полиморфно-перверсивной предрасположенности ребенка. Это - поливалентная предрасположенность. Если в методологии мышления следовать фрейдовскому образцу, то в эмбриологии мы должны были бы характеризовать наружный зародышевый листок как мозг, потому что из него в процессе последующего развития образуется мозг. Но наряду с мозгом из него развиваются также органы чувств и многое другое.

Декабрь 1915 К. Г. Юнг

Предисловие к третьему изданию

Со времени первой публикаций этого сочинения прошло почти тридцать лет. Однако кажется, что за протекшее время эта маленькая работа продолжала жить

своей собственной жизнью, и публика все еще ее жалует. В некотором отношении она, конечно, не устарела, потому что, с одной стороны, она воспроизводит простую связь фактов, которая повторяется повсеместно и более или менее одинаково. С другой стороны, это сочинение содержит как теоретическое, так и практически значимое указание на странное стремление детской фантазии: перерастать собственную "реалистичность" и давать "символическое" толкование вместо естественнонаучного и рационалистического. Это стремление оказывается естественным и спонтанным явлением, которое как раз нельзя сводить к какому-нибудь "вытеснению". Это особое обстоятельство я подчеркнул в предисловии ко второму изданию, и такое замечание не потеряло своей актуальности, поскольку большинство специалистов все еще очень ревностно верит в миф о полиморфной "сексуальности" ребенка. Теория вытеснения пока еще безмерно переоценивается, из-за чего естественные феномены душевных трансформаций столь же недооцениваются, а то и вовсе игнорируются. Этому феномену я посвятил в 1912 году обширный трактат, о котором, вероятно, сегодня еще нельзя сказать, что он в общем и целом нашел понимание у психологов. Пусть хотя бы этому скромному изложению фактов удастся побудить читателя к размышлению. В области психологии теории обладают самым что ни на есть опустошительным действием. Конечно, мы нуждаемся в определенных теоретических точках зрения - из-за их ориентирующей и эвристической ценности. Но они всегда должны почитаться только за вспомогательные представления, которые во всякое время можно отложить в сторону. Ведь мы знаем о душе еще столь мало, что, право же, смешно полагать, будто мы зашли уже так далеко, что можем создать всеобщую теорию. Мы пока даже не установили, каков эмпирический объем феноменологии души: можно ли при таких обстоятельствах мечтать об общей теории? Разумеется, теория является самым лучшим прикрытием для недостаточного опыта и для невежества. Отсюда прискорбным образом следуют узколобость, поверхностность и научное сектантство. Использование в полной мере какой-либо сексуальной терминологии (которая заимствована со ступени развитой

сексуальности) к поливалентной зародышевой предрасположенности ребенка - сомнительное

предприятие. Это приводит, среди прочего, и к тому, что все заложенное в ребенке вовлекается в сексуальное толкование, изза чего, с одной стороны, понятие сексуальности безмерно раздувается и становится туманным, а, с другой стороны, духовные факторы кажутся лишь искажениями инстинкта. Такие суждения ведут к рационализму, который не в состоянии даже приблизительно воздать должное сущности поливалентности в детской зародышевой предрасположенности. Даже если ребенок занят вопросами, которые для взрослого имеют несомненный сексуальный акцент, то это еще вовсе не означает, что род занятий ребенка следует оценивать так же, как сексуальный. При осторожном и добросовестном исследовании сексуальная терминология (применительно к детским феноменам) может считаться не более чем fa^on de parler
* . Против его целесообразности возникает немало соображений. Я вновь выпускаю в свет это сочинение в неизменном виде, не считая некоторых незначительных исправлений.

В декабре 1938 К. Г. Юнг

Предисловие к четвертому изданию

Из предисловий к прежним изданиям читатель уже знает, что это сочинение - продукт, который нельзя отделить от времени и условий его возникновения. В форме одноразового опыта он должен остаться верстовым столбом на длинном пути постоянно совершенствующегося познания. Так как наблюдения, зафиксированные в этом сочинении, по-видимому, представляют интерес и для воспитателя, то оно вошло в состав данного тома. Поскольку не следует перемещать ни верстовые, ни межевые столбы, то в сочинении со времени его первой публикации тридцать пять лет тому назад ничего не было изменено.

В июне 1945

* Оборотом речи (фр.).

К. Г. Юнг

Как раз в то время, когда Фрейд сделал сообщение о "маленьком Гансе"
1 , я получил от одного
сведущего в психоанализе отца ряд наблюдений над его четырехлетней в ту пору дочкой. В этих наблюдениях так много родственного и дополняющего сообщения Фрейда о маленьком Гансе, что я не мог отказаться от того, чтобы не сделать эти материалы доступными широкой публике. Всевозможное непонимание, если не сказать негодование, с которым был воспринят "маленький Ганс", послужили мне поводом к опубликованию моего материала, который по обширности, конечно, не достигает материала о "маленьком Гансе". Тем не менее в нем содержатся такие вещи, которые в состоянии подтвердить, насколько типичным был "маленький Ганс". Так называемая научная критика, насколько она вообще приняла к сведению эти важные вещи, и в этом случае столь же ретиво взялась за дело, все еще не научившись сначала перепроверять, а затем уже судить. Девочка, чуткости и интеллектуальной живости которой мы обязаны следующими наблюдениями,- здоровый и цветущий ребенок, с живым, темпераментным нравом. Она никогда не была серьезно больна, со стороны нервной системы у нее также никогда не наблюдалось каких-либо "симптомов". Живые систематические интересы пробудились у ребенка примерно в три года; она начала расспрашивать и выказывать фантастические желания. В последующих сообщениях мы должны, к сожалению, отказаться от связного изложения; потому-то это лишь анекдоты, которые изображают единичные переживания из целого цикла им подобных, и поэтому они описываются не строго научно, а новеллистически. При нынешнем состоянии нашей психологии без этого модуса изложения

1 Freud, Analyse der Phobie einesfinjjuhrigen Knaben.

12

мы пока обойтись не можем, потому что еще слишком далеки от того, чтобы с безошибочной уверенностью уметь отличать курьезное от типичного. Однажды, когда ребенку - назовем ее Анной было около трех лет, между ней и бабушкой завязался следующий разговор: Анна: "Бабушка, почему у тебя такие тусклые глаза?" Бабушка: "Должно быть, потому, что я уже старая". Анна: "Ладно, но ведь ты опять потом будешь молодой". Бабушка: "Нет, ты же знаешь, я буду все старше и старше, а потом умру". Анна: "Ну а потом?" Бабушка: "Потом я буду ангелом". Анна: "И потом ты опять станешь маленьким ребеночком?" Ребенок здесь находит благоприятный повод для предварительного разрешения одной проблемы. С некоторого времени она постоянно спрашивает мать, не получит ли она живую куклу, какого-нибудь ребеночка, например братика, после чего, конечно же, следуют вопросы о происхождении маленьких детей. Так как эти вопросы появлялись спонтанно и наобум, то родители не придавали им никакого значения и относились к ним с той же несерьезностью, с какой, казалось, задает их и сам ребенок. Так, в один прекрасный день девочка получила шутливое заверение в том, что детей приносит аист. Как-то Анна услышала другую, более серьезную версию: что дети являются ангелочками, живут на небе и аист спускает их оттуда вниз. Кажется, что эта теория стала исходной точкой для исследовательской деятельности. В разговоре с бабушкой оказалось, что эта теория способна к расширительному применению: с ее помощью можно не только с облегчением разрешить мучительную мысль о смерти, но одновременно и загадку о происхождении детей. По-видимому, Анна говорит себе: когда человек умирает, то он становится ангелом, а потом - ребенком. Решений такого рода, которые зараз убивают двух зайцев, обыкновенно упорно придерживаются не только в науке; ребенок также не может расстаться с ними без известных потрясений. В этой простой интуиции име-

13

ются элементы учения о реинкарнации, которое, как известно, еще живо у миллионов людей. Так же как в истории "маленького Ганса" поворотным пунктом было рождение сестренки, в этом случае им было появление братика, имевшее место, когда Анна едва достигла четырех лет. Проблема появления детей, прежде почти не затрагивавшаяся, стала теперь актуальной. Беременность матери, по-видимому, сначала оставалась незамеченной, т. е. на этот счет не наблюдалось никаких высказываний ребенка. Вечером, накануне рождения, когда у матери уже появились схватки, девочка находилась в комнате отца. Отец взял ее на колени и спросил: "Послушай-ка, что бы ты сказала, если бы сегодня ночью ты получила братика?" - "Тогда бы я его убила",- был быстрый ответ. Выражение "убить" выглядит очень опасным, но оно, в сущности говоря, совершенно невинно, потому что "убить" и "умереть" в детском смысле означает лишь удаление (пассивное или активное) - на что, впрочем, уже многократно указывал Фрейд. Как-то я лечил пятнадцатилетнюю девушку, у которой во время анализа многократно появлялось повторяющееся наитие: ей приходила на ум "Песня о колоколе" Шиллера; она ее, правда, никогда не читала, а только однажды перелистала и могла лишь припомнить, что читала что-то "о соборе". Других подробностей она не могла припомнить. Это место звучит так:

С собора Тяжело и тоскливо Колокол вызванивает Надгробную песнь и т.д. Ах, это супруга дорогая, Ах, это верная мать, Которую князь тьмы Уводит прочь из объятий супруга, и т. д.

Дочь, конечно, любит свою мать и даже отдаленно не думает о ее смерти; дело же в настоящее время обстоит так: дочь должна вместе с матерью отправиться к родственникам на пять недель; год назад мать ездила одна, дочь же (единственный и избалованный ребенок) оставалась дома вместе с отцом. В этом году "маленькую супругу", "уводят прочь" из объятий супруга, в то

14

время как для дочурки было бы намного приятней, если бы с ребенком была разлучена "верная мать". Поэтому "убить" в устах ребенка - вещь невинная, особенно если знать, что малышка употребляет слово "убить" совершенно promiscue* для всевозможных видов разрушения, удаления, уничтожения и т.д. Но все же тенденция, которая здесь выявляется, заслуживает внимания

2 . Роды наступили ранним утром. Когда все оставшееся после родов, а также все до единого следы крови были убраны, отец пошел в комнату, где спала Анна. Она проснулась, как только он вошел. Отец сообщил ей новость о появлении братика, что Анна восприняла с изумленным и напряженным выражением лица. Малышка бросила сначала взгляд на несколько бледную мать, а затем выказала что-то вроде смеси замешательства и недоверчивости, как если бы думала: "Что сейчас случится?" Она не обнаружила ровным счетом никакой радости по поводу новорожденного, так что родители были даже несколько разочарованы таким холодным приемом. До полудня девочка держалась вызывающе отстраненно от матери, что очень бросалось в глаза, так как обыкновенно она была очень привязана к ней. Однажды, когда мать была одна, Анна вбежала в комнату, обняла ее за шею и торопливо ей прошептала: "Ты ведь сейчас не умрешь?" Теперь нам становится ясной часть конфликта, разыгравшегося в детской душе; теория аиста, очевидно, никогда не оказывала должного действия - в отличие от гипотезы возрождения, согласно которой когда ктонибудь умирает, то тем самым вызывает появление ребенка. Итак, согласно теории, мама должна умереть как же тогда Анна может с радостью встретить новорожденного, против которого восстает также и детская ревность? Поэтому девочка в подходящий момент должна убедиться: умрет мама или нет? Мама не умерла. Очевидно, вместе с этим счастливым исходом теория возрождения получает тяжелый удар. Как же теперь объяснить рождение братика и вообще происхождение

2 См. анализ "маленького Ганса". * Без разбору (лат.).

детей? Была еще теория аиста, которая, правда, никогда внешне не оспаривалась, но имплицитно опровергалась предположением о возрождении

3 . К сожалению, попытки объяснения, последовавшие вслед за этим, остались сокрытыми от родителей, так как девочка на несколько недель уехала к бабушке. Как следует из сообщений последней, девочка многократно заводила разговор о теории аиста - конечно, с одобрения окружающих. Когда Анна снова вернулась к родителям, то в момент встречи с матерью она опять выказала смущеннонедоверчивую манеру поведения, такую же, как и после рождения брата. На обоих родителей это произвело явное, хотя и необъяснимое впечатление. По отношению к новорожденному она вела себя очень мило. Тем временем появилась воспитательница, которая произвела на малышку сильное впечатление своим монашеским облачением - сначала, конечно, в высшей степени негативное: девочка во всем оказывала ей сильнейшее сопротивление. Так, например, она ни за что на свете не позволяла воспитательнице раздевать себя по вечерам и укладывать в постель. Вскоре выяснилось, откуда шло такое сопротивление: однажды Анна гневно закричала на воспитательницу у кроватки братика: "Это не твой братик, он - мой!" Но постепенно она смирилась с воспитательницей и сама начала играть в воспитательницу: она затребовала себе чепчик и фартук и "ухаживала" то за братиком, то за своими куклами. Но несомненным было элегическое, мечтательное настроение в противоположность прежним временам. Анна часто

3 Здесь нас могут спросить: а правомерно ли предположение, согласно которому к детям такого возраста вообще приложимы подобные теории? На это можно ответить, что дети имеют интерес ко всему чувственно воспринимаемому в их окружении. Это обнаруживается также и в хорошо известных бесконечных вопросах - почему и для чего - относительно всевозможных вещей. Если мы хотим понять психологии ребенка, то нам следует на мгновение отложить в сторону очки культурного человека: ведь рождение ребенка - это очень важное событие для каждого человека.

Однако для цивилизованного мышления рождение, равно как и сексуальность, вообще утратило свою биологическую уникальность. Но где-то все-таки наш дух должен был сберечь правильные биологические оценки, запечатленные в нем в течение тысячелетий. Разве не правдоподобно, что ребенок все еще имеет и обнаруживает их, пока покров цивилизации не накрыл первобытный слой мышления?

16

подолгу сидела под столом и начинала напевать и рифмовать длинные истории, которые отчасти были непонятными, отчасти, однако, содержали фантастические желания на тему "воспитательницы" ("Я - воспитательница из ордена Зеленого Креста") и отчасти это были явно болезненные чувства, которые ждали своего выражения. Здесь мы встречаемся с важным свидетельством о жизни малышки: речь идет о грезах, даже о зачатках поэзии, о приступах чего-то элегического. Все это такие вещи, с которыми мы обыкновенно сталкиваемся только на последующих ступенях жизни, а именно в то время, когда человек (в юношеском возрасте) склоняется к тому, чтобы разорвать узы семьи и самостоятельно вступить в жизнь, но внутренне он все еще осторожничает и удерживается ностальгическим чувством по теплу родительского стойла. Как раз в это время он начинает создавать поэтические фантазии, связанные с тем, чего недостает, и призванные компенсировать исход. На первый взгляд может показаться парадоксальным сближение психологии четырехлетней девочки с психологией пубертатного возраста; однако родство состоит не в возрасте, а в механизме. Элегические грезы выражают то, что часть любви, которая прежде принадлежала реальным объектам и должна была им принадлежать, интровертируется, т. е. направляется внутрь, в субъект, и там порождает преувеличенную деятельность фантазии

4 . Но откуда происходит эта интроверсия? Действительно ли она является психологическим явлением, свойственным этому возрасту? Или она обязана своим возникновением какому-нибудь конфликту? Это выясняется в ходе следующих событий. Зачастую

4 Этот процесс вообще является типичным. Когда жизнь сталкивается с препятствиями и человеку не удается приспособиться, а поэтому переход либидо в реальность застопоривается - происходит интроверсия, т. е. вместо действования в реальности возникает усиленная деятельность фантазии. Ее тенденция - устранить препятствия, по крайней мере сначала произвести это устранение в фантазии, за которым через некоторое время может также последовать и какое-то практическое разрешение. Отсюда преувеличенные сексуальные фантазии невротика, которые пытаются преодолеть специфическое вытеснение, отсюда типичные фантазии заик, будто они воистину обладают ораторским талантом. (То, что они имеют некоторое право на обладание таким талантом, дали нам понять содержательные работы Адлера по органической неполноценности.)

17

случается так, что Анна не слушается мать. Она становится упрямой и говорит: "Я опять поеду к бабуле!" Мать: "Мне будет очень грустно, если ты опять уедешь". Анна: "Да, но ведь у тебя же есть братик". Воздействуя на мать, малышка своими угрозами опять уехать показывает, куда, собственно говоря, она целит: ей, очевидно, хотелось бы услышать, что думает мать по поводу ее проекта, т. е. как мать вообще относится к ней и не лишил ли ее братик материнской привязанности. Однако нельзя эту маленькую каверзу принимать на веру. Ведь девочка, собственно, могла видеть и чувствовать, что она ни в чем существенном не дискриминируется матерью, несмотря на существование братика. Поэтому упрек, который она quasi

* делает матери, необоснован, он выдает себя несколько аффектированным тоном, что не ускользает от чуткого уха. Подобный тон нередко можно услышать и у взрослых. При таком недвусмысленном тоне ожидают несерьезного к себе отношения и поэтому вынуждены его усиливать. Упрек как таковой мать также не должна принимать всерьез, ибо он лишь предвестник других, более сильных случаев сопротивления. Вскоре после только что

приведенной беседы имела место следующая сцена: Мать: "Иди сюда, мы сейчас пойдем в сад!" Анна: "Ты врешь, смотри, если ты сказала неправду!" Мать: "Что на тебя нашло? Ведь я говорю правду!" Анна: "Нет, ты говоришь неправду". Мать: "Ну, так ты увидишь, что я говорю правду, мы сейчас пойдем в сад". Анна: "Правда? Это точно? Ты не врешь?" Сцены подобного рода повторялись несколько раз. На этот раз тон был резким и настоятельным, и к тому же акцент на слове "врать" выдавал что-то совершенно особенное, так что родители даже не поняли, поскольку поначалу придавали спонтанным выражениям ребенка слишком малое значение. Они делали не более того, что в общем воспитание делает ex officio
** . К детям

* Как бы (лат.).
** По обязанности (лат.).

обычно прислушиваются очень мало и обращаются с ними (на всех возрастных ступенях) во всех существенных вопросах как с невменяемыми, но во всем несущественном их дрессируют до автоматического совершенства. За сопротивлением всегда лежит какой-то вопрос, какой-то конфликт - и мы знаем об этом в другое время и при других обстоятельствах. Но мы обычно забываем увязать услышанное с сопротивлением. Так, например, в другой раз Анна поставила перед матерью трудные вопросы: Анна: "Я хотела бы стать воспитательницей, когда буду большой". Мать: "Я тоже этого хотела, когда была еще ребенком". Анна: "Да, так почему же ты тогда не стала?" Мать: "Ну, потому что я стала мамой, вот я и должна воспитывать детей". Анна (задумчиво): "Так что, я буду другой женщиной, не такой, как ты? Тогда я буду жить в другом месте? Буду я тогда с тобой разговаривать?" Ответ матери опять показывает, куда, собственно, метит ребенок
5 : Анне, очевидно, хотелось бы тоже иметь ребеночка, чтобы его "воспитывать",- точно так же, как его имеет сестра-воспитательница. Ведь совершенно ясно, откуда у сестры-воспитательницы ребеночек; и Анна сможет получить ребеночка, когда будет большой. Почему же мать тогда не стала просто воспитательницей? Иными словами, откуда же у нее ребенок, если он ей достался не так, как сестре-воспитательнице? Иметь ребенка так, как его имеет сестра, Анна тоже могла бы, однако совершенно непонятно, как это могло бы осуществиться в будущем, т. е. как она могла бы

5 Понимание цели детских вопросов по ответам матери, кажущееся, вероятно, парадоксальным, нуждается в объяснении. Величайшая психологическая заслуга Фрейда состоит в том, что он вскрыл всю сомнительность сознательных волевых мотивов. Следствием вытеснения мотивов является то, что значение сознательного мышления в поступках безмерно переоценивается. В качестве критерия для психологии поступков Фрейд установил не сознательные мотивы, а результат (последний, однако, не в его физическом, а в психологическом смысле). Это понимание позволяет увидеть поступок в каком-то новом, биологически значимом свете. Я ухожу от примеров и ограничусь только указанием на то, что это понимание является существенным и эвристически чрезвычайно ценным для психоанализа.

уподобиться матери в получении ребенка. Отсюда и возникает задумчивый вопрос: "А, тогда я буду другой женщиной, не такой, как ты?" И буду ли я во всех отношениях другой? С теорией аиста совершенно ничего не ясно, с теорией смерти - точно так же, значит, ребенка получают так, как его, например, получила воспитательница. Таким естественным путем она его, конечно, могла бы получить, но как же тогда обстоит дело с матерью, которая не является воспитательницей, но все же имеет ребенка? Исходя из этого Анна задает такой вопрос: "Почему же ты тогда не стала воспитательницей?" (scilicet
* : ты получила ребенка напрямую?). Этот своеобразный косвенный способ в постановке вопроса

типичен и, вероятно, связан с неясностью в понимании проблемы, если мы не предполагаем некоторой "дипломатической неопределенности", которая диктуется уклонением от прямой постановки вопроса. Очевидно, что мы стоим перед вопросом: "Откуда берется ребенок?" Его не принес аист, мама не умерла, она не получила его и как сестра. Ведь Анна уже раньше спрашивала отца и дозналась, что детей приносит аист; но это решительно не так - на этот счет она никогда не заблуждалась. Значит, папа и мама лгут, да и все другие - тоже. Таким образом немедленно объясняется ее недоверчивое отношение к родам и ее упреки матери. Это объясняет еще и другое, а именно элегическую мечтательность, которую мы свели к частичной интроверсии. Теперь мы знаем, какого реального объекта должна была лишиться ее любовь - и интровертироваться, как потерявшая объектную привязанность: это - родители, которые ей наврали и не желают говорить правду. (Что же это тогда должно быть, если об этом нельзя сказать? Что при этом происходит? Примерно так же чуть позже будут звучать вопросы ребенка, которые надо читать между строк. Ответ таков: это, должно быть, что-то такое, что должно быть сокрытым, может быть даже, это что-то опасное.) Не удается также и попытка вызвать на разговор мать и выманить у нее правду с помощью каверзных вопросов; таким образом, сопротивление противопоставляется сопротивле-

* А именно, то есть (лат.).

нию и наступает интроверсия любви. Разумеется, способность к сублимации развита у четырехлетнего ребенка еще очень слабо, так что она, вероятно, в состоянии оказать лишь симптоматические услуги. Поэтому чувство обращается к другой компенсации, а именно к оставленным уже инфантильным формам принуждения к любви, из которых самым излюбленным является ночной рев и призывание матери. Это уже усердно практиковалось и использовалось на первом году жизни. Сейчас это вновь возвращается, будучи, правда, мотивированным в соответствии с возрастной ступенью и оснащенным свежими впечатлениями. Только что произошло землетрясение в Мессине, и за столом говорили об этих событиях. Анна чрезвычайно этим заинтересовалась и заставляла вновь и вновь рассказывать (в особенности бабушку) о том, как дрожала земля, как обрушивались дома и сколько людей погибло при этом. Именно с этого момента можно датировать ее еженощный страх: она не могла оставаться одна, мать должна была к ней приходить и оставаться с ней, иначе она боялась, что наступит землетрясение, дом обвалится и задавит ее. Дни напролет она живо занималась этими размышлениями; если она ходила на прогулку с матерью, то терзала ее вопросами: "А наш дом еще будет стоять, когда мы вернемся домой? Папа будет еще жив? Это правда, что дома нет землетрясения?" О всяком камне, лежащем на дороге, она спрашивала: "Это от землетрясения?" Какая-нибудь новостройка была домом, разрушенным в результате землетрясения, и т. д. В довершение всего она часто кричала по ночам, будто приближается землетрясение и что она уже слышит громыхание. По вечерам приходилось давать ей торжественные обещания, что землетрясение, конечно же, не наступит. Ее пытались успокоить разными способами, например сказали, что землетрясение бывает только там, где есть вулканы. Тогда ей, однако, потребовались новые доказательства того, что горы в окрестностях города, конечно же, не вулканы. Это резонерство постепенно привело ребенка к сколь сильной, столь же и неестественной для этого возраста жажде знаний, которая выражалась в том, что малышке должны были принести все геологические книги и атласы

из библиотеки отца. Часами она обшаривала эти работы с изображениями вулканов и землетрясений и без конца задавала вопросы. Здесь перед нами очень энергичная попытка сублимации страха во "влечение к науке", однако требовать его в этом возрасте совершенно преждевременно. Но как и в случае одаренных детей, которые точно так же страдают от

подобных проблем, такой преждевременной сублимации стараются потакать - и детям, конечно, это не на пользу! Ведь поощрение сублимации в этом возрасте ведет только к закреплению элементов невроза. Корнем научного влечения является страх, а страх это выражение конвертированного либидо, т. е. интроверсии, ставшей теперь невротической, той интроверсии, которая в этом возрасте еще не нужна и не благоприятствует развитию ребенка. Куда в конечном счете метит это научное влечение, станет ясно из ряда вопросов, которые затрагивались почти ежедневно: "Почему С. (младшая сестренка) моложе, чем я? Где был Фритцик (братик) прежде? Если он был на небе, то что он там тогда делал? Почему он спустился вниз только сейчас, а не раньше?" Это положение дел внушило отцу мысль, что мать должна рассказать ребенку правду о происхождении братика при первом же благоприятном случае. Вот что случилось, когда Анна как-то вскоре опять стала выведывать об аисте. Мать сказала ей, что история с аистом не соответствует истине, что Фритцик вырос в маме, как цветы из земли. Сперва он был очень маленьким, а потом все рос и рос, как растения. Девочка слушала внимательно, без малейшего удивления, а потом спросила: "Так, значит, потом он вышел совершенно самостоятельно?" Мать: "Да". Анна: "Но ведь он еще совсем не умеет ходить". Младшая сестренка: "Тогда он, наверное, выполз на четвереньках". Анна (пропустив ответ сестры мимо ушей): "Так, значит, там (показывая на грудь) существует дыра ? Или он вышел изо рта? Кто тогда вышел из воспитательницы?"

Но она перебила себя возгласом: "Нет, я знаю, братика принес с неба аист!" Потом, прежде чем мать сумела ответить на вопросы, девочка оставила эту тему и опять попросила посмотреть изображения вулканов. Вечер, последовавший после этих разговоров, был спокойным. Внезапное разъяснение навязало девочке, очевидно, целый ряд догадок, что выявилось в некоторой поспешности вопросов. Открылись новые, неожиданные перспективы, и она быстро приближалась к главной проблеме, а именно к вопросу: откуда вышел ребенок из дыры в груди или изо рта? Оба предположения пригодны к тому, чтобы стать прочными теориями. Иногда бывает даже так, что молодые замужние женщины все еще придерживаются теории отверстия (в брюшной стенке) и кесарева сечения, что должно выражать совершенно особую невинность. Конечно же, в таких случаях речь идет прежде всего о проявлениях инфантильной сексуальности, дискредитирующих (на более поздних стадиях развития ребенка) vias naturales
* , но, боже упаси, не о какой-то невинности. В сущности говоря, мы должны были бы дивиться тому, откуда у ребенка зародилась такая нелепая идея будто в груди существует дыра или будто рождение происходит через рот; почему не через естественные, уже имеющиеся отверстия в нижней части тела, из которых ежедневно что-то выделяется? Объяснение просто: ведь еще совсем не так давно наша малышка проявляла повышенное и не всегда соответствующее требованиям опрятности и приличия внимание к этим двум отверстиям в нижней части тела и к их интересным продуктам, что потребовало воспитательного искусства матери. Тогда-то она в первый раз и узнала о существовании исключительных законов для этих частей тела и как впечатлительный ребенок вскоре поняла, что там находится какое-то "табу". Поэтому эту область следует исключить из расчетов; маленькая мыслительная ошибка, которую, право же, можно простить четырехлетнему ребенку, если мы подумаем о всех тех людях, которые нигде не в состоянии обнаружить ничего сексуального, даже у себя под носом. В этом отношении наша малышка реагирует

* Естественные (родовые) пути (лат.).

куда более понятливо, чем ее младшая сестренка, которая, конечно же, проявила исключительный интерес к области кала и мочи, а потому демонстрировала соответствующее поведение и за едой. Свои эксцессы она обозначала как "потешные". Мать же говорила: "Нет, это не потешно" - и запрещала ей такие забавы. Казалось, что девочка согласилась с этими непостижимыми

педагогическими капризами, но вскоре разразилась ее месть. Как только на столе появлялось какое-нибудь новое блюдо, она категорически отказывалась к нему притрагиваться, замечая при этом: "Это не потешно". Отныне она отклоняла все непривычное в кушаньях как "непотешное". Психология этого негативизма типична, и ее можно понять без труда. Логика чувств проста: "Если вы находите мои художества непотешными и принуждаете меня от них отказаться, тогда и я также нахожу ваши художества, которые вы превозносите, непотешными и не буду в них принимать участие". Как и все столь часто встречающиеся у детей случаи компенсации подобного рода, эта также следует важному инфантильному принципу: "Поделом вам, когда мне больно". После этого отступления вернемся к нашему случаю. Анна оказалась восприимчивой и настолько приспособилась к требованиям культуры, что додумалась до самого простого (по крайней мере, заговорила об этом) в последнюю очередь. Она годами держится неправильных теорий вместо совершенно законных, пока вдруг не получает извне суровое разъяснение. Поэтому неудивительно, что такие теории, возникновение и упрочение которых даже поощрялось родителями и воспитателями, позже становятся важными детерминантами симптомов при неврозе или бредовыми идеями при психозе
6. Все, что в течение долгих лет существовало в душе, всегда в наличии там так или иначе, пусть даже спрятанное за комплексами, вызванными совершенно другими причинами. Еще не покончено с вопросом, откуда, собственно говоря, выходит ребенок, но уже навязывается новая проблема: итак, если дети выходят из матери, то как же

6 Как я доказал в работе Psychologi'e der Dementia Praecox.

быть в случае воспитательницы? Из нее тогда тоже ктото вышел? И после этого вопроса происходит срыв: "Нет, нет, братика принес с неба аист". Что же особенного в том, что никто не вышел из воспитательницы? Вспомним, что Анна идентифицировала себя с ней и планировала тоже стать воспитательницей, потому что ей тоже хотелось иметь ребеночка и она могла бы его получить точно так же, как и сестра-воспитательница. Но сейчас, когда известно, что братик вырос в маме,как быть сейчас? Этот боязливый вопрос поспешно отбрасывается путем рецидива теории ангела-аиста, которой, собственно, никогда и не было веры,- теории, которая после нескольких попыток была отброшена окончательно. Теперь в воздухе витают два вопроса; первый гласит: "Откуда появляется ребенок?" Второй значительно труднее: "Как случилось, что мама имеет детей, а воспитательница и служанки - нет?" Все эти вопросы раньше не возникали. На другой день за обедом Анна заявила как будто совершенно непосредственно: "Мой брат в Италии, у него дом из материи (сукна) и стекла, и он не рушится". Как и всегда, в этом случае также нельзя было добиться объяснения, потому что сопротивление столь серьезно, что Анна не дает на этом останавливаться. Данное ею уникальное объяснение, напоминающее чтото официозное, очень симптоматично. Уже примерно месяца три, как дети замышляют стереотипную фантазию о каком-то "большом брате", который все знает, все может и все имеет, который был и есть повсюду, где дети не были, и которому позволяют делать все то, что дети делать не смеют. Каждая девочка имеет такого брата, который обладает большими коровами, овцами, конями и собаками и т. д.
7 Источник такой фантазии не приходится искать слишком далеко: моделью является отец; кажется, он является чем-то вроде брата для матери. Поэтому дети должны также иметь такого же могущественного "брата". Этот брат очень отважен, находится в Италии, опасной в настоящее время, живет в невероятно дряхлом доме, который не рушится. Тем

7 Примитивное определение божества.

самым реализуется важное для ребенка желание: землетрясение уже не опасно. Поэтому страх и фобия должны отпасть, и вот они проходят. С этого момента боязнь землетрясений совершенно

исчезла. Теперь вместо того, чтобы призывать по вечерам к кроватке отца для заклинания страха, малышка выказывает больше нежности и просит отца поцеловать ее. Для того чтобы испытать новое состояние дел, отец показал ей новые изображения вулканов и последствий землетрясения. Анна осталась, однако, хладнокровной и рассматривала картинки равнодушно: "Это мертвецы! Я их уже часто видела". Фотография с извержением вулкана тоже уже не имела в себе ничего притягательного. Таким образом, весь научный интерес внезапно сокрушился и исчез, как когда-то возник. Ведь в ближайшие после разъяснения дни у Анны были дела поважнее; она распространяла вновь полученные познания на свое окружение, правда, следующим образом: прежде всего еще раз было обстоятельно констатировано, что Фритцик вырос в маме, впрочем, как и она сама и ее младшая сестренка; папа - в своей маме, мама - в своей и служанки также в своих матерях. Часто задавая вопросы, она проверяла свою новую истину на прочность - ведь у малышки пробудилось изрядное недоверие, которое нуждалось в многократных удостоверениях для того, чтобы рассеять все сомнения. Между тем часто случалось так, что оба ребенка как бы невзначай воспроизводили теорию аиста и ангелов (однако как малоправдоподобную), когда излагали ее, несколько нараспев, своим куклам. Впрочем, новое знание безусловно выдержало проверку, так как фобия исчезла. Лишь однажды уверенность грозила разбиться вдребезги. Примерно через восемь дней после момента разъяснения отец как-то остался в постели до полудня из-за гриппа. Дети ничего об этом не знали. Анна вошла в комнату родителей и увидела, что отец, против обыкновения, лежит в постели. Она опять сделала на редкость удивленное лицо, застыла на значительном расстоянии от кровати, не пожелав приблизиться, с очевидным испугом и недоверием. Внезапно она выпалила: "Почему ты в постели? Может, у тебя тоже растение в животе?" Естественно, отец расхохотался и успокоил ее, объ-

26

яснив, что у папы не могут вырасти никакие дети, что мужчины не имеют детей, а только женщины,- после чего ребенок тут же снова стал доверчивым. В то время, однако, пока на поверхности все оставалось спокойным, проблема продолжала прорабатываться в глубине. Несколькими днями позже Анна рассказала за обедом: "Сегодня ночью мне приснился Ноев ковчег". Отец спросил ее, что же ей приснилось потом, на что Анна стала нести сущую ерунду. В таких случаях нужно просто ждать и слушать. И вправду, через несколько минут она сказала бабушке: "Сегодня ночью мне приснился Ноев ковчег, и внутри там было много разных зверушек". Затем снова наступила пауза, после которой она начала повествование в третий раз: "Сегодня ночью мне приснился Ноев ковчег, и внутри там было много зверушек, и внизу там была крышечка, которая отворяется, и зверушки вываливаются". Тот, кто знает, поймет, о чем идет речь. У детей действительно есть игрушечный ковчег, однако отверстием является крышечка на крыше, а не внизу. Тем самым делается тонкий намек: история о рождении изо рта или из груди не годится; возникает подозрение об истинном положении дел: это происходит именно внизу. Без каких-либо примечательных событий прошло много недель. Однажды имело место сновидение: "Я видела во сне маму и папу, они долго-долго были в кабинете, и дети были там же". На поверхности лежит известное желание детей, чтобы им позволили так же поздно отходить ко сну, как и родителям. Это желание здесь реализуется или, скорее, даже используется для маскировки другого, куда более важного желания: оставаться вечером с родителями, когда те остаются наедине, и, конечно же, совершенно невинным образом - в кабинете, где малышка видела столько интересных книг, где она утолила жажду знаний, т. е., собственно говоря, пыталась ответить на жгучий вопрос, откуда появился братик. Если бы дети при этом присутствовали, они бы знали это. Несколько дней спустя имел место кошмар, и Анна пробудилась с воплем: "Наступает землетрясение, дом уже дрожит!" Мать приходит к ней, успокаивает и утешает, говоря, что землетрясения нет, все спокойно и

27

все люди спят. Анна говорит весьма серьезно: "Я хочу увидеть весну, как выходят все цветочки и как весь луг полон цветов; я хочу сейчас посмотреть на Фритцика, у него такое милое личико; что делает папа? что он говорит?" (Мать отвечает: "Он спит и не говорит ничего".) Тогда малышка

замечает с насмешливой улыбкой: "Наверное, завтра он опять будет болен!" Этот текст следует читать наоборот: в последней фразе не стоит предполагать ничего серьезного, потому что она была сказана насмешливым тоном: когда отец в последний раз был болен, Анна подозревала его в том, что у него "в животе какое-то растение". Насмешкой она, однако, явно хочет сказать: завтра у папы, наверное, будет ребенок? Но все же всерьез она не подразумевает, что у папы будет ребенок, потому что только у мамы бывают дети; возможно, завтра у нее опять кто-то будет, но откуда? "Что делает папа?" Здесь, несомненно, всплывает формулировка трудной проблемы: что, собственно говоря, делает отец, если он не рожает детей? Девочке очень сильно хотелось бы найти отмычку для всех своих проблем, она хотела бы знать, как появился на свет Фритцик; хотела бы видеть цветочки как они выходят из-под земли весной; все эти желания скрываются за страхом землетрясения. После этого эпизода Анна спокойно проспала до утра. Утром мать ее спросила: "Что с тобой приключилось сегодня ночью?" Малышка, однако, все забыла и полагала, что у нее был только один сон: "Мне приснилось, что я могу делать лето, потом кто-то спустил Петрушку в ватерклозет". В этом диковинном сновидении, очевидно, имеются два различных сценария, которые разделены словом "потом". Вторая часть берет свой материал из одного недавнего желания - иметь Петрушку, т. е. куклу мужского рода, так же как и мама имеет мальчугана. Ктото бросает Петрушку в ватерклозет, обычно туда спускают совсем другие вещи. Так же, как это делается в клозете, появляется и ребеночек. Таким образом, мы видим здесь аналогию с теорией "подтирок" у "маленького Ганса". Если в сновидении наличествует множество сцен, то каждая сцена обычно является особым вариантом в переработке комплекса. Здесь также первая

часть является только вариантом темы, общей со второй частью. Что означает "видеть весну" или "видеть как выходят цветочки" - мы уже видели выше. Сейчас Анне снится, что она может делать лето, т. е. вызывать появление цветочков, она может сама сделать ребеночка; а вторая часть сновидения говорит: это точно так же, как делается испражнение. Здесь мы имеем эгоистическое желание, которое лежит за интересами ночной беседы, кажущимися объективными. Два дня спустя матери нанесла визит одна дама, которая ждала ребенка. Дети как будто не обращали на нее внимания. На следующий день, однако, они затеяли, по свидетельству родителей, особую игру: они натолкали себе под юбки старые газеты из бумажной корзины отца, несомненно, из желания подражать. Ночью малышка опять видела сон: "Мне приснилась какая-то женщина в городе, у которой был очень толстый живот". Главным действующим лицом в сновидении всегда является сам видящий сон, но в каком-то определенном аспекте; так детская игра накануне нашла свое полное толкование. Некоторое время спустя Анна поразила мать следующей сценой: она засунула себе под юбку куклу, потом медленно ее вытащила, головой вниз, и сказала: "Смотри, вот сейчас появится ребеночек, он уже совсем вышел". Тем самым Анна сказала матери: видишь, как я понимаю роды; что ты думаешь об этом? Это правильно? Игру, конечно, надо понимать как вопрос, потому что - как мы увидим дальше - девочка нуждалась только в официальном подтверждении этого понимания. О том, что пережевывание проблемы на этом еще не закончилось, свидетельствуют случайные наития, имевшие место в продолжение следующих недель. Так, ту же игру она повторила несколькими днями позже со своим медведем (который играл роль самой любимой игрушки). Однажды она сказала бабушке, указывая на розу: "Смотри, роза получает ребеночка". Бабушке это мнение совсем не пришлось по вкусу. Анна, однако, показала на несколько вздутую чашечку: "Смотри, здесь она уже совсем толстая". Однажды Анна поссорилась с сестренкой и та ей гневно крикнула: "Я тебя убью!", на что Анна возрази-

ла: "Если я буду мертва, то ты останешься совершенно одна, и тогда тебе придется молить Господа Бога о живом ребеночке". И сцена тут же изменилась: Анна была ангелом, а сестренка должна была преклонить перед ней колени и просить подарить ей живого ребеночка. Так Анна стала матерью, щедро раздающей детей. Как-то раз на десерт были апельсины, и Анна,

нетерпеливо ожидая, когда их можно будет есть, сказала: "Я возьму апельсин, проглочу его целиком, совсем вовнутрь живота, и тогда я получу ребеночка". Ну как здесь не вспомнить о сказках, где бездетные женщины в конце концов беременеют, проглатывая фрукты, рыбу и тому подобное?
8 Так Анна попыталась разрешить для себя проблему: как, собственно, дети входят в мать? Таким образом, она поднимает тот вопрос, который доныне еще ни разу не формулировался с такой остротой. Решение происходит в форме аллегорий, которые вообще свойственны архаичному мышлению ребенка. (Мышлением по аллегории обладают также и взрослые - в том слое психики, который лежит непосредственно под сознанием. Сновидения выносят аллегории на поверхность точно так же, как это делает dementia praecox
* .) Характерно, что сравнения, подобные детским, очень часто встречаются как в немецких сказках, так и в сказках других народов. Сказки, как представляется, суть мифы детей и потому содержат в себе помимо всего прочего и мифологию, которая складывается у ребенка по поводу сексуальных процессов. Чары поэзии сказок, действующие и на взрослого, покоятся, по-видимому, не в последнюю очередь на том, что в нашем бессознательном некоторые из старых теорий все еще живы. Ведь именно такое совершенно своеобразное и тайное чувство возникает в нас, когда в нас пробуждается что-то из нашей далекой юности не достигая сознания, а лишь посылая в него отблеск своей силы чувства. Вопрос о том, как ребенок входит в мать, труден для разрешения. В тело ведь попадает только то, что проходит через рот; поэтому можно предположить, что мать

8 CM. Rikiin, WunsCherfuHung und Symbolik im Murchen.
* Раннее слабоумие(лат.).

съела что-нибудь вроде фрукта, который затем вырос внутри тела. Однако теперь возникает следующее затруднение: наверняка известно, что детей производит мать - а на что же тогда нужен отец? Вот оно, древнее правило экономии нашего духа: связывать воедино две неизвестные величины и при нахождении одной прихватывать и другую. Итак, ребенок очень скоро укрепляется во мнении, что отец принимал какое-то участие во всем этом деле - и совершенно особое; потому-то в проблеме возникновения детей все еще остается открытым вопрос о том, как ребенок входит в мать. Что делает отец? Теперь Анну занимает исключительно этот вопрос. Как-то утром малышка забежала в спальню родителей, как раз тогда, когда родители занимались своим туалетом, впрыгнула в кровать отца, улеглась на живот и стала сучить ногами. При этом она кричала: "Правда, так делает папа?" Родители рассмеялись и ничего не ответили на этот вопрос, так как их лишь потом осенило возможное значение этого представления. Аналогия с лошадью "маленького Ганса", которая "делает шум" ногами, прямо-таки разительна. Казалось, вместе с этим последним успехом проблема уже решена, по крайней мере родители были не в состоянии сделать соответствующих наблюдений. То, что проблема пришла в состояние застоя в этот момент, не должно удивлять, потому что это действительно самое трудное место. Кроме того, из опыта известно, что далеко не все дети переходят эту границу уже в детском возрасте. Проблема слишком трудна для детского рассудка, потому что ему недостает многих необходимых сведений, без которых проблему нельзя разрешить. Ребенок ничего не знает о сперме и о половом акте. Единственная возможность: мать что-то ест, потому что только так что-то может войти в тело. Но что же тогда при этом делает отец? Частые сравнения с воспитательницей и другими лицами, не состоящими в браке, не прошли, очевидно, даром. Из этого Анна должна заключить, что существование отца имеет значение. Однако что он делает? И маленький Ганс и Анна придерживаются того мнения, что здесь должно быть что-то связанное с ногами.

Состояние застоя продолжалось примерно пять месяцев, в течение этого времени не наблюдалось ни симптомов фобии, ни каких-то признаков обработки комплекса. По истечении этого срока

появились предвестники событий. Семья Анны жила тогда в загородном доме у воды, где детям позволялось купаться вместе с матерью. Так как Анна боялась входить в воду глубже чем по колено, то отец как-то раз погрузил ее в воду, что вызвало громкие вопли. Вечером, укладываясь спать, Анна спросила мать: "Правда же, отец хотел меня утопить?" Через несколько дней после этого опять был громкий крик. Анна так долго болталась под ногами у садовника, что тот в конце концов шутки ради поставил ее в только что вырытую маленькую ямку. Анна принялась жалобно кричать и после этого утверждала, что он на самом деле хотел ее зарыть. Напоследок как-то ночью она проснулась со страшными криками. Мать вошла к ней в соседнюю комнату и успокоила ее. Анне приснилось, что там, наверху, проходит железная дорога и рушится. Есть у нас и история про омнибус "маленького Ганса". Эти инциденты достаточно свидетельствуют о том, что в воздухе опять носится страх, т. е. опять появилось препятствие для переноса на родителей, и потому большая часть либидо была конвертирована в страх. На этот раз недоверие было уже направлено не на мать, а на отца, который, конечно же, должен знать суть дела, но никогда даже не коснулся этого. Ум девочки был занят тем, что же отец затевает или делает. Ребенку эта тайна кажется чем-то очень опасным, потому, очевидно, что со стороны отца следует ожидать чего-то самого скверного. (Это детское настроение страха в отношении отца мы очень часто видим у взрослых, и в особенно отчетливом виде у пациентов с диагнозом dementia praecox, так если бы это психическое заболевание вело себя в соответствии с психоаналитическими принципами и снимало покров со многих бессознательных процессов.) вероятно, поэтому Анна и приходит к беспочвенному подозрению, будто отец хотел ее утопить. Тем временем Анна значительно подросла, и ее интерес к отцу принял особый оттенок, который с трудом

поддается описанию. В языке недостает слов, чтобы передать совершенно особый вид нежного любопытства, которое светилось в глазах ребенка. Конечно же, совсем не случайностью было то, что именно в это время дети пустились в одну милую игру. Они возвели двух самых больших кукол в ранг своих бабушек и играли с ними в "больницу", причем садовая беседка считалась "госпиталем". Туда они отнесли "бабушек", интернировали их и оставили на ночь. "Бабушка" в этом случае несомненно напоминает "большого брата" прежних времен. Кажется весьма вероятным, что бабушка просто замещает мать. Таким образом, малышка уже приступает к тому, чтобы убрать мать
9 . Это намерение мать облегчила ей тем, что опять дала повод к презрению. Это произошло следующим образом: садовник засеял травой большую лужайку. Анна с великим удовольствием помогала ему в работе, видимо совершенно не подозревая о глубоком содержании этой "детской игры". В течение примерно четырнадцати дней она часто и с радостью рассматривала пробивающуюся молодую траву. Однажды она пришла к матери и спросила: "Скажи, как же тогда глаза вросли в голову?" Мать сказала, что не знает этого. Анна, однако, продолжала допытываться, знают ли это тогда Господь Бог и папа, почему Господь Бог и папа знают все? Мать отослала ее к отцу: поди и спроси у него, как глаза врастают в голову. Несколько дней спустя вся семья собралась за чаем; после трапезы все стали расходиться. Отец все еще сидел и читал газету, Анна также осталась. Внезапно она подошла к отцу и спросила: "Скажи, как глаза вросли в голову?" Отец: "Они не вросли в голову, а с самого начала были в ней и вместе с ней росли". Анна: "Разве глаза не вставили (не посадили)?"

9 Тенденция устранить мать обнаружилась еще и в следующем: дети пользовались садовой беседкой как квартирой для своих кукол. Важным помещением в доме, как известно, является клозет, который, само собой разумеется, нельзя было упустить. Соответственно дети справляли свою нужду в одном углу беседки. Мать, естественно, вынуждена была разрушить эту иллюзию, запретив подобную игру. Вскоре ей пришлось услышать следующее объяснение: "Когда мама умрет, то мы будем делать это в беседочке каждый день и каждый день будем надевать воскресные платья".

Отец: "Нет, они действительно выросли в голове, как и нос". Анна: "Рот и уши выросли так же? И волосы так же?" Отец: "Да, они все так выросли". Анна: "Но как же волосы? Ведь маленькие мышки появляются на свет совсем голыми. Где же у них были волосы до этого? Нет ли для них семечек?" Отец: "Нет, знаешь ли, волосы происходят из таких маленьких зернышек, которые вроде семечек, но имеются уже с самого начала в коже и никто их не сеял". Отец здесь попал в затруднительное положение. Он догадался, чего хотела малышка, поэтому он не хотел опровергать теорию семян (столь дипломатично введенную теорию, которую она, по счастью, подсмотрела у природы) только из-за того, что здесь, и только здесь ее применение было неверным; к тому же девочка говорила с необычайной серьезностью, которая побуждала к снисходительному и уважительному отношению. Анна (явно разочарованная, со скорбью в голосе): "Но как же тогда Фритцик вошел в маму? И где он тогда вышел наружу?" Из этого потока вопросов, прорвавшихся внезапно, отец выбрал для ответа последний: "Подумай хорошенько, ты ведь видишь, что Фритцик - мальчик и из мальчиков получаются мужчины, из девочек - женщины, и только женщины могут иметь детей, а мужчины - нет. Ну, теперь подумай-ка, где Фритцик вышел?" Анна (смеется, радостно возбужденная, показывает на свои гениталии): "Так он вышел отсюда?" Отец: "Да, естественно, ты ведь уже и сама так думала?" Анна (пропуская вопрос мимо ушей, поспешно): "Но как тогда Фритцик вошел в маму? Его вставили (посадили)? Значит, посадили семечко?" От этого слишком прямого вопроса отец уже не мог более уклониться. Он объяснил ребенку, который слушал с величайшим вниманием: что мать - как земля, а отец - как садовник, отец дает семена, и они растут в матери, и так появляется ребеночек. Этот ответ удовлетворил ее в высшей степени, она тотчас же бросилась к матери с криком: "Папа мне все рассказал, я теперь

знаю все". Однако что такое это "все", она никому не сказала. На следующий день, однако, добытое знание было пущено в ход. Анна подошла к матери и сказала ей: "Мама, знаешь, папа рассказал мне, как Фритцик был ангелом и аист принес его с неба". Мать была, разумеется, изумлена и сказала: "Этого папа тебе, конечно же, не мог сказать". На что малышка рассмеялась и убежала. Очевидно, это была месть. Мать не хотела или не могла знать, как глаза вросли в голову. В конце концов, она просто не знает, как вошел в нее Фритцик. Поэтому ее спокойно можно перехитрить еще раз при помощи старой истории. Чего доброго, она еще и поверит. Теперь девочка была удовлетворена, так как ее познания обогатились и трудная проблема разрешилась. Но куда большим преимуществом было то обстоятельство, что она получила доступ к более интимному отношению с отцом и это отношение нисколько не угнетало ее интеллектуальную независимость. Отец, разумеется, был неспокоен, ему было не по себе при мысли, что он выдал тайну ребенку в возрасте четырех с половиной лет, тайну, которую другие родители тщательно скрывают. Понятно, что его беспокоила мысль о том, как Анна: воспользуется своим знанием. Не будет ли она болтлива, не будет ли пользоваться этим знанием в корыстных целях? Как бы она не стала поучать своих подружек и с восторгом играть по отношению к взрослым роль enfant terrible* . Однако опасения оказались совершенно безосновательными. Анна никогда и ни при каких обстоятельствах не позволяла себе проронить ни слова об этом. Вместе с этим разъяснением исчезла и проблема: более не следовало никаких вопросов. Бессознательное, конечно, не потеряло из виду загадку сотворения человека. Спустя несколько недель после разъяснения Анна рассказала следующий сон: ей снится, что она в саду и что около деревьев стоят много садовников и мочатся, и среди них также и ее отец. В этом можно узнать проблему, оставшуюся до сих пор нерешенной: как отец это делает?

* Ужасного ребенка (фр.).

35

В это самое время в дом пришел столяр для починки какого-то тугого выдвижного ящика; Анна стояла около него и смотрела, как он обстругивает ящик. Ночью у нее было следующее сновидение: столяр обстругивает ей гениталии. Сновидение легко поддается толкованию так, будто Анна задается вопросом: а как же у меня? Не нужно ли сделать что-то подобное тому, что делает столяр, чтобы все пошло на лад? Предположение указывает на то, что эта проблема в настоящий момент подвергается ъ значительной мере бессознательной переработке, так как в проблеме что-то неясно. Что это такое, обнаружилось при первом подходящем случае, который, правда, произошел только несколько месяцев спустя, когда Анна уже приближалась к своему пятилетнему юбилею. Тем временем уже и меньшая сестренка, Софи, доросла до этих вопросов. Правда, .она была рядом, когда Анне давали разъяснения в период ее фобий по поводу землетрясения. Тогда она даже как бы вскользь сделала замечание, на вид очень разумное (см. выше). Однако на деле, по правде говоря, тогда она не поняла разъяснения. Это вскоре обнаружилось. Временами она бывала нежна с матерью сверх всякой меры и не отходила от ее передника; но в то же время она была совершенно непослушна и раздражительна. В один из таких плохих дней она захотела опрокинуть люльку маленького братика. Мать строго ей указала, после чего та разразилась громким ревом. В промежутке между всхлипываниями она внезапно сказала: <Я ведь совершенно не знаю, откуда берутся маленькие дети>. Естественно, на это ей дали точно такое же объяснение, что и старшей сестре. Тем самым, казалось, проблема у нее затихла - и правда, в течение многих месяцев она не давала о себе знать. Но потом опять наступили дни, когда она была в плаксивом и дурном настроении. Однажды она непосредственно обратилась к матери с вопросом: "Значит, Фритцик был в твоем животе?" Мать: "Да". Софи: "Ты его выдавила?" Мать: "Да". Софи (проникновенно): "Там, внизу?"

36

Она прибегла при этом к детскому термину, который употребляется как для гениталий, так и для ануса. Софи: "И тогда его спустили?" Выражение "спустили" происходит от механизма (очень интересующего детей), с помощью которого в клозете "спускались" экскременты. Анна: "Так разве Фритцик был вырван?" У Анны накануне вечером была рвота из-за легкого расстройства пищеварения. У Софи после многомесячной паузы наступил внезапный прилив: удостовериться в прежних разъяснениях еще раз. Это дополнительное, повторное удостоверение, видимо, намекает на сомнение относительно материнского объяснения, полученного ранее. Судя по содержанию вопросов, сомнения исходили из неудовлетворительного объяснения родов. Выражение "выдавливать" используется детьми для акта дефекации. Это выражение показывает, каким путем пойдет теория теперь уже у Софи. Ее следующее замечание (был ли Фритцик тогда "спущен") показывает полную идентификацию братика с excrementum, идентификацию, которая заходит уже так далеко, что граничит с чем-то гротескным. Анна задает после этого странный вопрос: не был ли Фритцик "вырван"? Ее рвота накануне произвела на нее сильное впечатление. Никогда раньше ее не рвало. Это был путь, каким вещи могли выходить изнутри, но о котором она прежде серьезно не думала. (Собственно, лишь когда речь шла об отверстии в теле, она и подумала о рте.) Своим замечанием она решительно уклоняется от теории экскрементов. Почему же она тут же не догадалась о гениталиях? Последнее из сообщаемых ею сновидений позволяет нам усмотреть возможные основания: в гениталиях есть что-то, чего Анна не понимает, там нужно еще что-то сделать, чтобы дело "пошло на лад". А может быть, это совсем не гениталии? Может быть, семена для детей проходят в тело через рот, так же как кушанье, и ребенок тогда выходит как "рвота"? Детальный механизм родов все еще загадочен. Мать опять вразумила Анну, что ребенок действительно выходит снизу. Примерно через месяц Анна вдруг рассказывает следующее сновидение: "Мне снилось, что я в

37

спальне у дяди и тети. Они оба лежали в постели. Я отдернула с дяди одеяло, уселась на его желудок и скакала на нем туда-сюда (как на лошади)"

10 . Это сновидение случилось как будто совершенно неожиданно. Дети тогда уже в течение нескольких недель были на каникулах, и отец, задержавшийся в городе по делам, приехал к ним как раз в этот день. Анна была с ним особенно нежна. Отец как бы в шутку спросил ее: "Хочешь поехать со мной сегодня вечером в город?" Анна: "Да, и тогда я должна спать вместе с тобой?" Одновременно она нежно взяла его под руку, точно так же, как это обыкновенно делала мать. Несколько минут спустя она рассказала это свое сновидение. За несколько дней до этого она была в гостях у тети, упомянутой в сновидении

11 . Она особенно радовалась этому визиту, так как с уверенностью предполагала, что встретится там с двумя маленькими кузенами, которые ее ужасно интересовали в тот день. К сожалению, кузенов там не было, и Анна была весьма разочарована. В настоящей ситуации что-то, должно быть, было родственным содержанию сновидения, поэтому-то оно внезапно и всплыло в памяти. Совершенно ясно, что причина этого - родство между явным содержанием сновидения и беседой с отцом, которую она с ним только что завела. Дядя - человек достаточно пожилой, и ребенок с ним знаком лишь по нескольким редким встречам. В сновидении он - lege artis

* , замещающий отца. Сновидение само компенсирует разочарование, полученное накануне: она в постели отца. Здесь tertium comparationis

** с нынешним положением дел. Поэтому сновидение внезапно опять и вспоминается. В сновидении повторяется игра, в которую Анна часто играла в (пустой) кровати отца, а именно: такая же езда верхом и подергивание ногами, но в игре на матраце. Из этой игры возник вопрос: "Папа делает так же?" (см. выше). Наяву разочарование состоит в том, что отец ей ответил: "Ты дол-

10 Используемое здесь диалектное выражение ("uf- und abgjuckt") непереводимо; оно означает: выполнять отскакивающее движение в вертикальном смысле.

11 Сновидению уже несколько дней.

* Искусственный заменитель (лат.).

** Третье - в сравнении; основание для сравнения (лат.).

жна будешь спать в соседней комнате". На это следует воспоминание того самого сновидения, которое ее уже однажды утешило в ее эротическом разочаровании. Одновременно сновидение приносит существенное пояснение теории: это происходит в постели, путем ритмических движений, изображенных выше. Имеет ли это замечание что-то общее с рвотой (она садится на желудок дяди) - пока еще неясно. Наблюдения на этом заканчиваются. Сейчас Анне немногим более пяти лет и она уже знает, как мы видели, целый ряд важных фактов из сферы половой жизни. Невозможно было заметить какого либо дурного влияния этого знания на ее характер и мораль. О благоприятном терапевтическом действии мы уже говорили. Из сообщенного материала также следует, что младшая сестра, очевидно, тоже нуждается в определенном просвещении, и притом тогда, когда проблема сама собой явится перед ней. Если она еще не назрела, то пользы от разъяснения, похоже, никакой нет. Я не приверженец сексуального просвещения детей в школе и вообще какого-либо механического, общего для всех просвещения. Поэтому я не в состоянии давать позитивные или общезначимые советы. Из сообщенного материала я могу сделать только один вывод: надо видеть детей такими, какими они являются на самом деле, а не такими, какими мы желаем их видеть, а при воспитании надо следовать линии развития природы, а не мертвым предписаниям.

Дополнение

Как я уже отметил в предисловии, с момента первого издания этого труда мои взгляды изменились несущественно. Однако один пункт в наблюдениях был оценен неудовлетворительно, а именно тот факт, что дети (несмотря на получаемое просвещение) все же вновь и вновь обнаруживают отчетливую тенденцию: оказывать предпочтение фантастическому объяснению. С момента появления работы эта тенденция, вопреки моим ожиданиям, укрепилась: дети продолжали предпочитать фантастическую теорию. В этом отношении у меня имеют-

39

ся несомненные наблюдения также и над детьми других родителей. Четырехлетняя дочурка одного моего друга, который не был расположен скрытничать при ее воспитании, должна была в прошлом году помогать матери наряжать рождественскую елку. Про этот год, однако, ребенок объяснил матери: "Этот год не был последним. Я не хочу, чтобы пришел следующий, и ты закрой дверь на ключ". Вследствие этого и подобных наблюдений мне пришла в голову мысль: не является ли фантастическое или мифологическое объяснение, которое ребенок, несомненно, предпочитает, по этой причине более для него подходящим, чем естественнонаучное (которое фактически, правда, является верным, но грозит воздвигнуть незыблемый затвор для фантазии). Как показывает настоящий случай, затвор не был, конечно, незыблемым и фантазия просто отодвинула науку в сторону. Повредило ли просвещение детям? Ничего подобного не наблюдалось. Дети развивались здоровыми и нормальными. Проблемы, затронутые тогда, по-видимому, совершенно отступили на второй план, вероятно, благодаря разнообразным внешним интересам при посещении школы и тому подобному. Деятельность фантазии не ущемлена, по крайней мере она никоим образом не идет по пути, который можно было бы охарактеризовать как аномальный. Во всяком случае, настоящие замечания и наблюдения деликатной природы были изложены откровенно и без цензуры. Поэтому я пришел к мнению, что более раннее, чем обычно, откровенное объяснение как раз разгружает фантазию и тем самым препятствует тому, чтобы фантазия развивалась, украдкой поглядывая на эти вещи, что могло бы стать препятствием для свободного развития мышления. Однако то, что фантазия пренебрегла правильным объяснением, кажется мне важным свидетельством того, что свободно развивающееся мышление имеет неотступную потребность эмансипироваться от реальности фактов и возводить свой собственный мир. Тем более я не могу советовать давать ребенку ложные объяснения, которые могли бы посеять только недоверие. Столь же мало полезным мне кажется навязывание гипотезы, дающей верное объяснение. Ведь ее тупая

40

ограниченность просто подавляла бы свободу в развитии мышления, и ребенок был бы втиснут в рамки конкретного понимания, что исключило бы дальнейшее развитие. Как и биологическое, духовное имеет свои неприкосновенные права. Конечно же, неслучайно, что первобытные народы и в зрелом возрасте помимо хорошо известных сексуальных представлений выдвигали одновременно фантастические утверждения, например, что коитус не имеет совершенно никакого отношения к беременности. Конечно, некоторые могут сделать из этого вывод, будто люди просто еще не знали о такой причинной зависимости. Однако точные исследования выявили, что они очень даже хорошо знали, что у животных совокупление приводит к беременности. Они оспаривают это только в отношении человека, и не просто не ведают, но оспаривают - потому-то и предпочитают мифологическое объяснение, которое было освобождено от конкретности.

41

Нетрудно увидеть, что в таких фактах, наблюдаемых у дикарей в избытке, заложены начала абстракции, столь важной для культуры. Мы имеем все основания предположить, что так же дело обстоит и с детской психологией. Когда индеец из Южной Америки называет себя - действительно и воистину красным попугаем и убежденно отклоняет какое бы то ни было фигуральное понимание, то это менее всего относится к "моральному" сексуальному вытеснению, но заключает в себе закон, неизменно присущий функции мышления: закон самостийности и эмансипации от конкретивизма чувственных восприятий. Это следует признать особым принципом функционирования мышления, принципом, который только в поливалентных инфантильных зачатках слит воедино с началами сексуальности. Попытка увести мышление вспять, к одностороннему сексуализму,- предприятие, которое идет вразрез с основными фактами

человеческой психологии.

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ ФРЭНСИС ДЖ. ВИКС "АНАЛИЗ ДЕТСКОЙ ДУШИ"

Первые три с половиной абзаца этого текста впервые опубликованы как введение к книге Frances G. Wickes, The Inner World of Childhood. New York, 1927. Для немецкого издания этой книги (Analyse der Kindesseele. Stuttgart, 1931) К. Г. Юнг расширил введение до настоящего объема. Сочинение Ф. Дж. Викс было издано впоследствии, в 1969 г., в издательстве Rascher,

Zurich в новом переводе. Фрэнсис Дж. Викс в течение многих лет была школьным психологом в Америке. Казуистический материал, собранный ею, предстал самому автору в новом свете на базе теорий К. Г. Юнга и одновременно содействовал подтверждению и расширению этих теорий.

42

Эта книга стремится сообщить нам не теорию, но опыт. Однако именно в этом заключается ее особая ценность для всякого, кто действительно интересуется детской психологией. Мы не сможем в полной мере понять психологию ни ребенка, ни взрослого, если будем рассматривать ее как исключительно субъективное дело индивида, ибо соотнесенность его с другими едва ли не важнее. Во всяком случае, учитывая ее, мы подступаем к самой доступной и практически важной части духовной жизни ребенка. Душевный мир ребенка столь тесно сопряжен и сращен с психологической установкой родителей, что неудивительно, если в большей части нервная патология детского возраста восходит к нарушениям в душевной атмосфере родителей. В этой книге на целом ряде примечательных примеров показано, сколь роковым может быть влияние родителей на ребенка. Редкая мать или отец прочтут соответствующую главу книги, не признав ее потрясающих истин. Exempla decent
* - пример есть лучший наставник! Здесь мы снова убеждаемся в этой хотя и старой, но неумолимой истине. Все дело не в благонамеренных и мудрых речах, а главным образом в поведении, в действительной жизни родителей. Мы не добьемся цели также и в том случае, если будем просто жить в соответствии с признанными моральными ценностями, ибо соблюдение нравов и законов может с одинаковым успехом служить прикрытием для утонченной лжи, слишком хитроумной и потому незаметной для наших ближних. Хотя таким путем мы и сможем увернуться от всякой критики, а может быть, обмануть даже самих себя напускной верой в нашу столь очевидную порядочность, но- из-под скорлупы нашей обыденной совести тихий голос скажет нам: "Что-то не в порядке", сколько бы при этом ни старались общественное мнение или морально-нравственный кодекс укрепить нашу веру в пра-

* Примеры учет (мт.).

43

вильность нашего образа жизни. Некоторые из приведенных в этой книге случаев весьма наглядно доказывают, что по ту сторону человеческих нравов и понятий о праве есть внушающий страх закон - закон, обмануть который невозможно. Наряду с проблемой влияния среды на психику эта книга особо выделяет те психические факторы, которые связаны скорее с иррациональными душевными ценностями ребенка, нежели с рациональной частью его психики. Эта последняя может стать предметом научных исследований, тогда как духовные ценности, свойства души не поддаются чисто интеллектуальному рассмотрению. Мало толку в скептических выводах по этому поводу - природа не заботится о наших мнениях; имея дело с человеческой душой, нам следовало бы общаться с нею на ее собственной почве, а к этому нас понуждает всякое столкновение с реальными нешуточными проблемами жизни. Я рад, что автор не побоялась навлечь на себя интеллектуальную критику с разных сторон. Подлинному опыту нет нужды пугаться обоснованных и необоснованных возражений, ибо его позиции - всегда сильнейшие позиции.

Эта книга не претендует на роль научного труда; тем не менее она научна в .высшем смысле слова, ибо дает подлинную картину трудностей, реально встречающихся в деле воспитания. Она заслуживает серьезного внимания всех тех, кому по призванию или по долгу службы приходится иметь дело с детьми. Она, однако, заинтересует и тех, кто не по долгу и не по склонности воспитывать, а из страсти к познанию захочет стать более компетентным в началах человеческого сознания. Если для врача и психолога-воспитателя многие представленные в этой книге взгляды и данные опыта и не содержат ничего принципиально нового, то любопытный читатель обнаружит в ней немало случаев удивительных и побуждающих к критическому размышлению; случаи и факты, которые автор при своей главным образом практической ориентации не пытается проследить во всех их предпосылках и теоретических следствиях. Как, например, отнестись мыслящему читателю к неясному, но неоспоримому факту тождества душевного состояния

ребенка с бессознательным его родителей? Здесь предчувствуется целая необозримая область возможностей, многоголовое чудище проблем, в равной мере касающихся как биолога и психолога, так и философа. Для знатока психологии первобытных народов очевидна связь этого тождества с понятием participation mystique
* у Леви-Брюля. Удивительно, что немалое число этнологов все еще противится принятию этой гениальной теории, и, вероятно, виной тому не в последнюю очередь несчастный термин mystique
** . Слово "мистический" в самом деле представляется обиталищем всех нечистых духов, хотя оно вовсе не подразумевало такого смысла изначально, а, скорее, было унижено до такого смысла в нечистом обывательском словоупотреблении. В упомянутом тождестве столь же мало "мистического", как и в том факте, что мать и плод имеют одну систему обмена веществ. Тождество это возникает, в сущности, вследствие той общеизвестной бессознательности, которая свойственна маленьким детям. Это также роднит ребенка с первобытным человеком, который так же, как и ребенок, бессознателен. Бессознательность обусловливает неразличенность. Здесь нет еще отчетливо обособленного Я, а есть только события, которые могут относиться ко мне, а могут и к другому. Довольно того, что на этого другого они оказывают воздействие. Чрезвычайная заразительность эмоциональных реакций вполне достаточна, чтобы все находящиеся поблизости невольно попали под их влияние. Чем слабее сознание ребенка, тем меньше имеет значение, кто именно аффицирован, и тем меньше возможностей защититься от аффицирования. В самом деле, эффективная защита была бы возможна лишь в случае, если бы я мог сказать: "Ты возбужден, ты неистовствуешь, а я нет, потому что я не ты". Именно таково положение ребенка в семье. Все затрагивает его в той же мере и таким же образом, как и всю семейную группу. Для всякого любителя теоретического познания существенно здесь то, что самые сильные воздействия на детей исходят, как правило, не от сознательных состоя-

* Мистическая сопричастность (фр.).
** Мистическое (фр.).

ний родителей, а от их бессознательного фона. А это для нравственного человека, который в то же время и сам отец или мать, означает серьезную проблему. Ведь понятно: то, что более или менее в наших руках - сознание со всеми его содержаниями,- невзирая на все наши потуги оказывается менее влиятельным, чем эти неконтролируемые фоновые эффекты. Если мы со всей серьезностью осознаем и представим себе этот факт бессознательных воздействий, нас может охватить чувство крайней моральной неуверенности. Как же защитить детей от нас самих, если сознательная воля и сознательное усилие оказываются бессильными? Несомненно, для родителей было бы чрезвычайно полезно рассматривать симптомы ребенка в свете их собственных проблем и конфликтов. Делать это требует долг родителей. Их ответственность в этом отношении велика в той же мере, в какой в их власти устроить собственную жизнь так, чтобы она не причиняла ущерба их детям. В общем, мы еще далеко не достаточно подчеркиваем

важность для психики ребенка образа жизни его родителей - ведь на ребенка действуют факты, а не слова. Поэтому родителям всегда следовало бы помнить о том, что в случае беды они же сами служат первым и главным источником неврозов своих детей. Впрочем, мы не вправе и переоценивать значение этого факта бессознательных воздействий, хотя он может опасно усыпить потребность нашего духа в причинных объяснениях. Мы вообще не имеем права преувеличивать значение причин. Причины, конечно же, есть, но душа - не механизм, который необходимо и строго закономерно реагирует на специфические стимулы. Здесь, как и в других областях практической психологии, мы вновь и вновь на опыте убеждаемся в том, что в многодетной семье только один какой-нибудь ребенок реагирует выраженным тождеством на бессознательное родителей, другие же не реагируют вовсе. Практически решающую роль играют здесь специфические задатки индивидуума. А потому биологически ориентированный психолог указывает на факт органической наследственности и в качестве объясняющего фактора склонен учитывать скорее совокупный генофонд родословной индивида, нежели сиюминутную психическую причинность.

46

Эта точка зрения, сколь бы удовлетворительной в общем и целом она ни казалась, оказывается, к сожалению, бесполезной в отдельных случаях, так как не дает практически никаких методик психологической помощи в частном случае. Однако верно также и то, что родителей и детей связывает цепь психической причинности, несмотря на все законы наследственности вместе взятые; более того, при всей бесспорности правомерности генетической точки зрения она все же чрезвычайно вредна тем, что уводит внимание воспитателя или терапевта от практического факта родительского влияния к общему, более или менее фаталистическому анализу генофонда, последствий которого никто не может избежать. Серьезным упущением для родителей и воспитателей была бы, с одной стороны, попытка игнорировать психическую причинность, точно так же, как, с другой стороны, было бы роковым заблуждением списывать всю меру вины только на один этот факт. Известную роль играют в каждом случае оба фактора, хотя один не исключает другого. Сильнее всего, как правило, воздействует на ребенка жизнь, которую не прожили его родители (и предки родителей, ибо речь идет здесь о психологическом прафеномене первородного греха). Эта констатация была бы слишком общей и поверхностной, если бы мы не попытались ее конкретизировать: тот отрезок жизни, который, возможно, мог бы быть прожит, если бы -некие более или менее сомнительные предлоги не помешали тому. Речь идет о таком отрезке жизни, от которого - скажем ясно - родители увильнули и при возможности воспользовались для этого неким подобием святой лжи. Вот где источник самой опасной заразы. Поэтому совершенно уместен призыв нашего автора к незамутненному ясному самопознанию. И тогда, разумеется, уже природа каждого отдельного случая определит ту меру вины, которую мы действительно вправе будем вменить родителям. Никогда не надо забывать, что речь идет о "первородном грехе", правда грехе перед жизнью, а не о нарушении норм созданной людьми морали, и что поэтому сами родители должны, в свою очередь, рассматриваться как дети бабок и дедов. Проклятие Атридов - не пустая фраза.

47

Не следует также впадать в иного рода заблуждение и думать, будто характер или интенсивность реакции ребенка eo ipso

* зависят от своеобразия проблематики родителей. Часто эта последняя действует просто как катализатор, вызывающий такие эффекты, которые легче бывает объяснить с помощью генофонда, нежели психической причинностью. Мы неверно поняли бы причинное значение проблематики родителей для душевной жизни ребенка, если бы захотели трактовать это значение всегда в слишком личном смысле - как сугубо моральный вопрос. Чаще речь идет скорее о некоем судьбоносном этносе, лежащем по ту сторону сознательной человеческой компетенции. Пролетарские наклонности у потомков древних, благородных родов, преступные поползновения у детей добропорядочных и даже чересчур хороших людей, параличная или хроническая леность у потомков энергичных и пробивных родителей- все это не только моменты сознательного выбора

непрожитой жизни, но и данные судьбой компенсации, функция природного этоса, который унижает возвысившееся и возвышает униженное. Против этого не поможет ни воспитание, ни психотерапия. То и другое, даже при самом разумном применении, может в лучшем случае лишь содействовать верному выполнению жизненной задачи, поставленной естественным этосом. Мы сталкиваемся здесь с безличной виной родителей, за которую ребенок должен будет расплачиваться столь же безлично. Но родительское влияние действительно становится моральной проблемой, если речь идет об условиях, которые родители хотя фактически и могли изменить, но из-за грубой небрежности, невротической боязливости или бездумного соблюдения условностей изменить не решились. Здесь на родителей зачастую ложится тяжкое бремя ответственности. А отговорки, что ты-де ничего не знал, перед лицом природы силы не имеют. Неведение действует так же, как и вина. Другая проблема, которую книга Вике ставит перед мыслящим читателем, состоит в следующем. Психология состояния тождества, предшествующего Я-созна-

* Уже тем самым (лат.).

нию, показывает, чем является ребенок благодаря влиянию родителей. Однако причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогии родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными породителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители. Так же и подлинная душевная индивидуальность ребенка есть новое в сравнении с психикой родителей явление, невыводимое из ее особенностей. Она образует комбинацию коллективных факторов, присутствующих в психике родителей лишь потенциально и весьма часто совершенно невидимых. Не только тело ребенка, но и его душа происходит из ряда предков, поскольку этот ряд индивидуально отличен от коллективной души человечества. Душа ребенка до стадии сознательного Я вовсе не представляет собой нечто пустое или бессодержательное. Едва только появляется членораздельная речь, как уже наличествует сознание, интенсивно подавляющее своими актуальными содержаниями и воспоминаниями коллективное содержание предшествующего времени. Наличие таких содержаний сознания у ребенка, еще не сознающего своего Я, вполне доказанный факт. Самое существенное значение в этом отношении имеют сновидения трех- и четырехлетних детей, среди которых встречаются сны, столь насыщенные мифологией и столь нагруженные содержанием, что мы без колебаний объявили бы их принадлежащими взрослым, если бы не знали, кто действительно видит эти сны. Сновидения эти - последние остатки исчезающей коллективной души, в своих снах повторяющей вечные фундаментальные содержания души человечества. Из этой фазы развития берут начало многие детские страхи и смутные недетские предчувствия, которые, обнаруживаясь вновь на позднейших стадиях жизни, образуют основу веры человечества в перевоплощение. Но из этой же сферы брезжат и те ясные прозрения, которые дали повод утверждать: "Устами младенцев и шутов глаголет истина".

Коллективная душа, еще столь близкая маленькому ребенку, благодаря своей вездесущности использует не только фоновые условия психического мира родителей, но в еще большей мере бездны добра и зла, таящиеся в человеческой душе. У бессознательной души ребенка прямо-таки необозримый объем, столь же необозримо велик и ее возраст. Отцу и матери подобает всяческое почтение -но и за томительным желанием снова стать ребенком, за детскими страшными снами скрывается нечто большее, чем только нега колыбели или дурное воспитание. У первобытных народов широко распространена вера в то, что душа ребенка есть воплощенный дух предков, и потому у них считается прямо-таки опасным наказывать детей, так как это означает оскорбление духа предков. Эта вера есть не что иное, как несколько более наглядное выражение изложенной

мною выше концепции. Бесконечность досознательной души ребенка сохраняется или исчезает с нею вместе. Поэтому остатки детской души у взрослого человека заключают в себе то лучшее и то худшее, что в нем есть, но во всяком случае именно они формируют тайный spiritus rector
*

50
наших самых значительных деяний и судеб, сознаем мы это или нет. Именно они придают неприметным людским фигурам на шахматной доске нашей жизни достоинство пешек или королей, именно они превращают случайного бедолагу-отца в тирана, распоряжающегося всей нашей жизнью, а глупую гусыню, не по своей воле ставшую некогда нашей матерью, делают богиней нашей судьбы. Ибо за всяким, кто однажды стал комунибудь отцом, незримо стоит вечный образ Отца, как и за преходящим явлением чьей-то матери незримо стоит магическая фигура Матери вообще. Эти архетипы коллективной души, могущество которых проявляется в бессмертных творениях искусства и в пламенных формулах вероисповедных символов религий, суть также те силы, которые властвуют над досознательной душой ребенка и своей проекцией зачастую придают реальным человеческим родителям его почти невероятную притя-

* Правящий дух, дух-направигель (лат.).

51

гательную силу. Отсюда возникает и та ложная этиология неврозов, которая у Фрейда оформилась в систему: эдипов комплекс. А потому, хотя в последующей жизни невротика образы родителей и могут подвергаться критике и низводиться до обычных человеческих масштабов, они, похоже, и далее действуют в его душе подобно божественным силам. Если бы отец по плоти действительно обладал этим невероятным могуществом, то сыновья непременно убивали бы своих отцов или, еще вероятнее, сами отказывались бы впоследствии становиться отцами. Ибо какой же нравственный человек способен нести такую непомерную ответственность? И все же насколько лучше было бы нам оставить этот перевес в силах божественному, которое и владело им от века, пока не произошло "просвещение".

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ

Доклад на Международном конгрессе по проблемам воспитания в Террите-Монтрё в 1923 г. Впервые опубликован в Contributions to Analytical Psychology. Kegan Paul, London, и Harcourt Brace, New York, 1928. Оригинальный немецкий текст опубликован впервые в научной серии издательства Walter, Olten (1971) в качестве отдельной работы в томе <Индивид и общество> (Der Einzelne in der Gesellschaft).

52

Не без сомнений приступаю я к тому, чтобы в кратком докладе представить вам взаимную связь явлений, изучаемых аналитической психологией, и вопросов воспитания. С одной стороны, невозможно в нескольких, даже сколь угодно содержательных положениях объять эту великую и обширную область человеческого опыта, с другой же стороны, аналитическая психология представляет собою такой метод, а равно и такой стиль мышления, которые невозможно просто предполагать как всем известные, а потому их нелегко и изложить применительно к вопросам воспитания. Почти неизбежно требуется историческое введение в эволюцию этой новейшей психологической дисциплины, поскольку такое введение поможет нам

понять коекакие из тех явлений, которые, встречаясь нам сегодня в непосредственном опыте, кажутся труднопостижимыми. Психоанализ, возникнув первоначально из опыта исследования феноменов гипнотизма, был в представлении Фрейда исключительно терапевтическим методом исследования психических причин функциональных (следовательно, неорганических) нарушений нервной деятельности, главным образом сексуальных причин этих нарушений; одновременно психоанализ был также и методом их лечения, поскольку предполагалось, что доведение до сознания пациента этих сексуальных причин имеет также выраженный врачебный эффект. Вся школа Фрейда и сегодня еще понимает психоанализ только в этом смысле и не желает даже слышать о какой-либо иной этиологии нарушений нервной деятельности, кроме сексуальной. Опираясь первоначально на эту методику и теорию неврозов, с годами я выработал понятие "аналитическая психология", которое должно выражать собою тот факт, что психологические исследования вышли за узкие рамки врачебно-терапевтической техники с ее ограниченностью известными теоретическими предпосылками и перешли в более обширную область нормальной психологии. Поэтому, говоря вам теперь о связи аналитической психологии и воспи-

тания, фрейдовский анализ психики я оставляю в стороне. Поскольку этот анализ есть не что иное, как психология разветвлений полового влечения в психике человека, то и упоминание о психоанализе имело бы смысл только в том случае, если бы мы собирались говорить исключительно о сексуальной психологии ребенка. Но я сознательно стараюсь избежать ложного впечатления, будто я в какой бы то ни было мере разделяю тот взгляд, согласно которому отношения ребенка с родителями, а равно и с учителями, братьями и сестрами и товарищами по школе следует объяснять из ранних зачатков половой функции. Эти, конечно же, небезызвестные вам взгляды представляют собою, как я убежден, несколько торопливых и односторонних обобщений, которые дали уже предостаточно поводов для самых абсурдных ложных толкований. Если у ребенка наблюдаются такие патологические симптомы, которые дают нам право объяснять их средствами сексуальной психологии, то ответственность за эти симптомы следовало бы в гораздо большей мере возложить на сексуальные расстройства психологии родителей, чем на психологический склад самого ребенка, ибо чрезвычайно впечатлительная и зависимая психика ребенка всецело живет еще в атмосфере родительской психики и лишь относительно поздно освобождается от ее притяжения. Я попытаюсь теперь представить вам вкратце основополагающие идеи аналитической психологии, которые могут иметь значение для оценки детской психики, и особенно психики ребенка школьного возраста. Вы, надеюсь, не ожидаете, что я смогу при этом дать вам какие-нибудь конкретные практические указания и рекомендации. Единственное, что я смогу предложить вам,- это более глубокое понимание общих законов, соответственно которым совершается психическое развитие ребенка. Я должен поэтому довольствоваться надеждой, что из моего сообщения вы получите некоторое представление о ходе развития высшей способности человеческого духа. Высокая степень ответственности, лежащей на нас как на воспитателях будущего поколения человеческого рода, предохранит вас при этом от не в меру торопливых выводов. Некоторые идеи нужно долго носить в себе и обдумывать, прежде чем им будет

найдено выгодное применение на практике. Углубленные психические познания учитель не имеет права непосредственно взваливать на ученика, как это, к сожалению, часто случается. Эти познания должны послужить в первую очередь самому учителю для того, чтобы он мог начать с должным пониманием относиться к психической жизни ребенка,- ведь это знание предназначено для взрослых, а не для детей, которые на первых порах нуждаются лишь в элементарном знании. Одним из важнейших достижений аналитической психологии является, несомненно, выяснение биологической структуры души. Не так легко пояснить в нескольких словах нечто такое, открытие чего стоило многолетнего труда. Поэтому для начала я должен сделать несколько более

общий экскурс, чтобы затем вернуться к разговору о детской душе в частности. Как вам известно, психология, представленная прежде всего школой Вундта, занималась до сих пор почти исключительно психологией нормального сознания, как будто душа состоит только из феноменов сознания. Однако французской медицинской психологии пришлось вскоре свыкнуться с признанием существования бессознательных душевных феноменов. Сегодня мы признаем, что сознание состоит только лишь из тех комплексов представлений, которые непосредственно ассоциированы с Я. С Я же ассоциируются те психические содержания, которые имеют известную интенсивность. А все те психические содержания, которые не достигают требуемой интенсивности или же утратили ее, находятся под порогом, под уровнем сознания и принадлежат к сфере бессознательного. Бессознательное с его неопределенной протяженностью можно уподобить морю, сознание же скорее -острову, что возвышается над морем. Однако такую аналогию мы не вправе развивать далее, поскольку отношение сознания к бессознательному существенно отличается от отношений острова к окружающему его морю. Это не стабильное, не устойчивое отношение, а непрерывный взаимообмен и постоянное смещение содержаний; ибо ни сознание, ни бессознательное не есть нечто покоящееся и пребывающее - бессознательное живет и находится в непрестанном взаимодействии с сознанием. Содержания сознания, утратившие свою ин-

тенсивность или актуальность, погружаются в бессознательное. Этот процесс мы называем забвением. Из бессознательного всплывают и вступают в сознание новые представления и наклонности; в таком случае мы говорим о прозрениях и импульсах. Бессознательное есть в известном смысле та почва, из которой произрастает сознание. Ибо сознание не является в мир сразу готовым, а развивается из своих ростков. Такое развитие сознания и происходит у ребенка. В первые годы его жизни мы поначалу не можем зафиксировать почти никаких проявлений сознания, хотя уже в очень раннем возрасте отчетливо проявляются психические процессы. Но эти процессы лишены центра, не соотнесены ни с каким Я, а потому лишены и той непрерывности, без которой невозможно сознание. Поэтому у ребенка нет также памяти в нашем смысле этого слова, несмотря на всю пластичность и впечатлительность его психического органа. Только когда ребенок начинает говорить о себе "я", проступает поддающаяся наблюдению, хотя первое время часто нарушающаяся, непрерывность сознания. Однако и ее многократно сменяют периоды бессознательности. В первые годы жизни ребенка можно наглядно видеть, как из постепенного сопряжения отдельных фрагментов у него складывается сознание. Собственно говоря, в течение всей жизни человека этот процесс нельзя считать вполне завершенным. Но в постпубертатном возрасте он все более замедляется и сознание все реже присоединяет к себе новые элементы бессознательной сферы. В период от рождения до окончания психического созревания, которыйу мужчины нашей расы ив нашем климате продолжается в нормальном случае до двадцатипятилетнего возраста, у женщины же завершается раньше, в девятнадцать или в двадцать лет,- в этот период происходит наиболее значительное и обширное развитие сознания. Это развитие устанавливает прочные связи между Я и психическими процессами, бывшими до сих пор бессознательными, а потому выделяет эти процессы из бессознательного. Таким образом из бессознательного, как новый остров, рождающийся из глубин моря, всплывает сознание. Этот процесс мы поддерживаем воспитанием и образованием детей. Школа есть не что иное, как

средство целесообразного поддержания процесса образования сознания. Культура есть, следовательно, максимально возможная степень сознательности. Если теперь мы зададимся вопросом, что произошло бы, если бы у нас не было школ и если бы мы предоставили детей всецело самим себе, то на этот вопрос мы должны ответить: дети в значительной степени остались бы бессознательными. Каким же представить подобное состояние? Это было бы первобытное состояние, когда дети, достигая зрелого возраста, оставались бы первобытными людьми, несмотря на всю их естественную сообразительность, т. е. оставались бы дикарями, подобно членам какого-нибудь развитого племени негров или индейцев. Они отнюдь не были бы

при этом просто глупы, но были бы только инстинктивноразумны, невежественны, а потому и не сознавали бы ни самих себя, ни мира. Они начинали бы жить на значительно более низкой ступени культуры, чем наша нынешняя, и мало чем отличались бы от первобытных племен. В общем, подобный же регресс на низшую, примитивную ступень культуры можно было наблюдать у испанских и португальских переселенцев в Южной Америке, а равно и у голландских буров в Южной Африке. Эта возможность регресса на примитивную ступень культуры основана на том факте, что биогенетический основной закон имеет силу не только для развития тела, но и для развития души. Как известно, согласно этому закону эволюция вида повторяется в эмбриональном развитии индивида. Точно так же и человек в эмбриональном состоянии в некоторой степени проходит анатомические формы доисторических времен. Тот же закон имеет силу и для духовного развития человека. Соответственно этому ребенок развивается к сознательности от первоначального, бессознательного и животного состояния - сначала к примитивной и только затем, постепенно, к цивилизованной сознательности. Состояние еще лишенного самосознания ребенка первых 2-3 лет жизни можно уподобить психическому состоянию животного. Это состояние полной слитности с условиями среды. Как организм ребенка в эмбриональном состоянии есть почти исключительно только

часть материнского тела и всецело зависит от состояния этого тела, так и психика раннего детства есть в известном смысле только часть материнской психики, а позже, вследствие общности психологической атмосферы в семье, также и отцовской психики. Первое психическое состояние есть состояние слитности с психологией родителей. Собственная психология наличествует лишь в зачаточном виде. Именно поэтому нервные и психические нарушения у детей вплоть до среднего школьного возраста основаны, можно сказать, исключительно на нарушениях психической сферы родителей. Трудности во взаимоотношениях родителей непременно отражаются в психике ребенка и могут вызвать в ней прямо-таки патологические нарушения. Содержание сновидений у маленьких детей также зачастую в гораздо большей мере относится к родителям, чем к самому ребенку. [Давным-давно мне пришлось наблюдать несколько случаев в высшей степени примечательных сновидений периода раннего детства - к примеру, первые сновидения, которые вообще могли вспомнить пациенты. Это были "великие сны", и содержание их часто было настолько недетским, что я с самого начала был убежден в объяснимости этих снов, исходя из психологии родителей. Был, например, один мальчик, который в сновидениях переживал всю любовную и религиозную драму своего отца. Отец не мог припомнить ни одного сновидения, и потому я некоторое время пытался анализировать отца на основе сновидений его восьмилетнего сына. Наконец, отец и сам начал видеть сны, а у ребенка они прекратились. Позднее мне стало ясно, что самые удивительные сны маленьких детей всецело аутентичны, ибо содержат архетипы, которые и создают впечатление их якобы взрослого характера.]
1 Известная перемена происходит, когда у ребенка начинает развиваться Я-сознание, внешне это, помимо

1 Текст, заключенный в скобки, взят из незначительно расширенного автором английского варианта доклада и переведен на немецкий язык издателями настоящего собрания. Попытки различных людей побудить К. Г. Юнга к изданию других сочинений об имеющемся у него собрании случаев детских сновидений остались безуспешными из-за недостатка у него времени. Однако с 1935 по 1940 год он провел четыре семинара по детским сновидениям в Федеральном Техническом институте в Цюрихе. Протоколы этих семинаров запланированы для последующих публикаций. (Нем. издатели.)

прочего, выражается в том, что ребенок сам начинает говорить о себе <я>. Эта перемена происходит, как правило, в период от трех до пяти лет, но может случиться и раньше. С этого момента можно говорить о существовании индивидуальной психики. Но индивидуальная психика,

как правило, достигает относительной самостоятельности лишь по окончании периода полового созревания, а до тех пор она в значительной мере остается игрушкой влечений и условий среды. Поэтому о ребенке вплоть до возраста половозрелости можно сказать, что сам он в психическом отношении пока, собственно, не существует. Ребенок, который в шесть лет поступает в школу, еще, конечно же, есть всецело и в любом смысле слова продукт своих родителей - правда, у него имеется зачаточное сознание Я, но он еще совершенно не в состоянии в какой бы то ни было степени утвердить свою индивидуальность. Часто, впрочем, мы испытываем искушение рассматривать особо оригинальных или строптивых, непослушных или трудновоспитуемых детей как особенно индивидуальных или одаренных собственной волей. Но это иллюзия. В подобных случаях всегда следовало бы изучить среду жизни родителей и ее психологические условия, и почти исключительно там, т. е. у родителей, мы и обнаружим единственно значимые причины всех трудностей, испытываемых при воспитании ребенка. Его неприятно поражающее нас своеобразие есть в гораздо меньшей мере проявление его собственного существа, чем отражение помех развитию его психики со стороны родителей. Если врач сталкивается с нервной патологией у ребенка этого возраста, то он будет прав, если разок пригласит на обследование родителей {и уделит серьезное внимание их психическому состоянию: их проблемам, образу их жизни, а равно и тому, чего они в жизни не делают, чаяниям, осуществленным и оставленным в забвении, и, наконец, господствующей в семье атмосфере и методу воспитания детей. Все эти психические условия оказывают на ребенка чрезвычайно сильное воздействие. В первые годы жизни ребенок находится в состоянии participation mystique со своими родителями. Его непосредственные реакции на те или иные важные изменения в психике родителей можно наблюдать в это время постоянно. Нет нужды уточнять, что ни родители,

ни дитя не осознают того, что действительно происходит. Насколько заразительны для ребенка комплексы родителей, можно видеть из того, сколь сильно воздействуют на детей своеобразные черты характера родителей. Даже если родители предпримут в общем успешные усилия, чтобы совладать с самими собой, так что ни один взрослый человек не заметит и следа психического комплекса, дети, однако, каким-то образом узнают о нем. Я вспоминаю один чрезвычайно показательный случай: у трех девочек сестер была в высшей степени преданная и любящая мать. Однако, вступив в пору полового созревания, девочки эти со стыдом признались друг дружке, что много лет мучались от ужасных сновидений, касающихся их матери. Мать снилась им в облике ведьмы или какого-то страшного дикого зверя, и они никак не могли понять этих снов, потому что мать всегда относилась к ним с большой любовью и самопожертвованием. Спустя много лет мать стала душевнобольной, и в безумии, как некий оборотень, ползала на четвереньках и издавала звуки, напоминающие хрюканье свиней, лай собак и рычание медведей}
2 . Примеры, которые я вам привел, свидетельствуют о значительном сближении психологического хабитуса у членов семьи, доходящего почти до полного тождества. Это выражение первобытного тождества, из которого лишь постепенно освобождается индивидуальное сознание. В этой освободительной борьбе немалая роль принадлежит школе, ведь именно школа - та первая среда, которую ребенок встречает за пределами своей семьи. Школьные товарищи заменяют ему сестер и братьев, учитель - отца, а учительница - мать. Немаловажно, чтобы учитель осознавал эту свою роль. Его задача - не просто схематически вколотить в умы детей известный объем учебного материала, но он должен также влиять на детей и своей личностью. Эта последняя его функция по крайней мере столь же важна, как и собственно учебная деятельность, если в некоторых случаях даже не важнее ее. Если для ребенка, с одной стороны, не-

2 В рукописи и английском переводе доклада есть указания на то, что в этом месте доклада автор предпринял демонстрацию ассоциативного эксперимента в свободном изложении. Об источнике текста в квадратных скобках см. прим. 1. (Нем. издатели.)

60

счастье - не иметь родительского крова, то, с другой стороны, слишком сильная привязанность к своей семье также для него опасна. Сильная привязанность к родителям будет впоследствии прямо препятствовать правильному приспособлению ребенка к миру. А растущий человек предназначен именно для жизни в мире, а не для того, чтобы вечно оставаться ребенком у своих родителей. К сожалению, очень многие родители навсегда сохраняют к своим детям отношение только как к детям, потому что сами не хотят ни стареть, ни отрекаться от родительской власти и авторитета. Но тем самым они чрезвычайно неблагоприятно влияют на детей, лишая их всякой возможности проявить индивидуальную ответственность. Этот вредоносный метод порождает либо несамостоятельных людей, либо же таких, которые способны отстоять свою самостоятельность только окольными путями. Другие же родители, напротив, вследствие слабости не могут противопоставить ребенку того авторитета, который необходим, чтобы он мог научиться затем правильно приспосабливаться к жизни в большом мире. Поэтому перед личностью учителя стоит весьма деликатная задача: с одной стороны, не подавлять никого своим авторитетом, но, с другой стороны, представлять для учеников в своем лице такую меру авторитета, которая в отношении ребенка и подобает взрослой и сведущей личности. Искусственно такую установку невозможно выработать при всем желании - она может возникнуть лишь естественным путем - благодаря тому, что учитель будет просто исполнять свой долг человека и гражданина. Он сам должен быть честным и нравственно здоровым человеком; этот хороший пример лучший учебный метод. Даже самый совершенный метод ничтожен, если человек, использующий его, благодаря ценности своей личности не возвышается над этим методом. Иначе обстоит дело, когда в школе все сводится лишь к тому, чтобы методически вдалбливать в головы учеников учебный материал. Но в этом заключается самое большее только половина действительного значения школы. Другую его половину составляет подлинное психическое воспитание, опосредствуемое личностью учителя. Задача этого воспитания - ввести ребенка в широкий мир и тем дополнить родительское воспитание.

61

Это последнее, сколь бы предусмотрительно оно ни было, не может преодолеть некоторой односторонности - ведь повседневное окружение неизменно остается одним и тем же. А школа есть первый встречающийся ребенку фрагмент настоящего большого мира, и потому она обязана помочь ребенку в какой-то мере отрешиться от родительской среды. Ребенок естественно реагирует на учителя таким приспосабливанием, которому научился от отца; он, если воспользоваться здесь техническим термином, проецирует на учителя свой образ отца и склонен к уподоблению личности учителя этому образу. Необходимо поэтому, чтобы учитель как личность шел навстречу ребенку или по крайней мере дал ему возможность найти личностный контакт с собою. Если между ребенком и учителем установились хорошие личные отношения, то само по себе почти не имеет значения, насколько дидактические методы учителя соответствуют или же не соответствуют новейшим требованиям. Ибо не в дидактическом методе кроется секрет успеха обучения. Да и вообще цель школы не сводится исключительно к тому, чтобы до отказа набить головы знаниями, а состоит скорее в том, чтобы воспитать детей настоящими людьми. Дело не в том, сколь велик тот груз знаний, который человек выносит со школьных занятий, а в том, удалось ли школе отрешить юного человека от бессознательного тождества со своей семьей и сделать его самосознательной личностью. Без этого самосознания он никогда не узнает, чего действительно хочет, но навсегда останется в зависимости и будет только подражать, чувствуя себя непризнанным и подавленным. В вышесказанном я попытался донести до вас общие замечания о детской психике с позиций аналитической психологии. Тем самым, однако, мы по-прежнему остаемся на поверхности душевных феноменов. Воспользовавшись некоторыми исследовательскими методами аналитической психологии, мы можем проникнуть значительно глубже. На практическое применение этих методов учитель в общем и целом может не обращать внимания, а от дилетантского или игрового пользования ими следует самым решительным образом предостеречь: хотя знание их и было бы желательно для воспитателя, но желательно не в том смысле, чтобы он

применял их для воспитания детей, но только для своего собственного воспитания. А его самовоспитание, в свою очередь, косвенно пойдет на пользу и детям. Вы, вероятно, удивлены, слыша речи о воспитании воспитателей. Но должен сказать вам, что, по моему убеждению, ни один человек из окончивших школу и даже университет не может считаться вполне воспитанным. Нам следовало бы учредить не только курсы дополнительного обучения для молодежи, но и воспитательные школы для взрослых. Мы привыкли воспитывать людей лишь до тех пор, пока они не будут в состоянии зарабатывать себе на жизнь и вступать в брак. И после этого всякое воспитание прекращается, как будто отныне люди готовы вполне. Решение же всех более крупных и сложных проблем жизни предоставляется на усмотрение самого индивидуума и его невежества. Бесчисленное множество неудачных и несчастных браков, бесчисленное множество разочарованных в своей профессии специалистов возникает полностью и исключительно по причине недостаточного воспитания взрослых, которые часто пребывают в глубочайшем невежестве относительно самых важных вещей. И мы даже думаем при этом, что невоспитанные дети потому отличаются низменными чертами характера, что эти черты встречаются у взрослых, которые ведь полностью воспитаны и потому давно вышли из того возраста, который еще поддается воспитанию. Но это большое заблуждение. Взрослый тоже воспитуем: он даже может быть благодарным объектом индивидуального воспитательного искусства. Только он уже не поддается более тем методам воспитания, которым доступен ребенок, ибо утратил свойственную детской психике необычайную пластичность; у него есть своя воля, свои убеждения, более или менее определенное самосознание, а поэтому он гораздо менее доступен схематическому воздействию. К тому же ребенок проходит в своем духовном развитии все ступени ряда предков и воспитывается лишь до тех пор, пока не достигнет приблизительно современной ступени культуры и сознания. Взрослый уже стоит на этой ступени и чувствует себя носителем современной культуры. Поэтому он не очень склонен признавать над собою, подобно ребенку, авторитет какого-то воспитателя. И даже очень важно,

чтобы он этого не делал, ибо иначе он легко снова впадет в состояние детской зависимости. Поэтому адекватный ему метод воспитания должен быть не прямым, а косвенным, т. е. ему нужно передавать те психологические знания, которые позволят ему воспитывать себя самостоятельно. Подобной работы самовоспитания мы не можем и не должны ожидать от ребенка, но мы вправе и должны ожидать ее от взрослого, а особенно в том случае, когда сам этот взрослый - воспитатель. Воспитатель не имеет права быть лишь пассивным передатчиком культуры, он должен также, через самовоспитание, активно развивать культуру дальше. Его культура ни дня не должна стоять на месте, иначе те ошибки, которые он не поправил в самом себе, он начнет выправлять на детях. А это, конечно же, будет очень мало похоже на воспитание. Если теперь я собираюсь рассказать вам кое-что о методах исследования, применяемых в аналитической психологии, то лишь затем, чтобы наглядно показать вам возможности, скрытые в дальнейшем самовоспитании. Но должен еще раз подчеркнуть: было бы грубой ошибкой непосредственно применять эти методы к ребенку. Для самовоспитания нам нужна надежная основа, а именно самопознание. Это самопознание мы получаем отчасти посредством критического наблюдения и оценки собственных поступков, отчасти же из оценки их другими людьми. Но наша собственная самооценка весьма легко бывает подвержена нашим личным предрассудкам, а оценка других может быть ошибочной или просто вовсе не приниматься нами всерьез. Во всяком случае, самопознание, получаемое из этих источников, фрагментарно и смутно, как и все человеческие суждения вообще, которые редко бывают вполне свободны от фальсифицирующих страхов и желаний тех, кто их высказывает! Однако есть ли где-нибудь объективный критерий, говорящий нам о том, каковы мы на самом деле,- нечто вроде термометра, напоминающего больному о том неоспоримом факте, что температура у него ровно 39,5° и что, следовательно, у него жар? В телесной сфере мы нимало не сомневаемся в наличии таких объективных критериев. Когда, например, мы убеждены в том, что, как и все прочие люди, можем без особого для себя вреда

64

есть землянику, есть вероятность того, что наши организмы среагируют неприятными высыпаниями на коже, и этот факт неумолимо докажет нам, что, вопреки нашему первоначальному мнению, на землянику у нас аллергия. В области же психического все кажется нам зависящим от произвола и предоставленным нашему усмотрению. Этот общий предрассудок возникает вследствие чрезмерного смешения понятий психического и сознания. Есть, однако, бесчисленное множество очень важных психических процессов, которые или бессознательны, или осознаются нами лишь косвенно. Ведь о бессознательном мы ничего не можем знать непосредственно, но косвенно все же мы воспринимаем воздействия, достигающие порога нашего сознания. И если в сознании все кажется нам произвольным, то, как представляется на первый взгляд, мы не можем найти в нем нигде объективного критерия для познания самих себя. И однако, такой критерий, открывающий нам без обмана поскольку является продуктом самой природы- истину о нас самих, не зависящую от наших желаний и страхов, есть. Эту объективную констатацию нашего состояния мы находим в таком продукте психической деятельности, которому, конечно, мы лишь в последнюю очередь решились бы приписать подобное значение. А именно, этот продукт - сновидение. Что же такое сновидение? Сновидение есть продукт бессознательной душевной деятельности во время сна. В этом состоянии душа в значительной мере неподвластна нашему сознательному произволению. Той малой долей сознания, которая еще остается у нас в состоянии сна, мы можем только воспринимать случающееся; но мы уже не в состоянии по нашему желанию и произволу направлять течение психических процессов, а потому лишены также и возможности обманываться. Сновидение есть автоматический процесс, основанный на независимой деятельности бессознательного и точно так же недоступный нашему произволению, как, например, физиологический процесс пищеварения, Следовательно, мы имеем дело с абсолютно объективным психическим процессом, из природы которого мы можем делать объективно-значимые выводы о характере действительно наличного психического состояния.

65

Допустим, что все это так, скажете вы, но каким же это образом возможно получить из путаной и случайной смеси представлений о сновидении сколько-нибудь надежный вывод? На это я прежде всего должен возразить, что сновидение лишь кажется нам путаным и случайным. При ближайшем рассмотрении, однако, мы обнаруживаем примечательную внутреннюю связь отдельных элементов сновидения не только между собою, но и с содержаниями бодрствующего сознания. К открытию этого обстоятельства нас привела относительно простая процедура, заключающаяся в следующем. Текст сновидения делят на отдельные фразы или образы, а затем тщательно собирают все свободные ассоциации к каждому элементу сновидения. Таким образом вскоре мы начинаем замечать в высшей степени тесную взаимосвязь между образами сновидения и тем, что внутренне занимает нас в состоянии бодрствования, хотя, впрочем, мы и не знаем поначалу, как нам следует трактовать эту взаимосвязь. Сбор такого рода ассоциаций образует лишь подготовительный этап анализа сновидения, впрочем, этап очень важный: тем самым постигается так называемый контекст данного образа сновидения, который обнаруживает перед нами все многообразные отношения сновидений с отдельными содержаниями бодрствующего сознания и показывает нам, сколь непосредственно связано сновидение со всеми наклонностями конкретной личности. Если мы до такой степени аналитически высветили все стороны сновидения, то можем перейти теперь ко второй части нашей задачи, а именно к истолкованию наличного материала. Здесь, как и всегда в науке, нам следует по возможности уберегать себя от предрассудков. Мы должны, так сказать, предоставить слово самому материалу. В очень многих случаях достаточно самого общего взгляда на образ сновидения и на весь собранный материал, чтобы по крайней мере предчувствием уловить значение данного сновидения. В таких случаях для постижения смысла сновидения не нужна особенно напряженная работа мысли. Но в других случаях требуется трудная работа по интерпретации образов сновидения, причем при анализе мы вынуждены прибегать к помощи научного опыта. К сожалению, я

3 Зак. 354

66

не имею возможности подробно обсуждать здесь весьма обширную тему символики сновидений. Об этом уже написаны целые тома. На деле разгадывать смысл накопленного в этих томах материала наблюдений бывает нелегко, хотя, как я уже сказал, есть много случаев, когда достаточно просто здравого смысла. Чтобы проиллюстрировать только что сказанное, приведу вам один маленький пример из практики: сновидение и его истолкование. Сновидцем был человек с университетским образованием в возрасте около 50 лет. Я встречался с ним лишь в обществе, и в наших случайных беседах он не упускал случая шутливо намекнуть на мое "снотолковательство". И вот однажды, при очередной нашей встрече, он опять, смеясь, поинтересовался, занимаюсь ли я по-прежнему толкованием снов. Тогда, как и всегда в подобных случаях, я ответил ему, что у него, очевидно, совершенно превратное представление о природе сновидений, на что он заметил, что накануне ему приснился один сон, и предложил мне истолковать его. Я согласился, и он рассказал мне следующий сон: Он был один на прогулке в горах. Перед собою он видел высокую, крутую гору и хотел взойти на ее вершину. Вначале восхождение было довольно трудным; но потом, чем выше он всходил, тем более тянуло его наверх, к самой вершине. Он поднимался на гору во все более быстром темпе и постепенно впал в своего рода экстаз. Ему казалось, что он просто взлетает к вершине горы, а достигнув вершины, он почувствовал, что потерял всякое ощущение своего веса и, перешагнув через вершину горы, ступил в пустоту. И здесь он проснулся. И вот он хотел знать, что я думаю об этом сновидении. Я знал, что мой знакомый - не просто тренированный, но истинно увлеченный альпинист. Поэтому я не слишком удивился, встретив еще одно подтверждение старого правила, гласящего, что сновидение изъясняется обычно на языке, привычном для видящего его. Зная, как важен для него альпинизм, я предложил ему рассказать мне подробнее о различных восхождениях. Он охотно согласился и рассказал, что особенно любит ходить в горы один, без проводника, именно потому, что его чрезвычайно влечет к себе опасность, связанная с такими походами. Он рассказал мне также о несколь-

67

ких своих весьма опасных походах, рискованность которых особенно впечатлила меня. Я про себя удивлялся тому, что же побуждает его, как мне казалось, с особой страстью искать столь опасных положений. Он тоже явно думал о чем-то подобном, ибо, посерьезнев, прибавил, что опасностей он не боится и что смерть в горах казалась бы ему прекрасной. Это его замечание проливало существенно важный свет на все его сновидение. Было очевидно, что он сознательно искал опасность и его, вполне возможно, побуждали к тому мотивы самоубийства, которых он сам мог не признавать за собою. Но почему же он так искал своей смерти? Для этого нужны были особо весомые причины. Я возразил ему поэтому, что человеку в его положении не следовало бы подвергать себя таким опасностям. На это, однако, он сказал весьма решительно, что не позволит лишить себя горных прогулок, что он должен ходить в горы, подальше от города, подальше от семьи,- что, мол, эта домашняя жизнь не стоит свеч. Это открыло мне доступ к потаенным причинам его страсти к скалолазанию. От других людей я слышал о моем знакомом, что его семейная жизнь разладилась, что ничто более не удерживает его в семье, дома. Профессиональная его жизнь также, казалось, более или менее надоела ему. Так было найдено объяснение его невероятной страсти к опасным горным походам: горы были для него избавлением от ставшей невыносимой жизни. Это объясняло также и его сон. Он все-таки еще привязан к жизни, и потому горное восхождение было поначалу трудным. Но чем более он предается своей страсти, тем более она влечет его за собою и окрыляет его шаги. Наконец, страсть выводит его из самого себя, он утрачивает ощущение тяжести своего тела и само тело, он восходит еще выше вершины горы, он выходит в пустое пространство. Это, очевидно, означало смерть в горах. После некоторого молчания он вдруг сказал: "Но мы ведь говорили совсем о другом. Вы-то хотели истолковать мой сон. Что Вы о нем скажете?" Я честно изложил ему свое мнение: что он ищет себе смерти в горах и что при подобной установке он подвергается весьма большому риску и в

самом деле погибнуть там.

68

Он, смеясь, ответил: "Какая чепуха! Совсем напротив: в горах я отдыхаю и расслабляюсь". Напрасно пытался я разъяснить ему всю серьезность его положения. Полгода спустя, при спуске с одной чрезвычайно опасной вершины, он в буквальном смысле слова ступил в пустоту, упал на стоявшего под ним горного проводника, потащил его за собою вниз, и оба они разбились насмерть. Из этого случая вы можете видеть, какова вообще бывает функция сновидения. Оно отображает некоторые жизненно важные коренные наклонности личности - или такие, которые имеют значение на всем протяжении жизни, или такие, которые особенно важны в настоящий момент. Сновидение объективно констатирует все это, не обращая внимания на сознательные желания и убеждения человека. В свете приведенного примера вы, вероятно, согласитесь со мной также в том, что при известных обстоятельствах учет сновидений может, быть неоценимо важен для сознательной жизни человека, даже если в самом сновидении и не идет речь о чем-то касающемся жизни и смерти. Сколько, например, моральной выгоды извлек бы видящий сон человек для своей практической жизни из одного только познания своей опасной неумеренности в желаниях! Вот причина, побуждающая нас, врачей-психиатров, обращаться к старому как мир искусству толкования сновидений. Нашему воспитанию подлежат взрослые люди, которые более не позволяют, подобно детям, руководить собою авторитетам и жизненный путь которых уже настолько индивидуален, что, конечно, ни один даже самый компетентный советчик не смог бы указать им единственно верного пути. Поэтому мы должны дать выразить себя в слове самой душе человека, чтобы он в глубине души понял, как обстоят у него дела. Надеюсь, мне удалось дать вам некоторое представление об идейном контексте аналитической психологии - насколько это казалось возможным в рамках одной лекции. И я буду вполне удовлетворен результатами своего выступления, если из сказанного вы почерпнете намеки и импульсы, которые могут быть вам полезны в профессиональном отношении.

69

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВОСПИТАНИЕ

Три доклада на Международном конгрессе по воспитанию в Лондоне (1924 г.). Сначала опубликовано как Analyfische Psychologie und Er^lehung. Kampmann, Heidelberg, 1926. Новое издание: Rascher, Zurich, 1936. В переработанном и расширенном виде вышло в свет как Psychologie und Eniehung вместе с разделами 1 и V этого тома. Rascher, 1946. Новое издание (в мягком переплете) 1970.

70

Предисловие к третьему изданию

Эти лекции впервые были прочитаны в Лондоне в мае 1924 года на английском языке, а затем переведены на немецкий. Подготовка к печати происходила в то время, когда я, подолгу путешествуя, мало бывал дома и должен был осилить большую работу за очень короткое время. В этом новом издании мне представился благоприятный случай для переделки, ставшей неотлагательной, исправления и обновления текста. Многое из того, что было актуально тогда, сейчас, вероятно, можно опустить и исправить. Объем текста в общем и целом не изменился.

В июне 1945

К. Г. Юнг

71

I

Дамы и господа! Психология - одна из самых молодых наук. Между тем слово "психология", как вам известно,

существовало уже очень давно, однако служило только названием определенного раздела философии, а именно того, в котором философ более или менее устанавливал законы, согласно которым человеческая душа должна быть сообразна посылкам вышеупомянутой философии. Я припоминаю, как в бытность еще молодым студентом мне довелось услышать от одного профессора, что мы очень мало знаем о действительной природе того, что происходит в душе, а от другого - что душа, конечно же, существует в силу необходимости. Если вы изучаете начала современной эмпирической философии, то на вас, верно, произведет глубокое впечатление та борьба, которую вели прежние исследователи против засилья схоластического склада мыслей. Мышление в области философии, испытавшее на себе сильное влияние теологии ("царицы наук"), имело явно выраженную склонность к дедукции; господство наивных, идеалистических предпосылок, естественно, должно было привести к реакции. Именно это формировало материалистическую эпоху XIX столетия, от духовного характера которой мы еще и сегодня не вполне освободились. Успех эмпирического принципа настолько неопровержим, что отблеск его победы породил даже материалистическую философию, которая на самом деле является скорее психологической реакцией, нежели правомочной научной теорией. Материалистическое мировоззрение это утрированная реакция на средневековый идеализм, и она не имеет никакого отношения к сущности эмпиризма. Итак, современная эмпирическая психология зародилась естественным образом по преимуществу в материалистическом мировоззрении. Это была физиологическая психология, насквозь эмпирическая в экспериментальной основе, которая рассматривала психический процесс исключительно с внешней точки зрения и главным образом даже с точки зрения его физиологического выражения. Такое положение дел было более или менее

удовлетворительным до тех пор, пока психология относилась к области философии или к области естественных наук. Пока она была ограничена только психологической лабораторией, она могла оставаться чисто экспериментальной и воспринимать душевный процесс исключительно извне. Вместо старой догматической психологии мы получили теперь новую, но в истоках не менее философскую психологию. Но все же покой академической лаборатории был вскоре нарушен притязаниями тех, кто имел надобность в психологии для практического применения. Этими пронырами были врачи. Неврология - так же как и психиатрия - должна взять на себя психические расстройства, поэтому крайне настоятельно ощущается необходимость в психологии, применимой на практике. В стороне от развития академической психологии врачи нашли доступ к человеческому духу и к психологическому лечению его расстройств. Это был гипнотизм, который развился из того, что в конце XVIII столетия называлось "месмеризмом", а в начале XIX - "животным магнетизмом". Развитие гипнотизма привело - через Шарко, Льебо и Бернема - к той медицинской психологии, которую представляет Пьер Жане. Другой ученик Шарко - Фрейд [1] из Вены использовал поначалу гипнотический метод точно таким же образом, как и Жане, но вскоре пошел собственным путем. В то время как Жане оставался, по существу, дескриптивистом, Фрейд двинулся дальше и глубже - в сферы, которые медицинской науке того времени не казались достойными изучения, а именно к болезненным фантазиям пациента и их проявлениям в области бессознательного духа. Было бы несправедливо, если бы мы сказали, будто Жане игнорировал последнее. Как раз наоборот, его большая заслуга именно в том, что он указал на существование и значение бессознательных процессов в психологической структуре нервных и душевных расстройств. Особое же достижение Фрейда состоит не в том, что он обнаружил наличие бессознательной деятельности, а в том, что он раскрыл истинную природу этой деятельности и прежде

1 Фрейд и перевел на немецкий язык работу Бернема Die Suggestion und ihre Heilwirkung.

всего разработал практический метод изучения бессознательного. Независимо от Фрейда я также подошел к проблеме практической психологии, сначала со стороны экспериментальной психологии (используя главным образом ассоциативный метод), а после того - со стороны исследования личности
2 Сделав - так же как и фрейд - особым полем своего разыскания болезненные фантазии пациента, которыми доселе пренебрегали
3 я обратил особое внимание и на причины неожиданных расстройств, которые возникали в ходе ассоциативного эксперимента. Как фантазии у историков, так и нарушения ассоциативного эксперимента считались пустыми и бессмысленными, чисто случайными явлениями, короче говоря, materia vilis
* . Однако я обнаружил, что эти нарушения исходят от бессознательных процессов которые относятся к чувственно-подчеркнутым комплексам
4 , как я их тогда называл. Я обнаружил психологический механизм, сходный с фрейдовским, и поэтому вполне естественно, что в течение многих лет я был учеником и сотрудником Фрейда. В то же время, признавая правоту его заключений в той мере, в какой они касались фактов, я не скрывал своего сомнения относительно достоверности его теоретической точки зрения. Его достойный сожаления догматизм был главной причиной того, что мне пришлось пойти собственным путем. Моя научная совесть не позволяла мне оказывать поддержку тому убеждению, которое создавало догму из одностороннего истолкования результатов опыта. Заслуга Фрейда отнюдь не является незначительной. Наряду с тем, что он вместе с другими открыл бессознательное для этиологии и структуры как неврозов, так и психозов, его главная и единственная в своем роде заслуга, на мой взгляд, состоит в открытии метода исследования бессознательного, и в частности сновиде-

2 См. мою диссертацию Zur Psychologie und Pathologie sogenamter occulter Phunomene.
3 CM. Sammlung kleiner Schriften wr Neurosenlehre.
4 Результаты моих сотрудников и моего собственного опыта письменно изложены в 2-х томах Diagnostischen Assooationsstudien. Так называемое учете о комплексе нашло применение в психопатологии шизофрении; см. tiber die Psychologie der Dementia praecox. Изложение той же темы можно найти в моем сочинении Allgemeines wr Komplextheorie.
* Неблагородной материей (лат.).

ний. Он был первым, кто предпринял мужественную попытку отворить потайные двери сновидения. Открытие того, что сновидение имеет значение и что существует доступ к его пониманию, вероятно, самый значимый и самый что ни на есть ценный компонент фрейдовских изысканий. Никоим образом я не хотел бы умалять эту заслугу Фрейда, но чувствую, что обязан воздать должное всем тем, кто усердно работал над большой проблемой медицинской психологии и заложил своими трудами основы, без которых ни Фрейд, ни я сам были бы не в состоянии выполнить наши задачи. Пьер Жане, Огюст Форе, Теодор Флурнуа, Мортон Пренс, Ойген Блейлер заслуживают того, чтобы мы упоминали о них с благодарностью всякий раз, когда говорим об истоках новой медицинской психологии. Фрейдовские работы показали, что функциональные неврозы каузально базируются на бессознательных содержаниях, природа которых позволяет нам понять, как возникла болезнь. Цена этого открытия столь же велика, как и открытия специфического возбудителя туберкулеза и других инфекционных заболеваний. Более того, наряду с терапевтическим значением аналитической психологии была безмерно обогащена психология нормальных людей, ибо понимание сновидений открыло чуть ли не безграничные просторы для развития сознания, если на него смотреть из самых отдаленных и темных глубин бессознательного, а практическое применение аналитического метода дало нам возможность анализировать и различать типичные функции и установки в поведении нормального индивида. В

то время как психоанализ (насколько он является медицинской психологией) занимается только аномальными случаями и поэтому должен оставаться в ведении врачей, психология сновидений и человеческого поведения заинтересовала всех, а особенно людей с педагогическими устремлениями. В самом деле, было бы крайне желательно, чтобы и педагог, если он действительно хочет понять духовный склад своего питомца, внимал результатам аналитической психологии. Но это при условии изрядной доли психопатологии, потому что нормального ребенка можно понять без труда, чего никак нельзя сказать об аномальном. Аномальность и болезнь не слиш-

ком сильно отделены друг от друга, и от всесторонне образованного воспитателя ожидается, что он имеет некоторую осведомленность не только в соматических детских болезнях, но, по-видимому, и в отношении душевных расстройств. Существует пять основных групп душевных расстройств у детей. Интеллектуально дефектный ребенок. Самый частый случай - это имбецильность, которая характеризуется главным образом низким интеллектом и общей неспособностью к пониманию. Больше всего выделяется тип флегматичного, медлительного, тупого и глупого ребенка. Среди них бывают такие, которые, несмотря на значительное интеллектуальное убожество, отличаются богатством сердца, а именно верностью, привязчивостью, преданностью, надежностью и самоотверженностью. Более редким и трудным для распознания в качестве имбецила является тип легко возбудимого и раздражительного ребенка. У него, несомненно, такой же дефицит интеллекта, как и в первом случае, но зачастую он выражен односторонне. От этих врожденных, практически неизлечимых и едва ли вообще поддающихся воспитанию форм следует отличать ребенка с отстающим интеллектуальным развитием. Его развитие очень замедленно, по временам почти неприметно, и часто требуется искусная диагностика сведущего психиатра, чтобы разобраться, идет ли здесь речь об идиотии или нет. Нередко такие дети обнаруживают чувственную реакцию, свойственную имбецилам. Однажды я консультировал мальчика в возрасте шести лет, страдавшего сильными припадками бешенства, во время которых он крушил свои игрушки и чуть ли не всерьез угрожал своим родителям и воспитательнице; кроме того, "он не желал говорить", как это мне представили родители. Это был маленький, откормленный ребенок, в высшей степени подозрительный, своенравный и нигилистически настроенный. Он явно был идиотом и просто не мог говорить. Он никогда этому прежде не учился. Однако его идиотия была не столь тяжела, чтобы объяснить дефект речи. Его общая манера поведения указывала на невроз. Если бы маленький ребенок не выказывал симптомы невроза, не следовало бы тра-

тить слишком много времени на исследование его бессознательного. Следовало бы начать разыскание в другом месте - прежде всего у матери, потому что, как правило, почти всегда родители являются либо прямыми инициаторами невроза у ребенка, или по крайней мере его важнейшими компонентами. В данном случае я обнаружил, что ребенок был единственным мальчиком среди семи девочек. Мать была честолюбивой и своенравной женщиной, которая восприняла как оскорбление, когда я ей сказал, что ее сын ненормален. Она умышленно вытесняла знание о недугах мальчика; он просто должен был быть интеллектуальным - если же не мог, то, значит, не хотел из-за скверных намерений и злобного упрямства. Естественно, мальчик ничему не научился, и это было много меньше того, что он был бы способен усвоить, если бы ему выпало счастье иметь разумную мать; кроме того, он охотно повиновался тому, к чему его принуждало честолюбие матери, а именно к злобству и своенравию. Так как он был совершенно бестолковым и замкнутым в себе, то его приступы бешенства исходили из одного только отчаяния. Однажды имел место случай, когда четырнадцатилетний мальчик при очень сходных обстоятельствах - в приступе гнева - убил топором своего приемного отца - к нему также предъявляли чрезмерные требования. Отставание в интеллектуальном развитии нередко случается у первенцев или у детей, чьи родители отчуждены друг от друга из-за душевных неурядиц. Оно может быть и последствием болезней матери во время беременности, или

затянувшихся родов, или деформации черепа и кровотечения при разрешении от бремени. Если таких детей не губит честолюбие воспитателей, то они обычно в течение ряда лет достигают относительно нормального интеллектуального уровня, пусть даже позже, чем их товарищи. Вторая группа - морально дефектные дети. В случае морального слабоумия расстройство вызвано либо врожденными, либо органическими повреждениями отделов головного мозга в результате ранений или болезней. Такие пациенты неизлечимы. Они порою становятся уголовными преступниками, и источник такого злостного рецидивизма надо искать в детстве.

От этой группы следует тщательно отличать ребенка с остановившимся моральным развитием - патогенноавтоэротический тип. Эти пациенты являют собою жуткое концентрированное выражение эгоцентризма, душевной холодности, ненадежности, бесчеловечности, извращенности, преждевременной сексуальной активности и т. д. Такие случаи часто бывают у незаконнорожденных или приемных детей, которые никогда не вкушали счастье быть вскормленными в душевной атмосфере настоящих родителей или вкушали его недостаточно. И впрямь, эти дети страдают чуть ли не от органического недостатка того, в чем каждый ребенок имеет витальную необходимость: в психически "кормящем" внимании родителей, и особенно матери. Именно из-за этого обстоятельства внебрачные дети постоянно подвержены большей или меньшей опасности, но прежде всего и больше всего страдает их моральная сфера. К приемным родителям могут приспособиться многие дети, но не все: те, которые этого не могут, развивают крайне эгоцентрическую и безжалостную, бесцеремонно эгоистическую установку с бессознательной целью дать самим себе то, в чем им было отказано и чего им не дали родители. Такие дети не всегда излечимы. Я наблюдал одного мальчика, который в пять лет изнасиловал свою четырехлетнюю сестру, в девять - предпринял попытку убить своего отца и в восемнадцать превратился в нормального человека, удовлетворяющего стандарту, несмотря на диагноз "неизлечимое моральное слабоумие". Если фантастическая необузданность, часто склоняющаяся к таким патологиям, сочетается с хорошим интеллектом и если еще не произошло окончательного разрыва с социальностью, то эти пациенты могут, по здравом размышлении, отказаться от возможной криминальности. Конечно, при этом нужно принимать во внимание, что здравый смысл ставит болезни очень зыбкую преграду. Третья группа - случай эпилептического ребенка. Такие случаи, к несчастью, совсем нередки. Легко, конечно, распознать проявления эпилептического припадка, однако то, что известно как petit mal
* , зачастую является

* Малый эпилептический припадок (фр.).

очень темным и сложным состоянием, так как нет никаких видимых припадков, а есть только очень своеобразные и зачастую неприметные изменения сознания, которые тем не менее переходят в характерный психический склад эпилептика с его раздражительностью, свирепостью и алчностью, с его клейкой сентиментальностью, болезненной любовью к справедливости, его эгоизмом и суженным кругом интересов. Я, конечно, не имею здесь возможности перечислять все многообразные формы эпилептического состояния; однако, для того чтобы проиллюстрировать симптоматику, я лишь упомяну случай одного маленького мальчика, который примерно с семи лет стал обнаруживать странности. Первое, что было замечено,- время от времени он исчезал: его находили либо в подвале, либо спрятавшимся в темном углу чердака. Невозможно было получить от него объяснения, почему он вдруг убежал или спрятался. Порою он внезапно сбегал во время игры и прятал лицо в коленях матери. Сначала это случалось так редко, что на его странную манеру поведения просто не обращали внимания, но когда он потом начал делать то же самое в школе (внезапно оставлял парту и бежал к учителю), его домочадцы забеспокоились. Никто между тем не думал о возможности серьезного заболевания. Иногда посередине игры - или даже посередине фразы - он мог умолкнуть на несколько секунд, не давая объяснения и, повидимому,

даже сам не ведая о факте своего затмения. Постепенно у него развился достаточно неприятный и раздражительный характер. Порою у него были припадки бешенства; однажды во время такого припадка он с такой силой бросил ножницы в свою сестру, что они пронзили ей черепную кость точно над глазом. Он чуть было не убил свою сестру. Так как родители не подумали о том, чтобы привлечь психиатра, то этот случай остался неопознанным и к мальчику отнеслись просто как к злому ребенку. Двенадцати лет он имел первый объективно наблюдаемый эпилептический припадок, и только после этого болезнь была обнаружена. Несмотря на большие затруднения, мне все же удалось выведать у него, что в шесть лет им внезапно завладел страх перед неизвестным существом. Когда он оставался один, им овладевало чувство, будто кто-то присутствует. Позже он

заметил маленького человечка с бородой, которого он, правда, никогда прежде не видел, однако мог описать во всех деталях черты его лица. Этот человек однажды вдруг появился и так его застращал, что мальчик впервые сбежал и спрятался. Трудно было разобраться, почему этот человек был таким страшным. Мальчик был явно смущен чем-то, что для него было страшной тайной. Потребовалось много часов, прежде чем он стал настолько доверчивым, что смог мне признаться. Он сказал: <Этот человек хотел дать мне что-то страшное. Я не могу сказать, что это было, но это было ужасно. Он подходил ко мне все ближе и ближе и все время настаивал на том, чтобы я это взял. Однако я был так напуган, что тут же убежал и не взял это>. Когда он мне это сказал, то побледнел и начал дрожать от ужаса. После того как мне наконец удалось его успокоить, он сказал: <Этот человек пытался дать мне вину>.- <Но что это за вина?> - спросил я. Тогда мальчик поднялся, недоверчиво осмотрелся и сказал чуть ли не шепотом: <Это было убийство>. Когда ему было восемь лет, он едва не убил свою сестру, о чем я уже упоминал. Позже эти припадки страха продолжались, но видение изменилось. Страшный человек больше не возвращался, но теперь он видел монашенку, похожую на сестру милосердия, сначала с лицом под вуалью, а с недавних пор - с открытым лицом, бледным как смерть, которое выражало нечто в высшей степени устрашающее. В возрасте между семью и восемью годами это видение его преследовало. Припадки бешенства прекратились несмотря на растущую раздражительность; однако вместо них начались манифестируемые эпилептические припадки. Очевидно, что видение монашенки означало превращение несовместимой криминальной тенденции, символизируемой бородатым мужчиной, в манифестацию болезни

.5 Такие случаи порою являются лишь функциональными, но еще не органическими, поэтому можно кое-что сделать путем психотерапии. Вот причина, по которой я упомянул столь много деталей из этого случая. Он по-

5 Интересно, что находящаяся в подпороговом состоянии страсть к убийству, пытающаяся овладеть пациентом в облике человека зрелого возраста (бородатый мужчина), компенсируется болезнью (воспитательница). Болезнь в некотором смысле оберегает его от преступления.

казывает, что в психике ребенка что-то действует за кулисами. Четвертая группа состоит из невротических детей. Конечно, для того чтобы изложить всю полноту симптомов и форм детских неврозов, пришлось бы выйти за рамки одной лекции. Сюда обычно относят все, что находится между аномально шаловливым поведением и явно выраженными истерическими припадками и состояниями. Расстройство, видимо, может быть соматическим, например истерическая лихорадка или аномально низкая температура, спазмы, параличи, боли, расстройства желудка и т. д., либо интеллектуальным и моральным - в форме возбуждения или депрессии, лжи, сексуальных извращений, воровства и т. д. Я наблюдал случай одной очень юной девочки, которая с первого года жизни страдала жестокими запорами. Она уже подверглась всем мыслимым видам соматической терапии. Все было тщетно, потому что врач упустил из виду крайне важный в жизни ребенка фактор, а именно ее мать. Когда я увидел мать, то понял, что именно она была

действительной причиной, и взялся лечить девочку, попросив мать оставить ребенка в покое. Другая особа заняла место матери, и уже на следующий день расстройство у ребенка исчезло. Решение этой проблемы было в высшей степени простым. Девочка была самым младшим ребенком, настоящей любимицей невротической матери. Мать проецировала все свои фобии на ребенка и окружала его такой повышенной заботой, что девочка никогда не выходила из напряженного состояния, а такое состояние, как известно, никогда не бывает благотворным для работы желудка. Пятая группа включает в себя различные формы психоза. Хотя такое встречается среди детей не очень часто, но у них все же можно найти по крайней мере первые стадии этой психической патологии, которая позже, в пубертатном возрасте, приводит к шизофрении во всех ее мыслимых формах. Такие дети, как правило, проявляют странную и чудаковатую манеру поведения; они бестолковы, часто неблагонадежны, сверхчувствительны, замкнуты, совершенно аномальны в своих ощущениях, а также либо тупы, либо впадают в крайние эмоции по незначительным причинам.

81

Я наблюдал случай мальчика примерно пятнадцати лет, У которого неожиданно и преждевременно сексуальная активность проявилась в достаточно удручающей форме - она нарушала его сон и вредила общему состоянию здоровья. Расстройство наступило, когда мальчик пошел на танцы, где ему отказала девушка. Он разозлился и ушел прочь. Когда он пришел домой, то попытался делать уроки, но это ему не удалось из-за все возрастающего неописуемого страха, эмоций бешенства и отчаяния, которые завладели им до такой степени, что он в конце концов выбежал в сад, где в почти бессознательном состоянии упал на землю. Через несколько часов эмоции стихли. Это было типично патологическое эмоциональное возбуждение, характерное для детей с плохой наследственностью. У предков этого мальчика были различные формы шизофрении. По моему мнению, каждому воспитателю, который пожелает применять принципы аналитической психологии, непременно следует обращать внимание на психопатологию ребенка и на все опасности таких состояний. К несчастью, есть книги по психоанализу, которые создают у читателя впечатление, будто применение его очень просто и обеспечивает прекрасные результаты. Компетентный психиатр, однако, не может разделять такие поверхностные суждения. Он должен предостерегать от неглубоких, легкомысленных попыток анализа ребенка. Несомненно, педагогам крайне важно знать, какой вклад внесла современная психология в познание детской психики. Однако тот, кто хочет применять ее методы к детям, должен основательно разобраться в патологии, которой он намеревается заниматься. Должен признаться, мне действительно трудно понять, как неспециалист может отважиться на анализ детей без специальных познаний и врачебного совета. Кроме того, подвергать анализу детей - в высшей степени трудное и своеобразное предприятие; приходится работать при совершенно иных обстоятельствах, нежели при анализе взрослого. У детей своеобразная психология. Как его тело в эмбриональный период представляет собой часть материнского тела, так и его психика в течение многих лет является частью духовной атмосферы родителей. Это объясняет, почему многие

82

детские неврозы - это по сути своей скорее симптомы духовного состояния родителей, нежели собственное заболевание ребенка. Психика детей лишь отчасти принадлежит им самим - по большей части она все еще зависит от психики родителей. Такая зависимость нормальна, и ее нарушение вредно для естественного рост> детской психики. Поэтому понятно, что преждевремен ное и неделикатное просвещение по сексуальным вопросам может иметь вредное влияние на отношение ребенка к своим родителям, и таких воздействий едва ли можно миновать, если руководствоваться догматом, будто отношения между родителями и детьми сексуальны по природе. Равным образом неправомочно присваивать так называемому эдипову комплексу достоинство причинного фактора. Эдипов комплекс - это симптом. Как какуюнибудь сильную зависимость от человека или от вещи можно назвать "узами" или как первобытная психика многое выражает с помощью сексуальных метафор, так и "сексуальный" подход обозначает регрессивную тенденцию у ребенка как "инцестуозное вожделение по матери". Но это, конечно,

всего лишь фигуральное выражение. Слово "инцест" имеет определенное значение и означает поэтому вполне определенную вещь, которую в общем можно применять только ко взрослому, психологически способному связать свою сексуальность с пригодным для этого объектом. Однако если то же самое обозначение применяется для затруднений при развитии детского сознания, то это сбивает с толку. Подобная констатация не отрицает факта ранней сексуальной зрелости. Однако такие случаи - явно аномальные исключения, и ничто не дает право врачу распространять понятия из области патологии на область фактов нормальной жизни. Невозможно называть румянец кожным заболеванием, а радость - приступом безумия, так же как жестокость - не обязательно садизм, удовольствие - не обязательно сладострастие, а непоколебимость - не обязательно сексуальное вытеснение и т. д. Изучая историю человеческого духа, постоянно находишься под впечатлением того факта, что развитие духа шествует рука об руку с расширением объема со-

знания и что каждый шаг вперед - это в высшей степени болезненное и мучительное завоевание. Вероятно, даже можно сказать, что для человека нет ничего более ненавистного, чем отказаться хотя бы от малейшей частицы своего бессознательного. Он испытывает сильный страх перед неизвестным. Спросите об этом у людей, чья задача проводить в жизнь новые идеи. Но если уж как будто вполне зрелый, взрослый человек страшится неизвестного, то почему же ребенок должен без колебаний бросаться вперед, в неизвестное? Horror novi
* самое поразительное свойство и дикаря. Это препятствие на известной ступени не выходит за пределы нормы; в то же время слишком сильная привязанность к родителям неестественна и патологична, как патологична чересчур сильная боязнь неизвестного. Поэтому не следует делать одностороннего вывода, будто замедление в развитии неизбежно является лишь сексуальной зависимостью от родителей. Зачастую это в такой же степени "reculer pour mieux sauter"
** . Даже в тех случаях, когда дети выказывают сексуальные симптомы, т. е. там, где, говоря другими словами, инцестуозная тенденция совершенно очевидна, я посоветовал бы тщательно изучить психику родителей. Можно обнаружить серьезные вещи: например, отца, который бессознательно влюблен в свою дочь, или мать, которая бессознательно флиртует со своим сыном, или же обоих, которые под покровом бессознательного приписывают детям свой, присущий взрослым, духовный склад, а последние, со своей стороны, опять же бессознательно, ведут себя в соответствии с навязанной им ролью. Дети, естественно, не делали бы этого, если бы установка родителей бессознательно не принуждала их к такой диковинной и неестественной роли. Я хочу описать один такой случай. Речь идет о семье с четырьмя детьми - двумя мальчиками и двумя девочками. Все четыре ребенка невротичны. Девочки обнаружили невротические черты уже до пубертатного возраста. Я хочу изложить судьбу семьи в общих чертах, опуская детали.

* Боязнь нового (лат.).
** Отступление ради спасения (фр.).

Старшая дочь в возрасте двадцати лет обручилась с молодым человеком, хорошо воспитанным и академически образованным, который подходил ей во всех отношениях. Пока женитьба по внешним причинам затягивалась, она как загипнотизированная вступила в связь со служащим из фирмы своего отца. Ей казалось, что она любит своего жениха, однако она была с ним настолько жеманна, что он ни разу не посмел ее поцеловать; в то же время с другим она зашла слишком далеко и без всяких промедлений. Она была крайне наивна и ребячлива, но прежде всего совершенно бессознательна. Но однажды, к неописуемому ее ужасу, до ее сознания дошло то, что она делает. Она окончательно "сломалась" и впала в истерию, продолжающуюся много лет. Она тут же порвала связь не только со служащим, но и со своим женихом, не объяснив никому хоть как-нибудь свое поведение. Вторая дочь вышла замуж, видимо, без затруднений, но за человека ниже своего духовного уровня. Она была фригидна и оставалась бездетной; это продолжалось не

один год, пока она не влюбилась в друга своего мужа столь страстно, что это привело к любовной связи на многие годы. Старший сын, сам по себе одаренный молодой человек, обнаружил первые признаки невротической нерешительности, когда должен был принять решение относительно выбора профессии. Наконец он решился на изучение химии; однако едва он к этому приступил, как его обуяло нечто вроде ностальгии, и он тут же уехал из университета домой к матери. Там он впервые впал в странное состояние замешательства, сопровождающееся галлюцинациями; когда (по прошествии примерно шести недель) это состояние сошло на нет, он решился изучать медицину. Здесь он также дошел до экзаменов. Вскоре после этого он обручился. Едва обручение стало свершившимся фактом, на него нашло сомнение в правильности этого выбора, а затем пришел страх, и помолвке дали попятный ход. Однако непосредственно после этого он впал в тяжелое помешательство, которое длилось месяцами. Второй сын - психостенический невротик, женоненавистник, который всерьез готовил себя к жизни ста-

рого холостяка и очень сентиментально цеплялся за мать. Мне пришлось лечить всех четверых. История каждого, несомненно, указывала на какую-то тайну в жизни их матери. Выяснилось следующее: она была одаренной, живой женщиной, которая, однако, получила строгое, одностороннее и ограниченное воспитание. Всю свою жизнь она придерживалась привитых ей принципов - с величайшей строгостью к самой себе и со значительной силой характера - и не допускала никакого исключения. Однако вскоре после замужества она познакомилась с другом своего мужа, в которого, как она полагала, влюбилась. Для нее было так же несомненно, что эту любовь в полной мере разделяет противоположная сторона. Но так как подобный случай не был предусмотрен в принципе, то он не имел права на существование. Она всегда вела себя так, как если бы не произошло ничего особенного, и играла эту роль более двадцати лет, вплоть до смерти своего любовника - помалкивая и ничем себя не выдавая. Отношение к мужу было сдержанным и корректным. В последующие годы она страдала периодической меланхолией. Конечно, такое состояние непременно будет создавать в семье тягостную атмосферу, и ничто не оказывает на детей большего влияния, чем такие никогда не выказываемые тайны. Факты наподобие этих крайне заразительно действуют на детей. Дочери бессознательно подражают установке матери 6 , сыновья компенсируют ее, будучи чем-то вроде бессознательных любовников, и сверхкомпенсируют бессознательную любовь путем сознательного неприятия женщин. Можно себе представить, насколько непросто на практике лечить такой случай. Лечение, собственно говоря, следовало бы назначить матери или же отношениям между отцом и матерью. Я полагаю, что всестороннее осознанивание ситуации и ее импликаций имело бы по меньшей мере целебное действие. Осознанивание препятствует именно невысказанности, недодуманности,

6 См. мое сочинение Die Psychologische> Aspekte des Muttennhetypus, а также Seek und Erde.

забвению вызывающего болезненные эмоции предмета, короче - вытеснению мучительных содержаний; хотя это и вызывает у индивида терзания, зато он по крайней мере страдает осмысленно и по поводу чего-то реального, в то время как вытеснение имеет лишь видимое преимущество: оно освобождает сознание от заботы и избавляет дух от усилий. Правда, возникает косвенное страдание от иллюзорного, а именно невроз. Невротическое страдание - это бессознательное плутовство, и оно не обладает тем моральным достоинством, какое заключено в страдании от реальных вещей. Вытесненная причина страдания - помимо того, что она порождает невроз,- оказывает еще и другие действия: она тайно излучается на окружающих, а в случае если имеются дети, то инфицирует и их. Так возникают невротические состояния, которые, как проклятие Атридов, зачастую переходят от поколения к поколению. Инфицирование детей происходит косвенно - они инстинктивно занимают позицию в отношении психического состояния родителей и либо обороняются от нее в молчаливом протесте (иногда, впрочем, и очень громком), либо предаются парализующей тяге к подражанию. В обоих случаях они вынуждены

делать, чувствовать и жить так, будто это не они, а их родители. Чем более "впечатляющими" являются родители и чем меньше они радеют о своей собственной проблематике (часто как раз ради детей!), тем в больших масштабах дети должны нести на себе груз непрожитой жизни родителей и с натугой выполнять то, что последние вытеснили в бессознательное. Дело не в том, что родители должны быть чем-то совершенным, чтобы не причинять детям никакого вреда. Если бы они действительно были совершенными, то это было бы для детей прямо-таки катастрофой, потому что последним не осталось бы тогда ничего, кроме моральной неполноценности, если только они не предпочтут отомстить родителям тем же самым средством, т. е. подражая им. Этот трюк лишь откладывает расплату на третье поколение. Вытесненная проблематика, а вместе с ней и страдание, мошеннически утаенное от жизни, вырабатывают тайный яд, который даже через непроницаемые стены молчания и злостное приукрашивание могил проскальзывает в душу

87

ребенка путем обмана и обдуманного намерения. Ребенок ведь беспомощен: он отдан на произвол душевному воздействию родителей и вынужден воспроизводить самозаблуждение, неоткровенность, лицемерие, малодушную боязливость, эгоистическую леность и самобичевание, как воск - прижатую печатку. Единственное, что оберегает его от такого противоестественного ущерба это старание родителей не уклоняться от душевных затруднений жизни путем обманных маневров и искусственной бессознательности; они, напротив, должны как можно более честно принимать эти трудности и как можно более тщательно высвечивать именно темные углы. Если есть возможность исповедаться перед кем-то понимающим, то это - преимущество. Если нет (по внешним или внутренним причинам), то это только осложнение, но никак не изъян; напротив, зачастую это даже преимущество, потому что тогда возникает необходимость самостоятельно разделываться с самым скверным. Публичная исповедь, как, например, в армии спасения и в других местах, может быть очень действенной только для простой души, которая это делает ex profundis

* . В фешенебельных салонах эти души, конечно, не на месте, а такой исповеди, даже если она бестактна, там и вообще не бывает. Можно, как известно, использовать исповедь для самообмана. Чем интеллигентнее и образованнее человек, тем более утонченно он может обманывать себя. Мало-мальски интеллигентный человек не считает себя ни святым, ни грешником. И то и другое было бы сознательной ложью. Он стыдливо помалкивает о своих моральных качествах, постоянно памятуя о своей бездонной греховности, с одной стороны, и о своем похвальном и смиренном - при таком безнадежном положении дел - благоразумии - с другой. Все, что младший Блумхарт отвечал моему знакомому на такого рода самоуничижительное признание в своих грехах, было: "Ты что, думаешь, Бог интересуется твоим дерьмом?" Блумхарт, очевидно, имел в виду уловку, которая делает салонную исповедь столь притягательной. Итак, речь идет не о том, чтобы родители не допус-

* Из глубины (лат.).

88

кали никаких заблуждений - это было бы выше человеческих возможностей,- но чтобы они признавали их таковыми. Сдерживать надо не жизнь, а нашу бессознательность; в первую очередь бессознательность воспитателя, т. е. свою собственную, потому что каждый воспитатель добра и зла у своего ближнего. Ибо люди столь крепко связаны друг с другом морально, что вожатый ведет ведомых, а ведомые сбивают с пути вожатого.

89

II

Дамы и господа! Научная психология первоначально была или физиологической психологией, или достаточно не-

органичным скоплением исследований и экспериментов в сфере изолированных фактов и функций. Вот почему гипотеза Фрейда была односторонним, но все же освобождающим подходом к психологии душевных связей. Его труд является, собственно говоря, психологией разветвления сексуального инстинкта в человеческой душе. Несмотря на безусловно важное значение сексуальности, все же не следует полагать, что все и вся зависит от этого инстинкта. Гипотеза такой безграничной применимости этого метода с самого начала вызывает оптический обман: она замазывает другие цвета, и все видится только лишь красным. Поэтому крайне многозначительным является тот факт, что первый ученик Фрейда - Адлер выдвинул гипотезу совершенно иного рода, но столь же широкого действия. Фрейдисты обычно пренебрегают упоминанием о заслугах Адлера, так как фанатично верят в свою сексуальную гипотезу. Однако фанатизм - это всегда компенсация тайного сомнения. Религиозные гонения имеют место только там, где существуют еретики. У человека нет инстинкта, который не уравновешивался бы другим инстинктом. Сексуальность в человеке была бы совершенно раскрепощена, если бы не было уравнивающего фактора в форме какого-нибудь столь же важного инстинкта, назначение которого - противодействовать неограниченному, а потому деструктивному функционированию сексуального инстинкта. Структура психики не является однополюсной. Так как сексуальность - это сила, которая затопляет человека императивными инстинктами, то в нем естественным образом имеется и сила самоутверждения, которая помогает ему противостоять всякого рода эмоциональным взрывам. Это можно видеть Уже у дикарей, у которых существует огромное число строжайших ограничений, касающихся не только сексуальности, но также и других инстинктов,-без десяти заповедей и без максим, выученных на занятиях для конфирмующихся. Всякое ограничение слепого действия

сексуальных инстинктов исходит от инстинктов самосохранения и самоутверждения, которые практически имеются в виду в гипотезе Адлера. К несчастью, Адлер опять же зашел слишком далеко и впал в такую же ошибку односторонности и утрирования, так как почти полностью пренебрег фрейдовской точкой зрения. Его психология - это психология всех тенденций самоутверждения. Допускаю, что односторонняя истина имеет преимущество простоты, но можем ли мы ее при этом рассматривать как удовлетворительную гипотезу ~ это другой вопрос. Нам следовало бы понять, что многое в душе и впрямь зависит от сексуальности, а временами даже все; но также и то, что в другое время от нее мало что зависит, и тогда почти все находится под господством самосохранения или инстинкта власти. Погрешность как Фрейда, так и Адлера состоит в том, что они предполагают непрерывность действия одного и того же инстинкта, как если бы он был химическим ингредиентом, который наличествует всегда и в равном количестве, как, например, два атома водорода в воде. Если бы это было так, то человек был бы преимущественно сексуальным (по Фрейду) и преимущественно самоутверждающимся (по Адлеру). И тем и другим, однако, человек одновременно быть не может. Каждый знает, что сила инстинктов изменяется. Временами может перевешивать сексуальность, в другое время - самоутверждение или другие инстинкты. Этот очень простой факт оба исследователя упустили. Когда перевешивает сексуальность, то все сексуализируется, так как тогда все выражает сексуальное намерение или служит ему. Когда перевешивает голод, то практически все может быть объяснено с этой стороны. Почему мы говорим: "Не принимай его всерьез, он сегодня не в духе"? Потому что знаем, что время от времени даже скверное настроение может основательно изменить психологию человека. Это справедливо в еще большей мере, когда речь идет о мощных инстинктах. Таким образом, мы легко можем объединить Фрейда с Адлером, если только возьмем на себя хлопоты и будем рассматривать душу не как оцепеневшую и неизменную систему, а как подвижное и струящееся событие, которое изменяется как калейдоскоп, испытывая на себе попеременное вли-

яние различных инстинктов. Стало быть, возможно, следует объяснить поведение какого-то

человека в период до свадьбы на основе Фрейда, а после свадьбы на основе Адлера
7 . Это здравый человеческий рассудок делал уже с давних пор. Между тем такая комбинация заставляет нас довольствоваться довольно неловкой ситуацией. Вместо того чтобы радоваться простой истине, кажущейся надежной, мы чувствуем себя выброшенными в безграничное море беспрестанно меняющихся условий, которые толкают беспомощного индивида от одного вытеснения к другому. Между тем вечно меняющаяся жизнь души - это большая истина, пусть даже и неугодная, чем безопасная закостенелость определенной точки зрения. На самом деле проблема психологии этим не упрощается. Но тем самым мы освобождаемся от удушья формулы "только", которая является неминуемым лейтмотивом всякой односторонности. Пока дискуссия обращается к проблеме инстинкта, дела тягостно запутываются в мелочах и приходят в замешательство. Как нам различить инстинкты? Сколь много существует инстинктов? Что есть инстинкт вообще? Так можно попасть в область биологии и запутаться еще больше. Поэтому я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких-либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог, и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного
8 . Между тем нам следует учиться быть менее взыскательными в отношении психологических фактов: вместо точного знания о некоторых вещах, что они-де "только" сексуальность или воля к власти, нам следовало бы скорее принимать их со стороны той ценности, которую они обнаруживают. Можно рассмотреть, к примеру, религию. Разве может наука быть уверенной, что не существует такой вещи, как "религиозный инстинкт"? Действительно, можем ли мы допустить, что религиозный феномен - это всегда

7 Или, цитируя одного философа: "До ужина я - кантианец, после ницшеанец".
8 Многообещающие ростки имеются в превосходной работе у Walter H. von Wyss, PsychophysMogfsche Probleme in der Medivn.

лишь вторичная функция, основанная на вытеснении сексуальности? Может ли кто-нибудь указать нам такие нормальные народы или расы, которые были бы свободны от такого безрассудного вытеснения? А если вдруг никто не может указать на расы или по крайней мере на племена, которые полностью свободны от религиозных феноменов, то я, право, не знаю, откуда берутся оправдания в пользу предположения о том, что религиозный феномен является не чем-то первозданным, а только вытеснением сексуальности. Кроме того, разве история не предоставляет в наше распоряжение множество случаев, когда сексуальность является даже интегрирующим компонентом религиозного переживания? То же самое относится и к искусству, которое, как говорят, происходит из сексуального вытеснения, в то время как даже звери имеют эстетические и художественные инстинкты. Смехотворное и чуть ли не болезненное преувеличение сексуальной точки зрения само по себе есть симптом современного духовного разлада, который зиждется главным образом на том факте, что наше время совсем не обладает пониманием сексуальности
9 . Ведь если где-нибудь инстинкт недооценивается, то непременным следствием этого будет аномальная переоценка чего-то другого. И чем более несправедливой была эта недооценка, тем более нездоровой будет последующая переоценка. В самом деле, никакое моральное предубеждение не могло вызвать столько ненависти к сексуальности, как ее непристойная и пошлая переоценка. Интеллектуальная топорность сексуализированного толкования препятствует тому, чтобы отдавать сексу даже оправданно должное. Таким образом некоторого сорта литература, следуя за Фрейдом, но, вероятно, совершенно вопреки его личному намерению, продолжает эффективную работу по вытеснению. До Фрейда не должно было быть ничего сексуального, теперь же вдруг все разом стало, так сказать, "не чем иным, как" сексуальным. В психотерапии работа с сексуальностью основана, с одной стороны, на допущении, что привязанность к родительскому имаго имеет сексуальную природу, с дру-

гой стороны, на том факте, что у многих пациентов преобладают сексуальные фантазии - или по крайней мере такие, которые кажутся таковыми. Фрейдовская доктрина объясняет все это на свой известный сексуализированнный манер с целью вытащить пациента из сексуально понимаемой привязанности к имаго родителей и перебросить его в так называемую нормальную жизнь. Доктрина вещает, как видно, языком пациента
10 , что сначала - в подобающем случае - является преимуществом, но в ходе дальнейшего лечения становится недостатком, потому что сексуализированный язык и понятийный строй сдерживают проблему на том уровне, на котором она как раз не поддавалась разрешению. Родители ведь не только "сексуальные объекты" или "объекты удовольствия" (с которыми можно распрощаться), но они являются жизненными силами (или представляют их), сопровождающими ребенка на петляющей тропе судьбы как благоприятные или угрожающие факторы, от влияния которых даже взрослый может уклониться лишь относительно - независимо от того, подвергается он анализу или нет. Отец и мать осознаем мы это или нет - замещаются чем-то им соответствующим, если нам удается от них отвязаться. Разрешение от родителей вообще может произойти только тогда, когда мы в состоянии взойти на следующую ступень. Место отца заступает, например, врач, феномен которого Фрейд обозначил как "перенесение". Место матери заступает мудрость доктрины. Великая идея средневековья - это отрешение от семьи посредством приобщения к Церкви. В Новое время духовную организацию общества заменила принадлежность ко всему миру, ибо пожизненное пребывание в лоне семьи имеет очень неблагоприятные психические последствия и потому - уже на первобытной ступени - блокируется инициацией. Человек нуждается в более широкой общности, чем семья, в ее слишком тесной клетке он хиреет духовно и морально. Однако если он слишком сильно ею обременен, т. е. слишком сильно привязан к родителям, то просто переносит свою привязанность к

9 Sigmund Freud ah kulturhistorische Erscheinung.

10 Где этого не происходит, пациент оказывает, согласно учению, "сопротивление".

родителям на семью, которой он обзавелся,- если же он зашел слишком далеко, то он создает для своих детей среду в душевном отношении обыкновенно столь же убогую, как, вероятно, имел прежде сам. Душевная принадлежность к светской организации какого-нибудь рода не может утолить духовных и чувственных притязаний, которые некогда направлялись на родительскую пару. К тому же светской организации вовсе не идет на пользу обладание членами, которые направляют на нее такие притязания. Это достаточно отчетливо видно на примере бездумных ожиданий, которые лелеются духовно недоразвитыми людьми в отношении батюшки-государства; куда ведут такие напрасные чаяния, показывают те страны, где руководящим вождям путем ловкого использования инфантильных упований внушаемой массы удалось фактически захватить отцовскую власть. Духовное обнищание, отупение и моральная дегенерация замещают постановку духовных и моральных целей; это порождает массовый психоз, который может вести только к катастрофе. Даже биологический смысл жизни не может быть реализован, если на долю человека остается только он. Как бы близорукий и доктринерствующий просветитель ни понимал сущность культуры, факт остается фактом: существует культуросозидающий дух. Этот дух - живой дух, а не умствующий интеллект. Поэтому дух пользуется религиозной символикой, превосходящей разум, а там, где она отсутствует или пала жертвой недомыслия, все может пойти вкривь и вкось. Если ориентация на религиозные истины утрачивается, то уже нет ничего, что могло бы избавить человека от его изначальной биологической связанности с семьей, потому что он без всякой коррекции просто переносит свои инфантильные принципы на остальной мир и таким образом находит отца, который его не ведет, а заводит в болото. Важно, конечно, чтобы человек мог зарабатывать себе на жизнь и по возможности содержать семью, но тем самым он еще не достигает того, что наполнило бы

смыслом его жизнь. Он просто не может правильно воспитывать своих детей и тем самым будет оставлять в небрежении даже заботы о потомстве - этот безусловный биологический идеал. Духовная цель, которая указует за преде-

95

лы человека как сугубо природного существа и его мирского существования, есть потребность, необходимая для здоровья души, ибо это - архимедова точка опоры, с которой только и можно перевернуть мир и превратить естественное состояние в культурное. Наша психология принимает во внимание как природного, так и культурного человека; в связи с этим она должна не терять из виду в своих объяснениях обе точки зрения: и биологическую, и духовную. В качестве медицинской психологии она не может не принимать в расчет всего человека. Так как врач получает исключительно естественнонаучное воспитание и потому приучается рассматривать все происходящее как "естественное", то совершенно понятно, что он понимает психический феномен под биологическим углом зрения. Этот способ рассмотрения имеет большую эвристическую ценность и содействует постижению того, что многие столетия оставалось для нас закрытым. Благодаря этой эмпирической и феноменологической позиции мы сегодня знаем о действительном положении вещей; мы знаем, что случается и как - в противоположность прежним временам, когда существовали только тезисы о неизвестном положении вещей. Едва ли можно переоценить значение естественнонаучной и биологической постановки вопроса; только она сфокусировала взгляд психиатра на фактически наличном и сделала возможным описание, приблизительно соответствующее действительности. Эта мнимая "само-собой-понятность", однако, нисколько сама себя не понимает, напротив, нигде, ни в какой опытной сфере взгляд на фактическое не замутнен в такой мере, как в самовоспитании психического. Нигде с такой легкостью и наглостью не втираются нам в доверие предрассудки, кривотолки, причуды, идиосинкразии и проекции, как именно в этой области, безразлично, наблюдаем ли мы самих себя или своего ближнего. Нигде наблюдатель не мешает проведению экспериментов больше, чем в психологии. Поэтому, так сказать, никогда нельзя констатировать факты наверняка, ибо психический опыт весьма деликатен и к тому же подвержен несметному множеству вносящих разлад влияний. Нельзя не упомянуть и того, что в отличие от других

96

естественных наук здесь не физический процесс наблюдается психическим, а психика наблюдает саму себя: непосредственно - в субъекте и косвенно - в ближнем. Приходит на ум история с косицей Мюнхгаузена, а вместе с тем также и сомнение в возможности психологического познания вообще. И в этом вопросе врач чувствует себя признательным естественной науке за то, что он не должен философствовать, а может радоваться живому познанию внутри психического. Это означает: психика, правда, ничего не может знать помимо психики (иначе это был бы, право, барон Мюнхгаузен), но внутри психического вполне могут сойтись два чужака. Правда, они никогда не узнают, чем они являются сами по себе, а увидят лишь, какими они кажутся друг другу. На вопрос "что" в остальных естественных науках служит познание "об этом", т. е. психическая реконструкция физического процесса. Однако чем и где можно воспроизвести психический процесс? Всегда только в психическом; другими словами, не существует познания о психическом, а есть лишь познание в психическом. Итак, если врач-психолог отображает психическое в психическом, то он, правда, остается - в соответствии с эмпирическим и феноменологическим методами - в рамках естественной науки, но одновременно принципиально от нее отличается, поскольку производит свою реконструкцию (познание и объяснение) не в другой среде, а в подобной. Естественная наука связывает два мира: физический и психический. Психология делает то же самое только тогда, когда она является психофизиологией. В качестве же "чистой" психологии она в принципе объясняет "ignotum per ignotius"
* , потому что всегда может реконструировать наблюдаемый процесс только в той же самой среде, из которой он уже состоит. Это выглядит примерно так же, как если бы физик не мог ничего иного, кроме как повторить все тот же физический процесс (во всех возможных вариантах), но без "теории". Однако каждый психический процесс, поскольку его можно

наблюдать в качестве такового, есть уже сам по себе "theoria", т. е. воззрение, и его реконструкция в лучшем случае является только вариантом

* Неизвестное через еще более неизвестное (лат.).

все того же воззрения. Если воззрение не есть процесс, то оно означает компенсирующий эксперимент (верифицирующий либо фальсифицирующий) или полемику (соответственно критику); в обоих случаях процесс, который должен быть реконструирован, снимается. Это procedere
* в психологической области научно в той же мере, в какой палеонтология XVIII столетия, которая толковала Andrias Scheuchzeri (большую саламандру) как человека, утонувшего во время потопа. Указанная проблема становится животрепещущей там, где речь идет о труднопостигаемых содержаниях, таких, как образы сновидений, бредовые идеи и т. д. Здесь толкование должно остерегаться применения каких-либо других точек зрения, помимо тех, которые явно даются самим содержанием. Если кому-то снится лев, то верным будет толкование, лежащее только в ракурсе льва, т. е. оно будет представлять, по существу, амплификацию этого образа. Все иное было бы неадекватным или неверным пониманием, потому что образ "льва" сам по себе уже является воззрением достаточно позитивным и не допускающим кривотолков. Когда Фрейд утверждает, что сновидение полагает нечто иное, чем то, что оно говорит, то такая точка зрения "полемизирует" с воззрением, в котором сновидение содержится как естественное явление, спонтанное само по себе, и потому она не верна. Толкование, отвечающее критерию научности, которое движется по линии истолковываемого образа, не является чем-то вроде тавтологии, но расширяет смысл до общезначимого представления (амплификации). Даже математическое понимание психического, в случае, если бы таковое было возможным, было бы не чем иным, как алгебраически выраженным расширением смысла. Фехнеровская психофизика является контрастным тому примером, а именно акробатом, который пытается прыгнуть выше своей головы. В этом решающем пункте психология и естественная наука занимают противоположные позиции. Правда, у них есть общий метод: наблюдение и эмпирическое установление фактов. Но психологии недостает архимедовой точки опоры извне и тем самым возможности

* Метод (лат.). 4 Зак. 354

объективного измерения. Это бесспорно, ее недостаток в сравнении с естественной наукой. В подобном положении находится только атомная физика, где наблюдаемый процесс модифицируется наблюдением. Поскольку физика должна соотносить свои измерения с объектом, то она принуждена отличать средство наблюдения от наблюдающего
11 , из-за чего категории пространства, времени и причинности становятся относительными. Эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неоценимое преимущество, потому что она по крайней мере доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физику
12 . Здесь выявляется, очевидно, по краней мере в виде намека, возможность "реконструкции" психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала. Конечно, нынче никто даже отдаленно не может себе представить, чем могла бы быть подобная реконструкция. Очевидно, она может быть предпринята только самой природой или происходит, вероятно, беспрестанно тогда, когда психика воспринимает физический мир. Тяжба психологии versus
* естественной науки вовсе не безнадежна, хотя, как говорится, она вне сферы досягаемости

сегодняшнего разумения. Психология может притязать на то, чтобы тоже быть наукой о духе. Все без исключения науки о духе вращаются внутри психического, если употреблять это понятие в естественнонаучном смысле. С точки зрения последнего "дух" есть психический феномен
13 . Однако и в качестве науки о духе психология играет исключительную роль. Правоведение, история, философия, теология

11 Я благодарен за эту формулировку г-ну проф. Маркусу Фирцу.
12 См. об этом обзор литературы до 1935 г. у С. А. Meier, Modeme Physlk Modem> Psychologie. Специально следует указать на подробно цитируемые сочинения Нильса Бора (в Die Naturwissenschaften 16, 245, 1928 и 17, 483, 1929). Из более поздних работ см.: P. Jordan, Die Physik des 20. fahrhunderts; Posifivistische Bemerkungen itberdieparaphysischen Erscheinungen, p. 3 ff. Anschauliche Quantentheorie, p. 271 ff. и Die Physik und das Geheimnis des organischen Lebens, p. 114 ff.
13 СМ. мое сочинение Geist und Leben.
* Против (лат.).

и т. д.- все они характеризуются и ограничены своим предметом. Предметом является понятийно определенная область духа, которая феноменологически со своей стороны представляет собой психический продукт. Психология, напротив, прежде слыла философской дисциплиной, а нынче она - естественная наука и ее предмет - не продукт духа, а естественный, а именно психический, феномен. Как таковой он относится к элементарным явлениям органической природы, которая со своей стороны опять-таки выступает как противоположность неорганической природы, другой половины нашего мира. Психика как некоторое естественное образование есть иррациональная данность. Видимо, она является особым случаем проявления жизни вообще и имеет с живыми телами то общее, что она, как и они, производит осмысленные и целесообразные структуры, с помощью каковых как размножается, так и развивается. И так же как жизнь сама по себе заполняет земной круговорот животными и растительными формами, так и психика создает еще больший мир, а именно осознаваемость или, лучше, опознаваемость универсума. Современная эмпирическая психология in puncto
* своего естественного предмета и в соответствии со своим методом принадлежит к естественным наукам, а in puncto своего способа объяснения - к наукам о духе
14 Из-за этой <двузначности>, или параллелизма, возникло даже сомнение в ее научности, точнее, с одной стороны, в отношении этой ее амбивалентности, с другой стороны, относительно ее так называемой произвольности. Что касается последнего, то нельзя забывать, что существуют люди, которые смотрят на свои психические процессы как на чистый произвол. Они наивно убеждены в том, что все, что они думают, чувствуют, хотят и т. д., исходит из их воли, т. е. совершается произвольно. Они воображают, будто думают своим мышлением и хотят своим велением - ведь нет никакого другого субъекта, который обладал бы этими вида-

14 См. T. Wolff, Einftihrung in die Cfrundlagen der komplexen Psychologie в: Studien w C. G. Jungf Psychologie.
* В отношении (лат.).

ми деятельности. Им кажется невозможным, что психическая деятельность могла бы осуществляться без субъекта (который означает в этом случае, естественно, "Я"). Они не могут себе представить, что психическое содержание (а они-то мнят, будто сами его породили) с таким же успехом может быть обнаружено где-то еще и оно, по-видимому, скорее является продуктом

самого себя или продуктом иной воли, чем воли "Я". Речь идет о сколь милой сердцу, столь и распространенной иллюзии, закрепляющей "Я". По-французски даже говорят: "J'ai fait un reve"
* , где сновидение являет ся как раз тем психическим содержанием, о котором менее всего можно утверждать, будто кто-то его желал, замышлял или сделал. И напротив, в немецкой языковой сфере, которая обладает ценным понятием "наитие"
15 , никто, кому пришло удачное наитие, не будет приписывать себе этот счастливый случай в качестве собственной заслуги, как будто он сам и сделал это наитие. Это, как хорошо показывает термин "наитие",как раз не случай
** , так как, с одной стороны, наличествует именно отчетливая неспособность субъекта, а с другой - выраженная спонтанность транссубъективной психики. Поэтому в немецком, так же как и в английском, и во французском, говорят: "Мне пришла в голову хорошая идея" - и это правильно, потому что не субъект, а наитие было активным; оно буквально упало субъекту на голову. Такие примеры свидетельствуют об объективности психики: она - феномен, а не произвол. Таким же образом и ведение - феномен. "Свобода воли" не является естественным феноменом, потому что она сама по себе не представляет наблюдаемого явления, а становится предметом наблюдения только в форме воззрения, мнения, убеждения или веры. Поэтому она принадлежит к проблематике чистой науки о духе. Психология должна ограничиваться естественной феноме-

15 Как в немецком, так и во французском это слово может быть описано лишь приблизительно как idea, idee или a certain idea; "остроумная находка" - скорее как sally of wit, saillie (or saillir - выщеляться, бросаться в глаза).
* Дословно: "Я сделал сновидение" (мне приснилось) (фр.).
** Игра слов: Einfall - "наитие". Fall - "случай", но также и "падение".

нологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса. Реально существуют психические содержания, которые производятся или, может быть, вызываются предшествующими волевыми актами, так что их следует рассматривать как продукты намеренной, целенаправленной и сознательной деятельности. В этом отношении существенная часть психических содержаний - продукт духа. Но воля сама по себе есть феномен, так же как и сам водящий субъект, который пребывает на бессознательном фоне, тогда как сознание проявляется как прерывная функция бессознательной психики. "Я" как субъект сознания обнаруживается в ходе развития как комплексная величина, которая составляется частично из врожденных диспозиций (компонентов характера), а частично из бессознательно приобретенных впечатлений и вызванных ими явлений. Сама психика преэкзистентна и трансцендентна по отношению к сознанию. Ее можно обозначить вместе с Дюпре как "трансцендентальный субъект"
16 . Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т. д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т. е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии - оперировать такими неизвестными величинами - была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи. Врачи вынуждены -

16 Carl du Prel, DOS Rutsel des Menschen, p. 27 ff.

из-за страданий больных - иметь дело с чем-то трудноуловимым, а иногда и непонятным, а при случае обходиться неудобными и in puncto успеха сомнительными средствами. Для этого необходимы мужество и определенное чувство ответственности. Нам приходится на почве нашей профессии сталкиваться со сложнейшими и темнейшими вопросами, осознавая возможные последствия какого-нибудь неверного шага. Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и в способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория - это мир. Наши опыты - это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые - наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least
* , мы сами. Судьба играет роль экспериментатора. У нас нет искусственного шока, укола булавкой, неожиданной вспышки света и всех разнообразных условий опыта, присущих лабораторному эксперименту, но есть надежды и опасения, скорбь и радость, ошибки и достижения действительной жизни, которые поставляют необходимый для наблюдения материал. Наше намерение - это наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно - я искренне на это надеюсь - окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение - как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью, а точнее, приспособление к двум различным направлениям. (Болезнь - это ведь ослабление приспособляемости). Человек должен уметь приспосабливаться к двум различным сторонам жизни - сначала к ее внешней стороне (профессия, семья, социум), а затем к витальным потребностям своей природы. Игнорирование необходимости того или другого может привести к болезни.

* Последнее по счету, но не по важности (англ.).

Хотя каждый человек, чья неприспособленность усиливается, становится больным и в конце концов оказывается несостоятельным во внешней жизни, не все становятся больными из-за того, что не смогли дорасти до требований внешнего бытия. Это происходит скорее потому, что они не сумели понять, как с помощью своей приспособляемости ко внешнему можно содействовать настоящему прорыву и в своем личностном, глубоко интимном развитии. Одни становятся невротичными по внешним причинам,: другие - по внутренним. Легко можно себе представить, сколь различными должны быть психологические формулировки, чтобы удовлетворять таким диаметральным различиям. Наша психология изучает причины ведущего к заболеванию ослабления приспособляемости и неотступно следует по их запутанным тропам за невротическим мышлением и ощущением, чтобы разведать тот путь, который вновь выведет из заблуждения и тупика в жизнь. Поэтому наша психология - практическая наука. Мы исследуем не ради исследования, но ради прямого желания помочь. Мы могли бы с таким же успехом сказать: научность - побочный продукт нашей психологии, но никак не ее главная цель, но это опять-таки не совпало с тем, что понимают под "академической" наукой. Ясно, что цель и внутренний смысл этой новой психологии лежат в области врачевания, равно как и воспитания. Поскольку каждый индивид являет собой всякий раз новую и своеобразную комбинацию психических элементов, то разыскание истины должно заново начинаться в каждом отдельном случае, ибо каждый "случай" индивидуален и невыводим из каких-либо всеобщих и априорных формул. Каждый индивид - это новый эксперимент постоянно изменяющейся жизни, а также попытка нового решения и нового приспособления. Мы не уловили бы смысл индивидуальной психики, если бы толковали ее на основании предвзятых мнений (к чему мы очень даже склонны). Для

врача это означает индивидуальное изучение каждого отдельного случая, для педагога - индивидуальное изучение каждого питомца. Естественно, тем самым я не хочу сказать, что изучение каждого случая нужно начинать с самого основания. Нет необходимости в изучении, если

104

уже все и так понятно. Однако я говорю о понимании только тогда, когда пациент или воспитанник может согласиться с нашим толкованием. Понимание через голову пациента - вещь опасная для обоих. Оно в некоторой степени может удаться в отношении ребенка, но, безусловно, не в случае взрослого, обладающего некоторой духовной зрелостью. При малейшем взаимном непонимании нужно быть готовым к тому, чтобы отбросить все аргументы ради намерения найти истину. Само собой разумеется, что может произойти и такое, когда врач видит нечто несомненно наличествующее, а пациент этого не признает или не может с этим согласиться. Так как истина бывает сокрыта от врача столь же часто, как и от пациента, то были разработаны различные методы, открывающие доступ к неизвестным содержаниям. Я намеренно говорю "неизвестное", а не "вытесненное", потому что мне представляется неверным с самого начала предполагать, что все неизвестное есть не что иное, как вытесненное. Если бы врач действительно так думал, то он притворялся бы, будто уже все знает. Такое предположение заранее решает проблемы пациента и очень даже может быть, что это не даст ему признать истину. Во всяком случае, такая предрешенность мешает ему плыть по течению, что пациенту зачастую очень кстати, потому что тогда ему тем более легко спрятать свою тайну: ведь куда удобнее узнать свою правду от врача, нежели необходимость прозреть и признаться в ней самому себе. Но таким путем невозможно остаться в выигрыше. В придачу всезнайство и предвидение подтачивают духовную независимость пациента, наивысшее для него благо, которое ни в коем случае нельзя ущемлять. Такая заботливость и впрямь не помешает, так как у людей есть опасная склонность сбывать с рук самих себя. Есть четыре метода исследования неизвестных содержаний пациента. Первый и самый простой - ассоциативный метод. Я не думаю, что мне следует вдаваться здесь в детали, так как этот метод известен уже лет двадцать. Его принцип состоит в отыскивании наиглавнейших комплексов, которые обнаруживают себя нарушениями при ассоциативном эксперименте. Ассоциативный метод очень ре-

105

комендуется для новичков в качестве введения в аналитическую психологию и для познания симптоматики комплексов

17 . Второй метод, анализ симптома, имеет лишь историческую ценность, от него отказался уже его открыватель Фрейд. Посредством гипнотической суггестии пытались заставить пациента репродуцировать воспоминания, лежащие в основе определенных патологических симптомов. Этот метод хорошо применим во всех тех случаях, где главным виновником невроза является шок, душевная рана или травма. Это был метод, на котором фрейд основал свою раннюю травматическую теорию истерии. Однако, так как большинство случаев истерии имеет нетравматическое происхождение, теория скоро померкла вместе с методом исследования. В случае шока метод может иметь терапевтическое действие посредством так называемого отреагирования травматического содержания. Во время первой мировой войны и после нее к этому методу прибегали при лечении шока, полученного от взрыва гранат, и при других подобных нарушениях

18 . Третий метод, анамнестический анализ, имеет большое значение как в терапии, так и в качестве метода исследования. Практически он состоит в тщательном анамнезе или реконструкции исторического развития невроза. Материал, который получают таким образом,это серия более или менее связных фактов, которые пациент рассказывает врачу, насколько он в состоянии их припомнить. Естественно, что пациент пропускает много подробностей, которые ему кажутся неважными и которые он позабыл. Опытный аналитик, знающий, как обычно

протекают неврозы, задает пациенту вопросы, с помощью которых могут быть восполнены некоторые недостающие связи или пробелы. Очень часто одно только это имеет терапевтическую ценность, так как дает пациенту возможность понять главные факторы его невроза и таким образом способствует (при известных условиях) решительному изменению его уста-

1 7 CM. Diagnostische AssoUati'onsstudien и Allgemeines туг Komplextheorie.
18 См. классическую работу Брейера и Фрейда: Studien uber Hysterie-, далее: Jung, Der therapeutische Wert des Abreagierens.

новки. Конечно, сколь неизбежно, столь и необходимо, чтобы врач не только ставил вопросы, но также подсказывал и объяснял, намекая на важные для пациента бессознательные связи. В бытность мою офицером медицинской службы мне очень часто представлялась возможность применять эту форму анамнестического метода. Например, однажды некоему девятнадцатилетнему рекруту был выдан больничный лист. Во время осмотра этого молодого человека он сразу же сообщил, что страдает воспалением почек и что боль вызвана этим заболеванием. Я удивился тому, что он так хорошо знает свой диагноз: на это он мне сказал, что его дядя страдал тем же недугом и теми же болями в спине. Исследование не выявило никаких признаков какого-либо органического заболевания. Это был очевидный невроз. Затем я расспросил его о прежней жизни. Главным было то, что молодой человек очень рано потерял обоих родителей и жил у уже упомянутого дяди. Дядя был его приемным отцом, и юноша очень любил его. За день до того, как молодой человек открыл больничный лист, он получил от дяди письмо, в котором тот сообщал, что снова вынужден слечь в постель из-за нефрита. Письмо вызвало досаду, и он тотчас его вышвырнул, не понимая действительной причины своей эмоции, которую он-таки вытеснил. Этой эмоцией был, собственно говоря, сильный страх, что его приемный отец умрет, что вызвало в его памяти страдания, причиненные потерей родителей. Когда он это понял, то горько заплакал, а на следующее утро вновь приступил к службе. Это было отождествление с дядей, вскрытое посредством анамнеза. Реализация подавленных чувств имела терапевтический эффект. Подобный случай был с другим рекрутом, который, прежде чем я его увидел, уже с неделю находился на излечении из-за расстройства желудка. У меня было подозрение, что он невротик. Анамнез показал, что его расстройство началось в тот момент, когда он получил сообщение об операции по поводу рака желудка, которой должна подвергнуться его тетка, заменявшая ему мать. И здесь обнаружение связи возымело успех в лечении. В таких простых случаях зачастую достаточно анамнестического анализа. Помимо благотворного дей-

ствия на осознанивание связей, которые прежде были бессознательными, врач радеет еще о том, чтобы присовокупить или добрый совет, или побуждение, или замечание. Практически это метод излечения невротических детей. К детям нельзя применять метод анализа сновидений, который заходит слишком далеко в бессознательное. В большинстве случаев надо просто устранить некоторые препятствия, что может быть сделано без особых технических познаний. Обычный детский невроз был бы очень простым делом, если бы не существовало закономерной связи между ним и ложной установкой родителей ребенка. Такая увязка поддерживает невроз ребенка прямо-таки вопреки всем терапевтическим мероприятиям. Четвертый метод - это анализ бессознательного. Хотя анамнестический анализ, конечно, в состоянии открыть пациенту некоторые бессознательные факты, но все же это не то, что Фрейд называл "психоанализом". В действительности между этими двумя методами существует одно различие, достойное внимания. Анамнестический метод, как я уже показал, имеет дело с сознательными и готовыми к репродукции содержаниями, в то время как анализ бессознательного начинается только тогда, когда сознательные материалы исчерпаны. Прошу обратить внимание на то, что этот четвертый

метод я не называю "психоанализом", так как это выражение я хотел бы полностью предоставить фрейдовской школе. То, что там понимают под психоанализом,- не только техника, но метод, который догматически связан с сексуальной теорией Фрейда и который на ней основан. Когда Фрейд гласно заявил, что психоанализ и сексуальная теория неразрывно связаны друг с другом, я должен был пойти другим путем, так как не мог считать правильным его одностороннее воззрение. По этой же причине я предпочитаю говорить об этом четвертом методе как об анализе бессознательного. Я уже отметил, что этот метод может применяться только тогда, когда сознательные содержания исчерпаны. Я имею в виду, что анализ бессознательного возможен только тогда, когда все сознательные содержания подверглись осмыслению, но тем не менее не произо-

шло никакого удовлетворительного разъяснения и разрешения конфликтной ситуации. Зачастую анамнестический метод имеет значение прелюдии к четвертому методу. Путем тщательного изучения сознания происходит знакомство с пациентом и устанавливается то, что древние магнетизеры, а позже гипнотизеры называли "раппортом". Личный контакт имеет основополагающее значение, потому что образует фундамент, стоя на котором только и можно отважиться на схватку с бессознательным. Это фактор, который часто упускают из виду, и если им пренебрегают, то он легко становится причиной срывов. Но так как даже самый искушенный знаток человеческой психологии не в состоянии познать психику каждого индивида, он должен положиться на добрую волю, т. е. на хороший контакт с пациентом, и суметь довериться тому, о чем тот сообщает, когда творится что-то неладное. Очень часто именно в начале лечения случаются некоторые недоразумения - и зачастую без вины врача. В том-то и сущность невроза, что пациент изо всех сил оберегает предубеждения, которые непосредственно и вызывают его невроз, и тем самым поддерживает в них жизнь. Если эти недоразумения по мере сил не проясняются, то остается только озлобление, которое может свести на нет все последующие усилия. Если же анализ начинается с некоторой верой в теорию, которая делает вид, будто сущность невроза полностью схвачена, то это означает лишь мнимое облегчение трудных задач, в таком случае врач рискует пройти мимо действительной психологии пациента и оставить без должного внимания его индивидуальность. Я видел немало случаев, когда теоретические предпосылки препятствовали успеху лечения. При этом всякий раз недоставало контакта, что и вызывало неудачу. Лишь добросовестное соблюдение правила: обращать самое тщательное внимание на контакт - в состоянии предотвратить непредвиденную катастрофу. Пока ощущается контакт, атмосфера естественного доверия - опасности нет; даже если нужно глянуть в лицо ужасу безумия либо тени самоубийства, все же есть сфера человеческой веры, уверенность, которые поддерживают желание понимать и быть понятым, какой бы черной ни была ночь. Совсем непросто устано-

вить такой контакт, и этого нельзя сделать никаким иным способом, кроме как путем тщательного сопоставления обеих точек зрения и абсолютной взаимной непредубежденности. Обоюдное или одностороннее недоверие - плохое начало, точно так же как и более или менее насильственное устранение сопротивления путем уговоров или прочих средств форсирования. Сознательное внушение в применении аналитического метода также ошибочно, так как у пациента должно оставаться чувство свободы решения. Всякий раз, когда я обнаруживаю малейшие признаки недоверия или сопротивления, я пытаюсь всерьез это учесть и предоставить пациенту возможность самому восстановить контакт. Нужно, чтобы пациент в своем сознательном отношении к врачу всегда обладал надежной базой, а врач опять-таки нуждается в контакте, чтобы быть достаточно информированным об актуальном состоянии пациента. Врач нуждается в этом знании по важным практическим причинам: ведь без него он был бы неспособен правильно понимать сновидения пациента. Поэтому надо, чтобы личный контакт был главным объектом

наблюдения не только в начале, но и в ходе всего анализа, ибо только контакт препятствует - насколько это вообще возможно - крайне неприятным и внезапным инцидентам, а также фатальным исходам. Мало того, контакт - это прежде всего средство для коррекции ложной установки пациента таким образом, чтобы последний не испытывал чувства, будто его переубедили или даже перехитрили вопреки его собственной воле. Я хотел бы проиллюстрировать сказанное. Один молодой человек примерно тридцати лет, явно очень умный и в высшей степени интеллигентный, пришел ко мне, как он сказал, не для лечения, а только для того, чтобы задать один вопрос. Он дал мне достаточно объемный манускрипт, в котором, по его словам, были заключены история и анализ его случая. Он назвал его неврозом навязчивых состояний - и это было совершенно правильно, как я увидел, читая этот манускрипт. Это было что-то вроде психоаналитической биографии, в высшей степени разумной и проработанной с помощью интроспекции, достойной удивления. Это было подлинно научное сочинение, основанное на обширном

и точном прочтении соответствующей специальной литературы. Я поздравил его с таким достижением и спросил, с какой же целью он тогда пришел ко мне. Он сказал: "Итак, вы прочли то, что я написал. Но можете ли вы мне сказать, почему я при всей моей проницательности остался таким же невротичным, как и прежде? Согласно теории, я должен исцелиться, так как сумел воскресить в памяти все свои самые что ни на есть ранние воспоминания. Я читал о многих случаях, когда были излечены люди с куда как меньшей проницательностью, чем у меня; почему же я должен быть исключением? Пожалуйста, скажите мне, чего я не заметил или что продолжаю вытеснять". Я сказал ему, что сей момент не могу вникнуть в суть дела, которая могла бы объяснить, почему его действительно поразительная проницательность не коснулась невроза. "Но,- сказал я,- позвольте мне попросить вас рассказать чуть больше о вашей персоне".- "С удовольствием",- ответил он. На это я сказал: "В вашей биографии вы упомянули, что часто проводили зиму в Ницце, а лето в Санкт-Морице. Я полагаю, вы - сын обеспеченных родителей".- "О нет,- сказал он,- они совсем небогаты".- "Ну, тогда вы, должно быть, сами неплохо зарабатываете?" - "О нет",- отвечал он с улыбкой. "Но тогда как же?" - спросил я нерешительно. "О, об этом не стоит говорить,- ответил он,- я получал деньги от одной женщины, ей тридцать шесть лет, и она учительница в народной школе. Это, знаете ли, liaison
* ",- добавил он. В действительности эта женщина, которая была старше его на несколько лет, находилась в весьма стесненных обстоятельствах и жила на свой скудный учительский заработок. Она экономила деньги на питании - конечно, в надежде на последующее замужество, о чем блистательный джентльмен даже не помышлял. "Не думаете ли вы,- сказал я,- что вы использовали в финансовом отношении эту бедную женщину, что и могло быть одной из существенных причин продолжения вашего недуга?" Однако он рассмеялся над моей, как он сказал, абсурдной моральной колкостью, которая, по его идее, не имела ничего общего с научной

* Любовная связь (фр.).

структурой его невроза. "Вдобавок,- сказал он,- я говорил с ней об этом, и мы оба согласились на том, что этот вопрос не имеет значения". На что я ответил: "Вы полагаете, что благодаря обсуждению этой ситуации некий важный факт, а именно то, что вы были на содержании у бедной женщины, ушел из мира вместе со словами? Не допускаете ли вы, что вместе с деньгами, которые звенят в вашем кармане, вы получили то, что заслужили?" На что он с негодованием встал, пробормотал что-то о моральных предрассудках и распрощался. Он был один из многих, которые полагают, что мораль не имеет никакого отношения к неврозу, что умышленный грех

не является грехом, если он устранен интеллектуально. Ясно, что я должен был уведомить этого господина о моих воззрениях. Если бы по этому вопросу мы пришли к согласию, то лечение было бы возможным. Однако если бы, невзирая на его скверный жизненный базис, мы начали работу, то она оказалась бы напрасной. С такими взглядами можно приспособиться к жизни только в том случае, если ты преступник. Однако этот пациент не был настоящим преступником: он был только так называемым интеллектуалом, который настолько верит во власть разума, что даже полагает, будто содеянную несправедливость можно устранить мысленно. Несомненно, я верю в силу и достоинство интеллекта - однако лишь постольку, поскольку он не посягает на ценность чувства. Последняя отнюдь не является только инфантильным сопротивлением. Этот пример показывает, сколь решающим фактором является контакт. Если разработка сознательного материала - воспоминаний, вопросов, сомнений, сознательного сопротивления - на анамнестической стадии анализа была достаточной, то можно переходить к анализу бессознательного. Тем самым человек вступает в новую сферу. Отныне мы занимаемся живым душевным процессом, а именно сновидениями. Сновидения суть не только репродукции событий или абстракции переживаний. Они - неподдельные манифестации бессознательной творческой деятельности. Вопреки воззрению Фрейда, будто сновидения -

это исполнение желаний, моя работа со сновидениями позволяет мне думать прежде всего об их компенсаторной функции. Когда в ходе анализа дискуссия по поводу сознательных содержаний близится к концу, то начинают оживать бессознательные доселе возможности: они могут, например, порождать сновидения. Приведу пример. Одна пожилая дама - лет пятидесяти четырех, но хорошо сохранившаяся - консультировалась у меня по поводу невроза, который начался у нее примерно год спустя после смерти мужа (случившейся примерно двенадцать лет назад). Она страдала многочисленными фобиями. Естественно, она рассказала мне длинную историю, из которой я упомяну только один факт, а именно - после смерти мужа она жила совсем одна в собственном прекрасном загородном доме. Ее единственная дочь уже много лет была замужем в чужих краях. Пациентка - поверхностно образованная дама с крайне узким духовным горизонтом, последние сорок лет она к тому же ничему не училась. Ее идеалы и убеждения относятся к славной эпохе 1870-х годов. Она верная вдова и замуж второй раз не вышла. Она была не в силах понять, что же могло стать причиной ее фобий; во всяком случае, это не вопросы морали - ведь она является достойным членом Церкви. Такие люди верят, как правило, исключительно в телесные причины: фобии поочередно захватывали сердце, легкие и желудок, однако врачи с удивлением обнаружили, что с ними у нее все в порядке. Сейчас она уже и не знала, что думать о своей болезни. Я сказал ей, что отныне мы будем пытаться понять, что говорят сновидения по поводу ее фобий. Ее сновидения имели тогда характер моментальных снимков: граммофон играет любимую песню; она - молодая девушка, но уже обрученная, ее муж - врач и т. д. Было достаточно ясно, на что намекали сновидения. При объяснении этой проблемы я всемерно старался не называть такие сновидения "исполнением желаний", так как пациентка была чрезмерно склонна к тому, чтобы говорить о своих сновидениях: "О, это не более чем фантазии, ведь сны - это такая ерунда". Было очень важно, чтобы она всерьез отнеслась к тому, что эта проблема на самом деле начинается с нее. Сновидения содержали ее действитель-

ные намерения, которые следовало присовокупить к прочим содержаниям сознания, чтобы уравновесить их слепую односторонность. Я называю сновидения компенсаторными по той причине, что они содержат те самые представления, чувства и помыслы, отсутствие которых в сознании оставляет после себя брешь, заполненную страхом вместо понимания. Она совершенно не желала знать о смысле своих сновидений, потому что находила, что вовсе не требуется думать о вопросе, если на него тотчас нельзя ответить. Однако она, как это делают многие люди, не заметила, что путем вытеснения своих неприятных мыслей она создала что-то вроде психического

вакуума, который постепенно заполнялся страхом, как обычно и происходит. Если бы она сознательно терзала себя своими мыслями, то узнала бы, чего ей недостает, и тогда, для того чтобы заменить страдание, отсутствующее в ее сознании, не потребовалось бы никакого страха. Ясно, что врач должен <хорошо знать сознательную точку зрения пациента, дабы иметь удовлетворительное основание для понимания компенсаторной интенции сновидения. Значение и содержание сновидений, как показывает опыт, всегда находятся в тесном отношении с соответствующими состояниями сознания. Сновидения, которые повторяются, соответствуют повторяющимся же состояниям сознания. В этом случае, естественно, легко увидеть, на что намекают сновидения. Допустим, однако, что такие сновидения имела бы юная обрученная девушка. Конечно же, тогда у них было бы совершенно другое значение. Поэтому ясно, что нужно быть очень хорошо осведомленным о состоянии сознания, так как может статься, что один и тот же мотив сновидения в одном случае означает одно, а в другом совершенно обратное. Почти невозможно, а потому и не рекомендуется толковать сновидения, не зная сновидца лично. Однако все же есть достаточно понятные сновидения, особенно у лиц, которые совершенно ничего не знают о психологии, где для толкования не требуется знать сновидца лично. Однажды я сидел за одним столом в вагоне-ресторане с двумя иностранцами. Один был очень благообразным седым господином,

а другой производил впечатление интеллигентного человека среднего возраста. Из их беседы я заключил, что эти военные - вероятно, старый генерал и его адъютант. После длительного молчания старший неожиданно сказал своему спутнику: "Бывают очень комичные сновидения. В последнюю ночь у меня был удивительный сон: мне снилось, что я стою в строю и держу равнение вместе со многими молодыми лейтенантами и наш главнокомандующий проверяет нас. Напоследок он подошел ко мне и, вместо того чтобы задать технический вопрос, потребовал дать дефиницию прекрасного. Тщетно я пытался найти удовлетворительный ответ и почувствовал в высшей степени мучительное смущение, когда он перешел к следующему человеку, очень молодому майору, чтобы задать ему подобный вопрос. Тот тотчас дал подходящий ответ, как раз тот, который мог бы дать и я, если бы был способен его подыскать. Это вызвало у меня такой шок, что я проснулся". Затем он прибавил, внезапно и неожиданно повернувшись ко мне, совершенно незнакомому человеку: "Не думаете ли вы, что у сновидений имеется смысл?" "Ну,- сказал я,- существуют, разумеется, осмысленные сновидения".- "Однако, как вы думаете, что могло бы означать такое сновидение?" - спросил он резко, причем лицо его слегка подергивалось от нервного напряжения. Я сказал: "Не заметили ли вы чего-нибудь особенного в этом молодом майоре? Как он выглядел?" - "Он выглядел так же, как я, когда был еще молодым майором".- "Ну, тогда,- сказал я,- кажется, вы что-то забыли или упустили в сравнении с тем, на что вы были способны, когда были молодым майором. Видимо, ваше сновидение направляет ваше внимание на это". Он на мгновение задумался, а затем изрек: "Это так, вы попали в точку. Когда я был молодым майором, я интересовался искусством. Но позже эти интересы потерялись в служебной рутине". Затем он умолк, и более не было сказано ни слова. После еды мне представился случай поговорить с тем господином, которого я принял за адъютанта. Он подтвердил мое предположение о звании старого господина и, кроме того, сказал мне, что я затронул больное место, так как генерал был известен как закосневший форма-

лист и внушал всем страх, вникая во всякие пустяки, до которых ему совершенно не было дела. Для общей установки этого человека наверняка было бы лучше, если бы он сохранил и развивал некоторые интересы, лежащие вне службы, чтобы не погрязнуть в одной рутине: последнее не отвечало ни его собственным интересам, ни интересам его работы. Если бы анализ этого господина был продолжен, я бы показал ему, что разумно и крайне желательно принять точку зрения сновидения. Оно, вероятно, сумело бы разъяснить и скорректировать его односторонность.

В этом отношении сновидения имеют неоценимое значение, однако следует воздерживаться от всякого теоретического предвосхищения, потому что это возбуждает у пациента ненужное сопротивление. К таким теоретическим предположениям относится идея, будто сновидения - это всегда (вытесненное) исполнение желаний большей частью эротического характера. В конкретном случае лучше всего вообще ничего не предполагать, даже того, что сновидения должны обладать компенсаторной функцией. Чем более непредвзято мы позволяем действовать на себя сновидению и тому, что сновидец сумел о нем сказать, тем легче мы поймем смысл сновидения. Существуют сексуальные сновидения, как и сновидения голода, лихорадки, страха и прочие соматогенные сны. Такие сновидения отчетливы и не требуют долгой работы по толкованию, чтобы обнаружить их инстинктивные основания. Я исхожу из точки зрения, основанной на длительном опыте: сновидение выражает все то, что оно имеет в виду, а поэтому каждое толкование, которое не выявляет отчетливого смысла в явном образе сновидения, заходит в тупик. Сновидения не преднамеренные, произвольные выдумки, а естественные феномены, которые есть не что иное, как то, что они изображают. Они не обманывают, они не лгут, они не передергивают и не затушевывают, но наивно возвещают то, что они есть и что они имеют в виду. Они раздражают и сбивают с толку лишь потому, что мы их не понимаем. Они не используют никаких трюков, чтобы что-то скрыть, но на свой лад говорят о том, что составляет их содержание, настолько отчетливо, насколько это возможно. В наших силах понять так-

же, почему они настолько своеобразны и трудны: ведь опыт свидетельствует, что они всегда пытаются выразить нечто, чего "Я" не знает и не понимает. Их неспособность быть более отчетливыми соответствует неспособности сознания понять или захотеть понять спорный пункт. Если бы, например, господин генерал в своей, конечно же, изнуряющей службе хоть раз постарался поразмыслить о том, что побуждает его совать свой нос в ранцы своих солдат - дело, которое можно было бы передоверить унтер-офицеру,- то он обнаружил бы причину своей раздражительности и дурного настроения и избежал бы того обидного удара, который ему нанесло мое невинное толкование. Поразмыслив, он мог бы и сам понять сновидение - оно ведь было таким простым и ясным, как только можно пожелать. Однако сновидение имеет досадное свойство: оно метит как раз в слепое пятно; именно это слепое пятно и говорит в сновидении. Неоспорим тот факт, что сновидения задают психологу трудные проблемы, столь трудные, что есть немало специалистов, которые предпочли бы не обращать внимания на эти проблемы и вторить дилетантскому предрассудку, согласно которому сновидения - это бессмыслица. Предположим, минералог получил бы дурной совет выбросить свои образцы, потому что они всего лишь ничего не стоящая галька; точно таким же образом психолог и врач не смогут заглянуть в глубины душевной жизни своего пациента, если по невежеству или из-за предубеждения пройдут мимо проявлений бессознательной души - не говоря уже о разрешении той научной задачи, которую сновидения ставят перед исследователем. Поскольку сновидения - не патологические, а совершенно нормальные феномены, то психология сновидений оказывается прерогативой не врача, а психолога. Практически, однако, главным образом именно врач занимается сновидениями, потому что толкование последних дает ключ к разгадке бессознательного. В этом ключе нуждается прежде всего врач, которому приходится лечить невротические и психотические расстройства. У больных естественным образом более сильный, нежели у здоровых, мотив к исследованию бессозна-

тельного, и потому они пользуются преимуществом, которого последние лишены. Очень редко случается так, что нормальный взрослый человек видит, сколь много он упустил в своем воспитании, и тогда он не жалеет ни времени, ни денег, чтобы добиться более глубокого понимания и большей уравновешенности. Фактически образованному человеку нашего времени недостает еще слишком многого, так что его едва ли можно отличить от невротика. Наряду со

случаями такого рода, где требуется неотложная врачебная помощь, существует еще очень много и таких, в которых мог бы помочь и психолог-практик. Лечение посредством анализа сновидений - это превосходная педагогическая деятельность, принципы и результаты которой могли бы иметь величайшее значение именно для исцеления бед нашего времени. Какой было бы благодатью, если бы, к примеру, по крайней мере один-единственный процент населения мог бы убедиться в том, что негоже упрекать ближних в тех недостатках, которыми больше страдаешь сам! Материал, с которым приходится работать при анализе бессознательного, состоит не только из сновидений. Имеются продукты бессознательного, которые называются фантазиями. Эти фантазии состоят или из чего-то похожего на сновидения при пробуждении, или же подобны видениям и инспирациям. Их можно анализировать точно таким же способом, как и сновидения. Существуют две принципиальные возможности толкования, которые используются в зависимости от природы случая, подлежащего лечению. Во-первых, это так называемый редуктивный метод: его главная цель состоит в том, чтобы найти инстинктивные импульсы, лежащие в основе сновидения. В качестве примера можно взять сновидения старой дамы, о которой я уже упоминал. В этом случае безусловно важно, чтобы сновидица увидела и поняла инстинктивные факты. В случае генерала, вероятно, было бы достаточно неестественно говорить о вытеснении биологических инстинктов, так как совершенно невероятно, что он вытеснял свои эстетические интересы. От этого его удержала прежде всего сила привычки. Толкование сновидения в этом случае

имело бы конструктивное намерение, так как мы попытались бы присовокупить что-то к его сознательной установке, тем самым ее обогатив. Прозябание в рутине соответствует известной степени вялости и лености, которая подобает первобытной природе человека в нас. Сновидение пытается вспугнуть его из этого состояния. Однако в случае старой дамы учет эротического фактора ведет назад, к признанию первобытной женской природы, осознание которой для пациентки важнее, чем все иллюзии неправдоподобной невинности и сухой респектабельности. Итак, мы применяем редуктивную точку зрения главным образом во всех тех случаях, где речь идет об иллюзиях, фикциях и преувеличениях. С другой стороны, конструктивная точка зрения принимается в расчет во всех случаях, когда сознательная установка более или менее нормальна, однако способна к большему совершенству и утонченности, либо там, где бессознательные, но способные к развитию тенденции бессознательного превратно поняты и подавляются со стороны сознания. Редуктивная точка зрения присуща фрейдовскому подходу. Он ведет только назад, к первобытному и элементарному. Напротив, конструктивная точка зрения пытается действовать синтетически, возвышать и направлять взгляд вперед. Она менее пессимистична, нежели редуктивная точка зрения, которая всегда чует нечто негодное и потому желает разложить сложное на составные части. При известных условиях может оказаться весьма необходимым разрушить болезненную конструкцию путем терапии; но по меньшей мере столь же часто (или еще чаще) показано усиливать и уберегать здоровое и ценное, чтобы таким образом выбить почву из-под ног у болезненного. Не только любое сновидение, но и любой диагноз, любой характер и любое жизненное проявление можно, так сказать, рассматривать с редуктивной точки зрения, тем самым выискивая по меньшей мере возможность отрицательного приговора. Если мы с помощью такого разыскания зайдем достаточно глубоко, то обнаружим, что все мы происходим от воров и убийц; совсем нетрудно показать, что смирение коренится в духовном высокомерии, как и вообще каждая добродетель - в соответствующем ей

пороке. За проницательностью и опытом аналитика остается право принимать при толковании соответствующее решение в пользу той или иной точки зрения. На основании знания характера и соответствующего психического склада своего пациента он будет пользоваться то одной, то другой точкой зрения. В этой связи, вероятно, будут совсем нелишними несколько слов о

символизме сновидений и фантазий. В наши дни символика достигла объемов науки, и потому к ней уже нельзя подходить с более или менее фантастическим сексуальным толкованием. Я попытался поставить символику на единственно возможную научную почву сравнительного исследования
19 . Результаты этого метода представляются мне значительными. Символика сновидений имеет поначалу личностный характер, который может быть прояснен при помощи интуиции сновидца. Толкование через голову сновидца не рекомендуется, хотя в отношении определенных символизмов это все же возможно
20 . Для установления точного и личностно заостренного значения сновидения, конечно, необходимо содействие сновидца. Образы сновидения многозначны, и никогда нельзя полагаться на то, что они означают то же в другом сновидении или у другого сновидца. Но определенную константность значения указывают только так называемые архетипические образы
21 . Для практической работы при профессиональном толковании сновидений требуется, с одной стороны, специфическая сноровка и способность к чувственному проникновению, а с другой - значительные знания в сфере истории символов. Как и при всякой практической психологической деятельности, здесь не обойдешься интеллектом, но требуется также чувство, потому что иначе будет упущена необычайно важная эмоциональная окраска сновидения. А без нее толкование сновидения невозможно. Так как сновидение исходит из целостности человека, то тот, кто пытается его толковать,

19 См. мою книгу Wandlungen und Symbole der Libido, а также: Jung und Kerinyi. Einfithrung in das Wesen der Mythologie.
20 СМ. об этом Psychologie und Alchemic. 2. Toil: <Traumsymbole des Mividuatlonspronesses>.
21 СМ. мое сочинение Ober die Archetypen des kollektiven Unbewufiten.

также должен обращаться к целостному человеку. "Ars totum requirit hominern
"* ,- говорит один древний алхимик. Рассудок и знание при этом должны присутствовать, но не выходить на передний план вместо сердца, которое, со своей стороны, не должно изнемогать под сантиментами. Толкование сновидений - это в общем и целом искусство, так же как и диагностика, хирургия и терапия вообще; искусство трудное, однако ему могут научиться те, кто к этому способен и предрасположен.

* Наука исследует человека в целом (лат.).

III

Дамы и господа!
Посредством анализа сновидений и фантазий мы пытаемся понять тенденции бессознательного.

Когда я говорю "тенденции бессознательного", то это звучит чуть ли не как персонификация бессознательного, как если бы оно было чем-то вроде сознательно желающего существа. Однако с научной точки зрения бессознательное - это прежде всего не более чем свойство определенных психических феноменов. Невозможно выявить какие-либо категории психических явлений, которые закономерно и при всех обстоятельствах имеют одно-единственное свойство: быть бессознательными. При случае все может быть или стать бессознательным. Все, что забыто или от чего внимание отвлечено до степени, при которой наступает полное забвение, становится

бессознательным. И вообще все, что утрачивает определенное энергетическое напряжение, становится подпороговым. Если к забытым воспоминаниям присовокупить многочисленные подпороговые ощущения, мысли и чувства, то можно получить представление о том, из чего, если так можно сказать, состоят по меньшей мере верхние слои бессознательного. Именно материалом прежде всего такого рода приходится заниматься при практическом анализе. Некоторые из этих содержаний обладают особым свойством - они вытеснены сознанием. Путем более или менее преднамеренного акта отвлечения внимания от некоторых сознательных содержаний или путем их активного неприятия они в конце концов выталкиваются из сознания. Постоянная установка на неприятие, если она свойственна сознанию, искусственно удерживает эти содержания под порогом восприятия сознанием. Такой особый случай - явление закономерное прежде всего при истерии. Это - начало расщепления личности, одна из наиболее бросающихся в глаза черт этой болезни. Несмотря на то что вытеснение бывает и у более или менее нормальных людей, полная потеря вытесненных воспоминаний - патологический симптом. Вытеснение следует понятийно отделить от подавления. Если отвле-

кать внимание от чего-то, чтобы сконцентрировать его на каком-то другом предмете, то нужно подавлять наличные содержания сознания, так как в противном случае, т. е. если обращать на них внимание, объект интереса останется неизменным. К сознательно подавленным содержаниям обычно можно вернуться в любое время; долгое время они остаются воспроизводимыми. В случае же, если они противятся этой репродукции, наверняка налицо вытеснение. Тогда должен наличествовать определенный интерес, который побуждает к забвению. Процесс подавления не вызывает забвения, чего нельзя сказать о процессе вытеснения. Само собой разумеется, что существует нормальное забвение, которое не имеет ничего общего с вытеснением. Вытеснение - это искусственная потеря памяти, самовнушенная амнезия. Насколько я знаю, неоправданно предположение, будто бессознательное полностью или большей частью состоит из вытесненного материала. Вытеснение - это исключительный и аномальный процесс, который более всего обращает на себя внимание, когда речь идет о Потере чувственно-подчеркнутых содержаний, в отношении которых уместно было бы предположить, что они застряли в сознании или легко поддаются репродукции. Вытеснение может иметь действие, аналогичное сотрясению мозга и прочим его повреждениям (яды!) - во всяком случае, они также вызывают поразительную потерю воспоминаний. В то время как эти повреждения затрагивают все воспоминания определенного временного периода, вытеснение порождает так называемую систематическую амнезию, т. е. из памяти изымаются только совершенно определенные воспоминания или группы представлений. В таких случаях можно обнаружить некую установку, или тенденцию, сознания, а именно некое прямое намерение, которое избегает уже одной только возможности припоминания (и, конечно же, по убедительным причинам), так как последнее было либо мучительным, либо болезненным. К таким случаям подходит понятие вытеснения. Этот феномен легче всего наблюдать в ассоциативном эксперименте, где определенные слова-раздражители попадают в так называемые чувственно-подчеркнутые комплексы. В этих точках при репродукции очень

часто обнаруживается так называемое выпадение воспоминаний или их фальсификация (амнезия или парамнезия). В случае комплексов речь большей частью идет о неприятных вещах, о которых лучше забыть и никогда не вспоминать. Как правило, и сами комплексы происходят от определенных мучительных или болезненных переживаний и впечатлений. Это правило претерпевает, однако, известные ограничения. Иногда случается так, что даже важные содержания могут исчезнуть из сознания без малейшего следа вытеснения. Они исчезают автоматически, к великому сожалению потерпевшего, и вовсе не из-за какого-то сознательного интереса (который совершает эту потерю или даже радуется ей). Я говорю не о нормальном забвении, которое есть не что иное, как естественное истощение энергетического напряжения, но о тех случаях, когда повод,

слово, образ или лицо бесследно исчезают из памяти, чтобы потом вновь всплыть в каком-нибудь значимом месте в качестве так называемой криптомнезии
22 . Например, я вспоминаю встречу с одним писателем, который позже в своей автобиографии подробно описал нашу беседу. В его описании отсутствует, однако, piece de resistance*, а именно маленький доклад о некоторых душевных заболеваниях, который я ему прочитал. Это воспоминание у него отсутствует. Однако оно в высшей мере уместно всплывает в другой книге, принадлежащей его перу и посвященной тому же предмету. Ведь нас в конечном счете определяет не только прошлое, но и будущее, которое уже загодя присутствует в нас и лишь постепенно из нас развивается и развертывается. Однако творческий человек - это совершенно особый случай: он поначалу и не догадывается о богатстве своих возможностей, хотя все они уже заключены в нем в готовом виде. Поэтому часто бывает так, что "случайное" замечание или какое-нибудь событие затрагивает одну из таких бессознательных готовностей, причем сознание не ведает, что нечто было разбужено и что оно вообще было разбужено. Лишь после длитель-

22 Я описал подобный случай с Нищие в диссертации Zur Psychologie und Pathologie sogenamter occult> Phunomene. * Здесь: главное (фр.).

ного инкубационного периода выявляется результат. Сам же первоначальный повод часто надолго остается скрыт под поверхностью. Еще не ставшее сознательным содержание ведет себя так же, как и обычный комплекс. Оно излучается на сознание и воздействует так, что содержания сознания, которые находятся в какомто отношении к нему, или переоцениваются (т. е. поразительно долго сохраняются в сознании), или же, совсем напротив, неожиданно исчезают, но не из-за вытеснения сверху, а из-за притяжения снизу. Можно даже обнаружить некоторые прежде бессознательные содержания, которые существуют в сознании в виде "дыр" или затмений, как их, видимо, можно было бы назвать. Поэтому зачастую стоит еще раз вглядеться в них, когда возникает смутное ощущение, что что-то было упущено или забыто. Если предположить, что бессознательное состоит главным образом из вытесненных содержаний, то невозможно представить себе творческую деятельность в бессознательном, и тогда логично было бы прийти к заключению, что эти затмения суть не что иное, как вторичные эффекты какого-то вытеснения. Тем самым, однако, интерпретатор скатывается по наклонной плоскости: объяснение через вытеснение чрезмерно расширяется, из-за чего творческое берется в расчет слишком мало. Каузальность преувеличивается, а культуросозидающая деятельность толкуется как псевдодеятельность. Такой подход не только отличается угрюмостью, но и обесценивает блага культуры. Создается впечатление, будто культура была только лишь одним долгим вздохом по потерянному раю с его инфантильностью, варварством и дикарством. Возникает чисто невротическое предположение, будто некий злой отец в давние-предавние времена запретил детские услады под угрозой кастрации. Таким образом, миф о кастрации, выражаясь немного грубовато и с минимальной психологической деликатностью, является этиологическим мифом культуры. Из этого складывается мнимое объяснение "неудобства" в культуре
23 , и в воздухе постоянно витает сожаление о каком-то потерянном рае, который когда-то уже, должно быть, существовал. В том, что хо-

23 CM.: Freud, DOS Unbehagen in der Kultur.

дить в тот детский сад с его грубым варварством было значительно более неудобно по сравнению с культурой до 1933 года, усталая Европа могла убедиться за последние годы досыта. Я допускаю, что <неудобство> в культуре имеет скорее личностные причины. Проницательность может быть утрачена и благодаря теории. Практически учение о вытеснении инфантильной сексуальности

или об инфантильной травме несметное количество раз служило отвлечению внимания от подлинных причин невроза
24 , а именно от изнеженности, халатности, пассивности, алчности, злобы и прочих видов эгоизма, для объяснения которых не требуется никакого усложненного сексуалистского учения о вытеснении. Следует знать, что не только невротик, но каждый человек по природе предпочитает (если он все еще не прозрел) искать причины каких-то неполадок не в самом себе, но отодвигать их как можно дальше от себя в пространстве и во времени. В противном случае он подвергся бы опасности: от него требовалось бы что-то исправить. Вот и кажется, что по сравнению с этим риском все же гораздо предпочтительнее либо переложить вину на кого-то другого, либо - если она бесспорно находится в тебе самом - по крайней мере допустить, что она возникла когда-то там, в раннем детстве, без твоего содействия. Правда, и не припомнишь как, однако если бы смог, то, кажется, исчез бы и весь невроз. Усилия по припоминанию выглядят как напряженная деятельность и в придачу имеют то преимущество, что отвлекают от подлинной темы. Вот почему при таком угле зрения может показаться разумной рекомендация продолжать и дальше охоту за предполагаемой травмой. Этот долгожданный аргумент не требует никакой ревизии современной установки и никакого обсуждения проблем, поставленных сегодня. Разумеется, нет никакого сомнения в том, что травматические переживания еще в детстве являются предвестниками многих неврозов и что воспоминания о прошлом и вздохи по детской безответственности у некоторых пациентов означают ежедневное искушение,- но также верно и то,

2 4 См. вышеупомянутый случай молодого человека, который загорал на Ривьере и в Энгадине.

что, например, история с большим рвением фабрикует травматические переживания, даже если таковые и отсутствовали: тем самым пациент обманывает и себя самого и врача. Кроме того, остается еще объяснить, почему одно и то же переживание на одного ребенка действует травматически, а на другого - нет. Наивность в психотерапии неуместна. Врач, как и воспитатель, должен быть бдительным и не исключать возможности быть обманутым - сознательно или бессознательно - не только своим пациентом, но в первую очередь самим собой. Склонность жить в иллюзии и верить в фикции о самом себе (в хорошем и дурном смысле) вряд ли преодолима. Невротик - это человек, который пал жертвой иллюзий. Однако тот, кто был обманут, обманывает и сам. Для камуфляжа и лазеек годится все. Психотерапевт должен знать, что, поскольку он верит в какую-то теорию и в какой-то определенный метод, некоторыми пациентами он определенно будет обведен вокруг пальца, и это произойдет с ним тогда, когда пациент достаточно ловок, чтобы подобрать себе безопасное укрытие за перлами теории и использовать этот метод для того, чтобы сделать укрытие невидимым. Поскольку нет такого коня, которого нельзя было бы заездить, то теории невроза и методы лечения дело щекотливое. Всякий раз я забавляюсь, когда дельный курортный врач заверяет, что он лечит по "Адлеру", или по "Крюнкелю", или по "Фрейду", или даже по "Юнгу". Ничего подобного нет и не может быть, а если, несмотря ни на что, все же происходит, то это верный путь к неудаче. Когда я лечу господина X, то я вынужден применять метод X, а в случае фрау Z - метод Z. Это означает, что пути и средства лечения определяются преимущественно природой больного. Весь психологический опыт и все точки зрения, происходят ли они от того или иного учения, полезны при определенных условиях. Систематизированное учение, такое, как фрейдовское или адлеровское, состоит, с одной стороны, из правил ремесла, а с другой - из любимых идей автора, обусловленных его темпераментом. В русле старого учения о патологиях, которое бессознательно, но совсем по Парацельсу рассматривало болезни как

entia (сущности

25), могло даже показаться вполне возможным описание невроза как отгороженного от других специфического вида болезни. Помимо всего прочего, вероятно, еще питают надежду уловить сущность невроза категориями одной доктрины и выразить простыми формулами. Поскольку каждая такая попытка кажется стоящей, то все, что в неврозе есть несущественного, оказалось выдвинуто на передний план, а тем самым был утерян единственно важный аспект этого заболевания - именно то, что оно всегда означает совершенно индивидуальное явление. Действительная и действенная терапия неврозов всегда индивидуальна, а потому застывшее применение какой-то определенной теории или метода следует признать по сути. неверным. Если стало как-то ясно, что болезней намного меньше, чем больных индивидов, то это верно и в отношении неврозов. Здесь мы находим максимальную индивидуализацию всех образов болезни, и не только это: в неврозах зачастую мы открываем содержания или части личности, которые индивидуально характеризуют самого больного, а не его цивильное, может быть слишком бесцветное, проявление. Поскольку неврозы необычайно индивидуальны, то их теоретическая формулировка представляет собой почти невозможную задачу, ведь она может ориентироваться только на коллективные, т. е. на общие для многих индивидов черты. Однако именно это является наименее важным или даже самым незначительным в болезни. Наряду с этой трудностью есть и другая: чтобы полностью осуществить, так сказать, каждое психологическое утверждение, т. е. каждую относящуюся к психике истину, ее следует немедленно перевернуть. Так, например, некто невротичен, потому что он вытесняет или потому что не вытесняет; потому что у него голова полна инфантильно-сексуальных фантазий или потому что их нет; потому что он инфантильно не приспособлен к окружению или потому что он чрезмерно (т. е. исключительно) приспособлен; потому что живет по принципу удовольствия или не живет в соответствии с ним; потому что слишком бессознателен или слишком сознателен; потому что эгоцентричен или по-

25 СМ.: Jung. Paracelsus als geistige Erscheinung.

тому что слишком мало живет для себя и т. д. Эти антиномии, которые при желании можно еще и умножить, ясно показывают, сколь трудной и неблагодарной оказывается задача построения теории в этой области. Сам я уже давным-давно отрекся от единой теории невроза, за исключением лишь самых общих позиций, как-то: диссоциация, конфликт, комплекс, регрессия, abaissement du niveau mental
* , которые, так сказать, принадлежат к неприкосновенному запасу невроза, т. е, всякий невроз характеризуется диссоциацией и конфликтом, обладает комплексом, обнаруживает явления регрессии и abaissement. Эти положения, как говорит опыт, не могут быть перевернуты. Однако уже в случае часто повторяющегося феномена вытеснения вступает в силу антиномия: ведь положение о том, что основной механизм невроза состоит в вытеснении, уже следует перевернуть, потому что как раз вместо вытеснения частенько обнаруживается его противоположность, а именно состояние отстраненности, что у дикарей соответствует распространенному феномену "потери души"
26 , феномену, который представляет собой уже не вытеснение, а отчетливо выраженное состояние одержимости и потому объясняется колдовством. Эти изначально магического порядка феномены отнюдь не отмерли у так называемого культурного человека. Теория невроза является опрометчивой затеей и потому, что мы еще далеко не до конца постигли факты. Сравнительное изучение бессознательного, к примеру, только началось. Наскоро построенные теории вовсе не безопасны. Так, теорию вытеснения, достоверность которой в рамках определенных патологий неоспорима (за исключением обратимости этого положения!), распространяют также на область творческих процессов и произведения культуры изгоняются, так сказать, во второй разряд эрзацпродуктов. Тем самым изначальная целебность творческого начала попадает под сомнительный свет невроза, который во многих случаях действительно является

26 В Южной Америке "потеря гана" (гана - аппетит, алчность). СМ.: Graf Hemnann Keyserling,

Sildamerikanische Meditationen, p. 153 ff. * Снижение умственного уровня (фр.).

продуктом вытеснения. Таким образом творческое начало становится неотличимым от больного. Творческий человек подозревает себя в болезни, а невротик в последнее время вновь мнит, что его невроз - это и есть искусство или по меньшей мере его источник. Эти псевдохудожники развивают, однако, характерный симптом: они все до одного удирают от психологии, потому что опасаются, что этот монстр может пожрать их так называемую творческую силу. Как будто даже целое полчище психологов может воспротивиться Богу! Истинная продуктивность - это источник, который все равно нельзя перекрыть. Разве на всем белом свете есть какая-нибудь уловка, с помощью которой можно было бы помешать великим мастерам - Моцарту и Бетховену? Творческая сила сильнее человека. Там, где это не так, она просто слаба и питает милый талантик только при благоприятных обстоятельствах. Там же, где она является неврозом, часто достаточно одного-единственного слова, даже взгляда, чтобы развеять иллюзию в пыль. Тогда мнимый поэт уже не может сочинять стихи, художнику приходит на ум все меньше и меньше все более хилых замыслов - и в этом виновата исключительно и только психология! Я был бы рад, если бы психологическое познание имело такое дезинфицирующее действие и доконало бы тот невротический элемент, который нынче превращает искусство в проблему, доставляющую мало удовольствия. Болезнь никогда не способствует творческому началу, напротив, она создает для него сильнейшие препятствия. Разрешение какоголибо вытеснения никогда не может разрушить настоящее творчество, точно так же как никогда нельзя исчерпать бессознательное. Бессознательное - это творческая прародительница сознания. Сознание развивается из бессознательного в детстве, так же как оно возникло в далекие первобытные времена, когда человек стал человеком. Меня очень часто спрашивают, как из бессознательного возникло сознание. На это я должен сказать, что единственный способ ответить - это, вероятно, судить об актуальном опыте на основании тех событий, которые сокрыты в бездне прошедшего, по ту сторону области науки. Я не знаю, позволителен ли такой вывод. Между тем почему

бы не предположить, что даже в те далекие времена сознание возникло таким же способом, каким оно возникает и сегодня? Есть два различных пути возникновения сознания: первый - это момент высокого эмоционального напряжения, сопоставимого со сценой "Парсифаля" у Вагнера, когда Парсифаль в момент величайшего искушения внезапно актуализирует смысл раны Амфортаса. Другой путь - это созерцательное состояние, когда представления движутся словно образы сновидений. Внезапно между двумя представлениями, кажущимися несвязными и отдаленными, всплывает ассоциация, благодаря которой высвобождается латентное напряжение. Такой момент часто оказывает воздействие, подобное откровению. Всегда кажется, что это разрядка какого-то энергетического напряжения, внешней или внутренней природы, которая порождает сознание. Многие, однако не все, самые ранние детские воспоминания содержат в себе следы такого внезапного озарения сознания. Точно так же и предания седой старины: некоторые - это остатки реальных фактов, а другие - чистая мифология; иными словами, первые имели внешний, а вторые - внутренний источник. Последние часто являются в высшей степени символичными и имеют большое значение для последующей психологической жизни индивида. Большинство самых ранних жизненных впечатлений вскоре забывается и образует инфантильный слой личностного бессознательного, как я его называю. У меня есть некоторые основания для такого разделения бессознательного. Личностное бессознательное содержит в себе все забытое, вытесненное или ставшее подпороговым каким-то другим образом,- все то, что прежде индивидом было осознано или приобретено бессознательно. Такие материалы имеют недвусмысленные личностные метки.

Однако можно найти и другие содержания, которые представляются индивиду чуждыми и часто несут в себе едва различимый след личного свойства. Такие материалы зачастую обнаруживаются при помешательствах, где они немало содействуют смятению и дезориентации пациента. Но иногда такие чуждые содержания встречаются и в сновидениях нормальных людей. Если проанализировать невротика и сравнить его бессознательный материал с

таким же материалом в случае шизофрении, то немедленно будет замечено различие. Поставляемый невротиком материал имеет преимущественно личное происхождение. Его мысли и чувства вращаются в сфере его семьи и его общества; однако в случае помешательства личностная сфера очень часто скрыта за коллективными представлениями. Больной слышит голос Бога, говорящего с ним; его видение указывает ему на космические катастрофы, и получается так, словно сдернули покрывало с мира идей и эмоций, которые прежде были сокрыты от его духа. Почти тотчас он начинает говорить о духах, демонах, ворожбе, тайных магических преследованиях и т. д. Без труда можно разгадать, что это за мир: это мир первобытной психики, мир, который глубоко бессознателен, пока все идет хорошо, однако он вздымается из этой глубины, когда сознание встречается с чем-то роковым. Этот неличностный слой души я называю коллективным бессознательным. "Коллективным" - потому что оно является не чем-то индивидуально приобретенным, а работой наследственной структуры мозга, которая в своих самых общих чертах одна и та же у всех человеческих существ, а в некотором отношении даже у всех млекопитающих. Унаследованный мозг есть итог всей прошлой жизни. Он состоит из структурных осадков или эквивалентов той психической деятельности, которая несметное число раз повторялась в жизни предков. И наоборот, это равным образом всегда изначально наличный тип и побудитель соответствующей деятельности. Я отнюдь не берусь здесь решать, что старше - курица или яйцо. Наше индивидуальное сознание - это надстройка над коллективным бессознательным, о существовании которого первое обыкновенно не подозревает. Последнее лишь от случая к случаю влияет на наши сновидения, и всякий раз, когда это происходит, возникают редкостные и удивительные сновидения, полные дивной красоты, или демонического ужаса, или загадочной истины,- тогда это так называемые великие сновидения, как их называют некоторые дикари. Часто люди таят такие сновидения как драгоценную тайну, и они имеют на это полное право. Такие сновидения имеют колоссальное значение для психического равновесия индиви-

да. Очень часто они уходят далеко-далеко за его духовный горизонт и имеют силу в течение многих лет жизни как своего рода духовные вехи - даже если их никогда до конца и не поняли. Достаточно безнадежное занятие - толковать такие сны редуктивно, так как их действительная цена и смысл лежат в них самих. Они вид духовных переживаний, которые всякий раз противятся любой попытке рационализации. Для того чтобы проиллюстрировать то, что я имею в виду, я хотел бы рассказать вам сновидение одного молодого студентатеолога
27 . Я не знаком с самим сновидцем, так что мое личное влияние совершенно исключено. Ему снилось, что он стоит перед величественной фигурой жреца, называемого "белым магом", хотя он облачен в длинное черное одеяние. Тот держит долгую речь, завершая ее словами: "А для этого нам нужна помощь черного мага". Внезапно открываются двери и входит другой старец, "черный маг", одетый в белое одеяние. Он также был прекрасен и величествен. Черный маг явно хотел поговорить с белым магом, но колебался делать это в присутствии сновидца. Тогда белый маг сказал ему, намекнув на сновидца: "Говори, он невиновен". И черный маг начал рассказывать странную историю - как он нашел потерянные ключи от рая, но не знал, как их употребить. Он, сказал маг, пришел к белому магу, чтобы получить разъяснение о тайне ключей. Он рассказал ему, что король той страны, где он жил, искал для себя надгробный памятник. Случайно его подданные выкопали древний саркофаг, в котором хранился прах одной девы. Король открыл саркофаг,

выбросил останки и велел опять закопать пустой саркофаг, чтобы сохранить его для последующего использования. Однако, как только останки были извлечены на свет божий, существо, которому они прежде принадлежали (а именно дева), превратилось в черного - коня, который ускакал в пустыню. Черный маг преследовал его, пересек пустыню и там - после многих превратностей и трудностей - нашел потерянные ключи от рая. На этом его история прервалась - к сожалению, вместе со сновидением.

27 См. также: Jung, Ober Me Archetypen des kollekttvenUHbewupten; Zur Phunomenologle des Gei'stes im Munhen; Die Begehungen wischen demich und demUnbewufilen.

133

Я думаю, что такое сновидение может разъяснить различие между обычным, личным, и "великим" сновидением. Всякий, у кого нет предубеждения, может без дальнейшего анализа почувствовать значение сновидения, и каждый согласится со мною в том, что такое сновидение берет начало в каком-то "другом слое", нежели обычное еженощное сновидение. В этом сновидении мы затрагиваем проблему величайшей важности и чувствуем искушение на некоторое время задержаться на этом предмете. Наше сновидение должно здесь служить лишь примером той деятельности, которая берет начало из более глубоких слоев, нежели личное бессознательное. Уже явный смысл сновидения приобретает совершенно особый вес, если принять во внимание, что сновидец - молодой теолог. Очевидно, его глазам предстала (в выразительной форме) релятивность добра и зла. Поэтому, вероятно, он получил указание, что следует прозондировать эту проблему вдоль и поперек, и, конечно, было бы небезынтересно узнать, что же ответил теолог на этот важный психологический вопрос. Для психолога было бы в высшей степени интересно узнать, как теолог разбирается с тем фактом, что бессознательное при всех различиях составляющих его противоположностей все же сумело ясно познать их тождественность. Вряд ли молодой теолог сознательно обдумывал столь еретическое положение. А кто же тогда это обдумывал? Если мы к тому же примем во внимание, что существует немало сновидений, в которых появляются мифологические мотивы, решительно неизвестные сновидцу, то в связи с этим возникнут различные вопросы, а именно: откуда же тогда происходит такой материал, который сновидцу в его сознательной жизни не встречался никогда и нигде? Далее, кто или что мыслит на таком языке, да еще мысли, простирающиеся далеко за горизонт сновидца? В сновидении вообще, а при некоторых психозах даже часто встречается архетипический материал, т. е. представления и связи, которые обнаруживают точное соответствие с мифами.

28 Я не хочу входить в обстоятельства незнакомого мне сновидца приведенного здесь сновидения. Я полагаю даже, что двадцатадвухлетний сновидец едва ли осознал во всей полноте проблему, поднятую в сновидении.

134

Исходя из этих параллелей, я сделал вывод о том, что существует слой бессознательного, который функционирует так же, как та архаическая психика, которая породила мифы. Хотя сновидения, в которых имеются мифологические эквиваленты, нередки, все же появление коллективного бессознательного (как я обозначил этот мифический "слой") относится к необычайным событиям, имеющим место лишь при особых предпосылках. Оно проявляется в сновидениях, которые бывают у человека на важных жизненных отрезках. Самые ранние из припоминаемых детских сновидений часто содержат поразительные мифологемы; праобразы наблюдаются и в поэзии и вообще в искусстве, и - last not least - религиозный опыт и догматика богаты архетипическими образами. В качестве практической проблемы коллективное бессознательное детей в расчет не идет, так как у них приспособление к окружению играет главную роль. Но узы,

связывающие их с исходной бессознательностью, все же должны быть расторгнуты, поскольку их дальнейшее существование могло бы стать препятствием для развития сознания, а в этом дети нуждаются прежде всего. Однако если бы я здесь повел речь о психологии человека во второй половине жизни, то о значении коллективного бессознательного должен был бы сказать намного больше. Не следует упускать из виду, что наша психология изменяется не только в соответствии с временным доминированием определенных инстинктивных импульсов или определенных комплексов, но также в соответствии с индивидуальным возрастом. Поэтому не следует предполагать у детей психологию взрослых. Нельзя лечить ребенка, как взрослого. Прежде всего анализ не может быть столь же систематичным, как в случае взрослого. Едва ли возможен реальный и систематичный анализ сновидений, так как вовсе не обязательно подчеркивать бессознательное у детей: очень легко можно вызвать что-то вроде нездорового любопытства или даже создать аномальную скороспелость и самоосознанность, если вдаваться в психологические подробности, которые представляют интерес только в случае взрослого. Когда приходится лечить Трудных де-

тей, то лучше оставить свои знания по психологии при себе, так как детям нужнее всего простодушие и здравый человеческий рассудок

29 . Аналитические познания должны служить в первую очередь собственной установке воспитателя, ибо, как хорошо известно, детям свойственно жуткое качество - инстинктивно чуять личные недостатки воспитателя. Они лучше, чем хотелось бы, чувствуют правду и ложь. Поэтому педагогу надо обращать внимание на собственное душевное состояние: таким образом он сможет увидеть, отчего работа с доверенными ему детьми идет вкривь и вкось. Очень может быть, что он сам является бессознательным источником недуга. Конечно, мы можем позволить себе быть наивными: есть люди - и врачи и педагоги,- которые в глубине души (конечно, не на людях) думают, будто лицо, занимающее авторитетное положение, может себя вести так, как ему заблагорассудится, и что ребенок должен просто - хорошо ли, плохо ли приспосабливаться, потому что в последующей реальной жизни молодой человек может оказаться точно в таком же положении. Такие люди в глубине души убеждены (не высказывая этого вслух) в том, что единственное, в чем состоит суть дела,-это осязаемый успех и что единственный действительно убедительный моральный ограничитель - полицейский со стоящими за его спиной параграфами уголовного кодекса. Там, где полное приспособление к властям предержащим - наивысший принцип веры, было бы, конечно, неуместным ожидать от авторитетного лица психологической интроспекции и даже смотреть на это как на моральную обязанность. Однако тот, кто присягает демократическому мировоззрению, не может одобрить такую установку, потому что верит в справедливое распределение тягот и барышей. Воспитателем вовсе не всегда является тот, кто воспитывает других, и ребенок не всегда только воспитуемый. Ведь воспитатель тоже небезгрешен, и воспитуемый им ребенок отражает его недостатки. Поэтому воспитателю полезно иметь максимально

29 Последнее нельзя отождествлять с невежеством. Для того, например, чтобы подступиться к детскому неврозу или справиться с трудновоспитуемым ребенком, необходимы помимо всего прочего и изрядные познания.

ясное представление о своих собственных воззрениях, а в особенности о своих недостатках. Каков человек, такова его последняя правда, а также результат его влияния на окружающих. Психологию детских неврозов можно описать с помощью общей систематики, но этого будет совершенно недостаточно, так как, за исключением немногих видов заболеваний, преобладают в основном уникальные, индивидуальные случаи, как это, впрочем, имеет место и при неврозах

взрослых. Здесь, как и там, диагнозы и классификации мало что значат в сравнении с индивидуальным своеобразием случая. Вместо общего описания я приведу несколько примеров, которыми обязан дружеской помощи моей ученицы, г-жи Ф. Вике. В свое время она была учителем и консультирующим психологом в школе св. Агаты в Нью-Йорке
30 . Первый случай касается одного семилетнего мальчика. Врач поставил ему диагноз умственной неполноценности. У мальчика обнаружили нарушения координации при ходьбе, косоглазие на один глаз и заикание. Он был подвержен неожиданным буйным приступам; своими припадками он вызывал в доме переполох, расшвыривая предметы и грозя убить семью. Ему нравилось дразнить и показывать свою власть. В школе он терзал других детей. Он не мог читать, да и вообще занимать место в классе с детьми своего возраста. После посещения школы примерно в течение шести месяцев припадки ярости усилились, становясь с каждым днем все сильнее. Он - первенец, до пяти с половиной лет был счастлив и дружелюбен, однако между тремя и четырьмя годами у него появились ночные страхи. Говорить он научился очень поздно. Оказалось, что язык прирос к гортани; прибегли к операции. Однако после нее он все еще почти не мог говорить. Пяти с половиной лет выяснилось, что связки были подрезаны неправильно; пришлось устранять это затруднение. Когда ему было пять лет, у него появился младший брат. Сначала он был в восторге, но когда второй ребенок стал старше,

30 Она - известный автор книг The Inner World of Childhood и The Inner World of Man. Первую книгу я в особенности рекомендую родителям и воспитателям. На немецком языке она опубликована под названием Analyse der Kinderseele, вторая - Von der inneren Welt des Menschen.

казалось, что пациент его временами ненавидит. Когда младший брат научился ходить, что произошло необычайно рано, у нашего пациента начали развиваться буйные припадки. Он стал проявлять мстительность, которая при хорошем расположении духа сменялась любовью и раскаянием. Так как эти буйные припадки казались вызванными пусть определенными, хоть и незначительными происшествиями, то никто не думал о ревности. По мере того как припадки усиливались, ночные страхи убывали. Проверка на интеллект обнаружила необычные способности. Он приходил в восторг от любого успеха и становился очень общительным, когда его поощряли, но раздражительным из-за неудач. Возможно, родителям растолковали, что буйные припадки были компенсаторным проявлением власти, к которым он прибегал, когда обнаруживал собственное бессилие; сначала - когда видел, как хвалили и восторгались младшим братом (который с легкостью делал то, что для него было невозможно), а затем - когда ему пришлось состязаться с другими детьми в школе при столь неравных условиях. Пока он оставался единственным ребенком и родители проявляли к нему особую заботливость из-за его злоключений, он был счастлив; однако когда он старался в неравных условиях поспевать за другими, то вел себя как дикий зверь, который пытается сорваться с цепи. Буйные припадки, как сказала мать, обыкновенно случались главным образом тогда, "когда что-то немножко не ладилось"; они, как выяснилось, часто бывали сопряжены с теми моментами, когда младшего брата заставляли демонстрировать свои успехи в речи. Отношение мальчика к психологу стало вскоре очень хорошим, он называл ее своей "подругой". Постепенно начал говорить, не впадая в свои припадки. Он не желал рассказывать о своих сновидениях, однако в напыщенной манере фантазировал о том, что хочет убить каждого и отрубить всем головы большим мечом. В один из дней он неожиданно прервал себя и сказал: "Я это действительно сделаю. Что вы думаете об этом?" Психолог улыбнулась и ответила: "Я думаю так же, как и ты. Это чепуха". Мальчик восхитится вымпелом, на котором был изображен Дед Мороз. Психолог подарила

ему этот транспарант и сказала: "Ты, Дед Мороз и я знаем, что это чепуха". Его мать поставила

вымпел на окно, и на следующий день мальчик заметил его во время буйного припадка. Он внезапно стал спокойным и заметил: "Дед Мороз, это чепуха", сделав то, чего прежде не желал делать. Затем он начал рассматривать свои припадки как нечто, что он использовал и употреблял для определенной цели. Он обнаружил удивительную разумность в познании своих мотивов. Его родители и учителя единодушно хвалили его планы, а не только достигнутое. Ему позволили почувствовать свое место "старшего сына". Особое внимание уделялось упражнениям по языку. Постепенно он добился контроля над своими припадками. Некоторое время прежние ночные страхи учащались, когда буйные припадки убывали, однако потом и они стали реже. Невозможно ожидать, что расстройство, начавшееся так рано по причине органической неполноценности, тотчас будет исцелено. Потребуются годы, прежде чем будет достигнуто полное приспособление. Ясно, что в основе этого невроза лежит резко выраженное чувство неполноценности. Это тот случай, где отчетливо проявляются положения психологии Адлера, а именно комплекс власти, основанный на неполноценности. Симптоматика ясно показывает, как невроз пытается компенсировать дефицит приспособляемости. Второй случай касается девочки лет девяти. В течение трех месяцев у нее была субнормальная температура и она не могла ходить в школу. Не было никаких особых симптомов, кроме отсутствия аппетита и возрастающей вялости. Врач не мог найти никакой причины такого состояния. И отец и мать были убеждены, что пользуются полным доверием девочки, и заверяли, что у нее нет оснований, чтобы чувствовать себя удрученной и несчастной. В конце концов мать рассказала психологу, что они с мужем не были счастливы друг с другом, но никогда не обсуждали свои трудности в присутствии дочери и она об этом не догадывается. Мать хотела развестись, но не решилась из-за связанных с этим изменений. Таким образом, для родителей этот вопрос остался открытым. В это время они не предпринимали никаких усилий, чтобы как-то решить те трудности,

которые делали их несчастными. У обоих была ненормальная, прямо-таки собственническая привязанность к ребенку. У ребенка был сильный отцовский комплекс. Девочка часто спала в комнате отца в маленькой кроватке рядом с ним, а утром приходила к нему. Она рассказала следующий сон: "Вместе с отцом я иду к бабушке. Бабушка была на большом корабле. Она захотела чтобы я ее поцеловала, и хотела меня обнять, однако я испугалась. Отец сказал: тогда я поцелую бабушку. Я не хотела, чтобы он это делал. Я боялась, что с ним тогда что-то может случиться. Потом корабль отошел, я не могла уже никого найти и испугалась". Несколько раз малышка видела сновидения про бабушку. Однажды та предстала в образе широко раскрытого рта. "Я видела сон о большой змее. Она появилась изпод моей кровати и играла со мной*. Она часто говорила об этом сновидении про змею, один или два раза у нее были подобные сновидения. Сновидение о бабушке она рассказывала с отвращением, однако потом признавалась, что всякий раз, когда отец уходит, она боится, что он больше не вернется. Она разгадала ситуацию родителей и рассказала психологу: она знает, что мать не очень любит отца; однако она не пожелала об этом говорить, "потому что для родителей это было бы плохо". Когда отец уезжает в служебные командировки, она всякий раз боится, что он оставит семью. Она также заметила, что мать бывает тогда более счастливой. Мать понимала, что, оставляя ситуацию неразрешенной, она не помогает ребенку, а, напротив, делает его больным. Родителям следовало бы вместе взяться за свои трудности и попытаться прийти к действительному согласию либо, если это действительно невозможно, решиться на развод. Наконец они решились на последнее, однако объяснили ребенку ситуацию. Мать была убеждена, что развод мог бы оказать вредное действие на ребенка; вопреки ожиданиям, как только стали открыто обсуждать действительную ситуацию, здоровье девочки пошло на поправку. Ей сказали, что она не будет разлучена ни с кем из родителей, но дом у нее будет в двух местах; и хотя такая раздельность плохо сказывается на любом ребенке, все же малышка получила облегчение: она больше не была жертвой своих неопределенных

страхов и интуиций, вновь достигла прежнего здоровья и настоящей радости от игры в школе. Такой случай, как этот, безусловно, нередко представляется практикующему врачу загадкой. Тщетно ищет он какую-нибудь органическую причину расстройства и не ведает, что ему следовало бы ее искать где-то в другом месте, ибо никакой медицинский учебник не говорит о такой возможности, что трудности между отцом и матерью могут быть причиной субнормальной температуры ребенка. Между тем для аналитика такого рода причины отнюдь не представляются неожиданными: они ему хорошо известны. Ребенок в столь большой степени является частью психологической атмосферы родителей, что тайные и нерешенные трудности могут оказывать значительное влияние на его здоровье. "Participation mystique", т. е. примитивное бессознательное тождество, позволяет ребенку чувствовать конфликты между родителями и страдать от них, как если бы они были его собственными. Это, так сказать, не открытый конфликт и не видимая трудность, которые оказывают отравляющее воздействие, а утаенные и остающиеся бессознательными трудности и проблемы родителей. Зачинщиком таких невротических расстройств всегда является только бессознательное. То, что носится в воздухе и что ребенок, несомненно, чувствует,- гнетущая атмосфера опасений и стесненности - медленно, как ядовитый чад, проникает в душу ребенка. По-видимому, ребенок лучше всего чувствует бессознательное отца. Если у мужа нет настоящих отношений со своей женой, то он естественным образом ищет какой-то другой выход. Если муж не осознает этого, а фантазии такого рода вытесняет, то его интерес, с одной стороны, отступает назад, к образу матери, хранящемуся в воспоминании, а с другой стороны, он непосредственно стремится к дочери, если она есть. Это называется бессознательным инцестом. Нельзя просто возлагать на человека ответственность за его бессознательность, однако природа не выказывает в этом отношении ни нетерпимости, ни сострадания, а мстит прямо или косвенно - болезнью или несчастными случаями различного вида. К несчастью, это чуть ли не

коллективный идеал - в случае щекотливых любовных дел проявлять столько бессознательности, сколько это возможно. Невостребованная сила любви, скрывающаяся под маской респектабельности и лояльности, отравляет детей. Конечно, нельзя упрекнуть кого-то одного, так как от него нельзя ожидать, чтобы он знал, какую установку следовало бы иметь и как следовало бы решать проблему любви в рамках наших современных идеалов и убеждений. По большей части людям известны лишь негативные меры - игнорирование, проволочки, вытеснение и подавление. И трудно признать, что способен на что-то лучшее. Сновидение о бабушке показывает, как бессознательная психология отца проникает в душу ребенка. Ему захотелось поцеловать бабушку, и ребенок в сновидении чувствует себя принужденным также сделать это. Бабушка, которая состоит всецело из одного рта, наводит на мысль о проглатывании
31 . Ребенок явно находится в опасности - быть поглощенным агрессивным либидо своего отца. В этом и состоит причина, почему девочке снятся сны о змее. Последняя с давних пор является символом опасности быть скрученным, проглоченным или отравленным
32 . Данный случай также показывает, что дети способны видеть много больше, чем предполагают родители. Конечно же, совершенно невозможно, чтобы родители вовсе не имели никаких комплексов. Это было бы чем-то сверхчеловеческим. Однако им следовало бы разбираться с этими комплексами сознательно. Им следовало бы - ради своего ребенка - вменить себе в обязанность не забывать о своих внутренних трудностях. Им не следовало бы позволять себе слепое вытеснение и уход от, вероятно, болезненных противоречий. Проблема любви относится к великим страстям человечества, и никто не должен стыдиться отдать любви и свою дань. В этом отношении в тысячу раз лучше, чтобы родители открыто выне-

31 " Здесь перед нами архетип, а именно архетип матери-пожирательницы. См. сказки о Красной Шапочке, о Гансе и Гретель, экваториальные мифы о Мауи и родоначальнице Хин-нуй-те-по, спящей с открытым ртом. Мауи заполз в рот и был проглочен (Frobenius, DOS Zeitalter des Sonnengottes, p. 66 ff.).

32 О символике змеи см. в моей книге Wandlungen und Symbole der Libido.

142

сли свои проблемы на обсуждение, а не позволяли своим комплексам буйно разрастаться в бессознательном. Какая польза в подобном случае говорить с ребенком о его инцестуозных фантазиях? Действуя так, мы лишь уверили бы ребенка в том, что все исходит только из его собственной неморальной природы или по крайней мере из его глупости,- взвалили бы на него ношу, которая ему совершенно несвойственна, потому что в действительности это ноша его родителей. Он страдает не оттого, что имеет бессознательные фантазии, а потому, что их имеет его отец. Он - жертва ложной домашней установки, и его расстройство исчезает, как только родители решают навести порядок в своих собственных. Третий случай касается весьма интеллигентной девушки, которая пользовалась репутацией асоциальной, строптивой и неспособной адаптироваться к условиям школы. Временами она была очень невнимательна и давала странные ответы, которые не желала пояснять. Это была крупная, хорошо развитая девушка, по-видимому, с прекрасным здоровьем. Она была много моложе своих одноклассниц. Она пыталась в свои тринадцать лет вести жизнь 16- и 17-летних молодых девушек, не будучи к этому готова в определенных отношениях. Физически она была переразвита; половая зрелость наступила у нее в II лет. Ее удручали некоторая сексуальная раздражимость и желание мастурбировать. Ее мать - женщина блистательного интеллекта и чрезвычайно властная. Она уже заранее решила, что девочка должна стать вундеркиндом. Она подстегивала всякую интеллектуальную способность и подавляла всякое проявление эмоций. По ее воле ребенок должен был пойти в школу раньше, чем все другие дети. Отца по .делам службы часто не бывало дома. .Казалось, он был скорее каким-то призрачным существом, а не реальным человеком. Ребенок переживал мощный натиск не находящих выхода чувств. Последние питались скорее гомосексуальными фантазиями, чем объективными отношениями. Девушка призналась, что иногда страстно желала того, чтобы некая учительница ее обласкала и чтобы при этом с нее внезапно упали все одежды. Часто она не могла припомнить, что ей говорили; отсюда ее аб-

143

сурдные ответы. Однажды ей приснилось: <Я видела, как моя мать соскальзывает в ванну, и знала, что она утонула но не могла шелохнуться. Затем наступил ужасный страх, и я начала плакать, потому что позволила ей утонуть. Я проснулась в слезах>. Это сновидение помогло ей поднять на поверхность подавленное сопротивление против неестественной жизни, к которой ее принуждали. Она узнала о своем желании нормального товарищества. Дома это было малодостижимо, однако смена окружения, понимание ее проблем и их открытое обсуждение привели к существенному улучшению. Этот случай прост, однако очень характерен. Вновь бросается в глаза роль родителей. Речь идет о тех типичных браках, где отец полностью поглощен своей службой, а мать желает воплотить свое социальное честолюбие в ребенке. Ребенок обязан иметь успех, чтобы выполнить желания и ожидания своей матери и чтобы польстить ее тщеславию. Такая мать, как правило, не замечает настоящего характера своего ребенка, его индивидуальности и его потребностей. Она проецирует саму себя на ребенка и правит им с беспощадной властностью. Такой брак, естественно, благоприятствует порождению подобной психологии и усугубляет ее посредством circuhls vitiosus

* . Кажется, в таком случае между родителями существует значительная дистанция, так как женщина при такой мужественности едва ли в состоянии действительно понять чувства мужа. Единственное, что она норовит выжать из своего мужа это деньги. Он платит, чтобы держать ее в более или менее сносном настроении. Всю свою любовь она переводит в честолюбие и властность, если она не делала этого уже задолго до замужества, бессознательно следуя примеру своей матери. Дети у таких матерей практически равнозначны куклам, которых одевают и наряжают как захочется. Они не более чем немые фигуры на шахматной доске родительского эгоизма, причем все делается под покровом самоотверженной преданности любимому ребенку,

счастье которого является единственной целью материнской любви. Однако в действительности ребенок не получает даже намека на настоящую

* Порочного круга (лат.).

любовь. Поэтому такой ребенок, с одной стороны, страдает от слишком ранних симптомов сексуального развития, точно так же как запущенные и плохо ухоженные дети, с другой стороны, он утопает в так называемой естественной любви. Гомосексуальные фантазии отчетливо показывают, что его потребность в настоящей любви не удовлетворена, поэтому он страждет любви своей учительницы, однако неподобающим образом. Если не отворить двери сердечным чувствам законным способом, то сексуальное притязание домогается насильственного вторжения, потому что ребенок нуждается - наряду с любовью и нежностью - еще и в действительном понимании. Самым правильным в этом случае, естественно, было бы лечить мать, что могло бы поспособствовать улучшению ее брака и тем самым отвлечь ее страсть от ребенка; последнему это открыло бы доступ к материнскому сердцу. Если это невозможно, следует пресекать вредное материнское влияние; ребенка учат по крайней мере не гнуть спину перед матерью, и тогда он в состоянии справедливо критиковать ее промахи и осознавать свои индивидуальные потребности. Нет более верного способа добиться отчуждения ребенка от самого себя, чем стремление матери воплотить себя в ребенке, не задумываясь над тем, что ребенок - не только придаток матери, но новое и индивидуальное существо, зачастую наделенное характером, который почти не имеет сходства с характерами родителей, а иногда даже кажется им ужасающе чужеродным. Это происходит потому, что дети как бы только номинально потомки своих родителей, в действительности же порождены всеми коленами предков. Поэтому иногда бывает нужно восходить по родословной на столетия назад, чтобы установить фамильное сходство. Сновидение ребенка совершенно понятно: оно явственно означает смерть матери
33 . Так бессознательное ребенка отвечает на слепое честолюбие матери. Если бы она не вытесняла индивидуальность дочери и тем са-

33 Так как здесь не место пространным рассуждениям о толковании сновидений, можно обойтись исполнением желания, лежащего на поверхности. Тщательное изучение таких сновицений показывает, что сновидение является констатацией факта. Мать означает для дочери женское основание инстинкта, которое в нашем случае сильно подорвано.

мым не разрушала бы ее ("убивала"), то бессознательное так не отреагировало бы. Не следовало бы, конечно, немедля обобщать результаты такого сновидения. Сновидения о смерти родителей не так уж редки; чего доброго, можно подумать, будто они всегда основаны на таких предпосылках, которые я только что описал. Однако нужно ясно представлять себе, что образ сновидения не всегда и не везде имеет одно и то же значение. Поэтому нельзя быть уверенным в смысле сновидения до тех пор, пока о состоянии сознания сновидца известно недостаточно. Последний случай, о котором я упомяну, касается восьмилетней девочки Маргарет, страдающей расстройством, которое, казалось бы, нельзя каузально связывать с родителями. Этот случай очень сложный, и, для того чтобы сообщить обо всех деталях, мне пришлось бы выйти за рамки одной лекции. Поэтому я выберу только один важный эпизод этого случая. Девочка в течение года ходит в школу, будучи не в состоянии чему-нибудь научиться, разве что немного читать. Она неловко двигается, поднимается и спускается по лестнице, как ребенок, только что научившийся

ходить. Контроль над движениями конечностей у нее неполный. Говорит она жалобным плаксивым голосом. Она сначала охотно включалась в беседу, но затем вдруг неожиданно прятала лицо в руки и больше не желала говорить. Когда она хотела что-то сказать, то как-то странно коверкала язык, и эта тарабарщина состояла из обрывочных слов. Когда она пыталась писать, то вычерчивала отдельные буквы, потом покрывала все это каракулями, которые называла "потешными". Проверку на интеллект нельзя было провести обычным способом. В некоторых тестах на интеллект и сенсорных тестах она достигала результатов одиннадцатилетних, в других - едва ли четырехлетних. Ребенок никогда не был нормальным. Когда ей было десять дней, ей должны были удалить из черепной коробки гематому, полученную при тяжелых родах. За ней присматривали днем и ночью, ее развитие оберегали с величайшей заботливостью. Вскоре обнаружилось, что она использовала свою болезнь, чтобы тиранить своих родителей, и при этом сердилась, когда ей пытались помогать. Родители

146

старались компенсировать ее дефект тем, что защищали ее от реальности и охотно потакали ей, что мешало ей преодолевать свои трудности путем волевых усилий. Первая попытка психологического сближения была сделана посредством апелляции к силе воображения. Так как у девочки была достаточно хорошая фантазия то она - ради одного рассказа - начала учиться читать; однажды начав, она продвигалась вперед на удивление быстро. При долгом обсуждении одного предмета у девочки возникало раздражение и возбуждение, однако, несмотря на это, можно было зафиксировать постоянный прогресс. Как-то раз Маргарет объяснила: "У меня есть близняшка. Ее зовут Анна. Она такая же, как я, только всегда носит красивую одежду и никогда не носит очков (очки означали для нее плохие глаза, которые мешали ей наброситься на книги, которые она тогда полюбила). Если бы тут была Анна, то я работала бы намного охотнее". Психолог побудила ее к тому, чтобы пригласить "Анну". Маргарет вышла и вернулась с Анной. Затем она попыталась писать, чтобы показать Анне. С тех пор Анна всегда была при них. Сначала писала Маргарет, потом это делала Анна. Но однажды все пошло вкривь и вкось и в конце концов она разразилась такой речью: "Я никогда не смогу писать, и во всем виновата моя мать. Я - левша, но она никогда не говорила об этом моей первой учительнице. Я должна была пытаться это делать правой рукой, а теперь я стала большой и никогда не смогу писать из-за матери". Психолог рассказала ей один случай: некто также был левшой, и с ним совершили ту же оплошность. Маргарет с интересом спросила: "Так что, он совершенно не может писать?" - "О нет,- был ответ,- он пишет истории и все такое, только ему это трудно, вот и все. Сейчас он пишет обычно левой рукой. Ты тоже сможешь писать левой, если захочешь". Маргарет ответила: "Но я больше люблю правую руку".- "Ну, тогда, повидимому, не вся вина лежит на твоей матери. Уж и не знаю, кто тут виноват". Девочка сказала только: "Не знаю". .В ответ на это ее побудили спросить Анну. Она вышла, некоторое время спустя вернулась и сказала: "Анна полагает, что я виновата в этом и должна сейчас работать". Раньше она никогда не позволяла говорить

147

собой о своей ответственности. Отныне она удалялась, чтобы поговорить об этом с Анной - и это приносило результаты. По временам она возвращалась с протестующим видом, однако всегда говорила правду. Однажды, обругав Анну, она сказала: "Но Анна упорствует и говорит: "Маргарет, это твой собственный промах. Ты должна попытаться". Отныне она стала сильно продвигаться к пониманию своих проекций. Однажды у нее был припадок ярости против матери. Она ворвалась в комнату с криком: "Мать - мерзкая, мерзкая, мерзкая!" Ее спросили: "Кто мерзкий?" Она отвечала: "Мать"."Ведь ты можешь спросить Анну". Последовала долгая пауза, потом она сказала: "Ах, я думаю, я знаю столько же, сколько и Анна; Я мерзкая, я это скажу матери". Она это сделала и затем спокойно вернулась к работе. Из-за тяжелой родовой травмы девочка не могла развиваться нормально. Она заслужила, а также в полной мере получила всю заботу со стороны родителей. Вряд ли возможно провести четкую границу, которая бы указала,

насколько нужно принимать во внимание дефектность ребенка. Видимо, где-то достигается оптимум, и если родители выходят за его пределы, то начинают баловать ребенка. Как показал первый случай нашей серии, дети реализуют свою неполноценность определенным способом и начинают компенсировать ее мнимым превосходством, которое само по себе опять же есть неполноценность - однако на этот раз моральная, а потому она никогда не несет удовлетворения; тут-то и начинается circulus vitiosus. Чем больше настоящая неполноценность компенсируется путем мнимого превосходства, тем меньше эта неполноценность устраняется, мало того, добавляется моральная неполноценность, которая усиливает чувство неполноценности. Это по необходимости вновь приводит к усиленному мнимому превосходству, и этот процесс продолжается в геометрической прогрессии. Этот ребенок сильно нуждался в уходе, и благодаря этому его волей-неволей избаловали, таким образом совратив к тому, чтобы эгоистично использовать законную самоотверженность родителей. Из-за этого ребенок помешался на своей неспособности, затруднив себе избавление от нее, и остался ниже своего уровня, в куда более

ограниченном и инфантильном состоянии, чем это было необходимо. Такое состояние является благоприятным условием для развития второй личности. Тот факт, что сознание вовремя не прогрессирует, ничуть не значит, что бессознательная личность также остается в застое. Эта часть ее самости со временем пойдет вперед, и чем больше будет отставать сознательная часть, тем большей будет диссоциация личности. Тогда каждый день более развитая личность будет выходить на подмостки и вызывать на бой регрессивное Я. Так случилось и с этой девочкой; она противопоставляла себя "Анне" (более развитому близнецу), которая некоторое время представляла ее моральный разум. Позже они слились в нечто единое, что означало большой прогресс. В 1902 г. я опубликовал один случай с подобной психологической структурой. Речь шла о 16-летней девушке, у которой была из ряда вон выходящая диссоциация личности. Вы найдете описание этого случая в моей работе "К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов". Психолог употребила вторую личность как воспитательное средство - и это имело отличный результат, полностью совпадая с телеологическим значением образа Анны. Факт такого удвоения случается чаще, чем можно было бы ожидать, хотя редко достигает такой степени, когда можно говорить о "double personnalite"
* . О воспитании в общем и о педагогике, практикуемой в школе в частности, врач мало что может сказать с точки зрения своей науки: он здесь не специалист. Однако по вопросу о воспитании трудных детей или детей, в чем-то необычных, он имеет право высказаться. Уже из практики он слишком хорошо знает, какую важную роль играют родительские влияния и воспитательные воздействия школы даже на взрослых. Вследствие этого он, как правило, склонен искать основание и причину детских неврозов не в самом ребенке, а скорее во взрослом окружении, и в особенности в родителях. Последние оказывают на ребенка сильнейшее влияние - и не только благодаря часто встречающемуся наследованию психической конституции, но и в силу

* Двойная личность, здесь: раздвоение личности (фр.).

исходящих от них психических воздействий иного рода. При этом невоспитанность и бессознательность воспитателей действуют сильнее, чем их более или менее хооошие советы, приказания, наказы и намерения. Однако прямо-таки гибельно для ребенка, когда родители (что, к сожалению, случается нередко) ждут от него, чтобы он лучше сделал то, что сами они делают плохо. Как часто, например, бывает так, что родители навязывают ребенку свои неисполненные иллюзии и амбици - и тем самым вынуждают его играть ту роль, к которой у него (в данных обстоятельствах) совсем не лежит душа. Например, однажды у меня брали консультацию по

поводу одного трудного юноши. Из рассказов родителей я узнал, что семи лет он не мог ни писать, ни читать - и вообще не желал исправно учиться, так как он, по словам родителей, сопротивлялся всем воспитательным мероприятиям из-за неразумного упрямства; начиная с двухлетнего возраста он испытывал приступы бешенства, во время которых разносил вдребезги все, до чего только мог дотянуться. Он был достаточно умен, полагали родители, но ему недоставало доброй воли. Вместо того чтобы работать, он бил баклуши или играл со старым мишкой, который с годами стал его единственной игрушкой. Другие игрушки, которых у него было предостаточно, он злонамеренно ломал. Для него взяли хорошую воспитательницу. Увы, даже она не смогла от него ничего добиться. Он был (после двух девочек) первым и единственным сыном, которого, как мне показалось, особенно жаждала мать. Когда я посмотрел на ребенка, загадка разрешилась: мальчик был ярко выраженным имбецилом; однако честолюбие матери, которая не могла перенести, что у нее отсталый сын, так стимулировало и терзало этого слабоумного (самого по себе безобидного и благонравного) ребенка, что он с отчаяния стал настоящим извергом. Когда я после обследования заговорил с матерью, она возмутилась моим диагнозом, настаивая на том, что я, конечно же, заблуждаюсь. Воспитатель должен прежде всего знать, что от разговоров и приказов мало проку; другое дело - пример. Если сам воспитатель бессознательно позволяет себе всевозможные выходки, враки и дурные манеры, то это

150

действует несравненно сильнее, нежели столь правильные благие намерения. Поэтому врач считает, что наилучший метод воспитания состоит, видимо, в том, чтобы воспитатель сам был воспитан и что он должен сначала испробовать на самом себе те психологические истины, которым он обучился, чтобы установить их пригодность. Покуда он интеллигентно и терпеливо старается это делать, он, вероятно, останется неплохим воспитателем.

151

ФЕНОМЕН ОДАРЕННОСТИ

Доклад, прочитанный на съезде работников средней школы в Базеле 4 декабря 1942 г. Напечатан в Schweifer ErziehungsRundschau XVI/1 (Zurich, April 1943, p. 3-8). Позже в Psychologie und Erziehung вместе с разделами I и IV этого тома, Rascher, 1946. Новое издание (в мягкой обложке) 1970.

152

Когда я впервые приехал в Северную Америку, то к своему удивлению, заметил, что на улицах, пересекавших линии подземки, не было заграждений, а на перегонах не было живой изгороди. В отдаленных окрестностях колея использовалась даже как пешеходная дорожка. Когда я выразил удивление, то получил ответ: "Только идиот не знает, что по рельсам поезда движутся со скоростью от сорока до ста миль в час". В дальнейшем мне бросилось в глаза, что вам ничего не "запрещали", а только что-то "not allowed", не разрешали, или даже учтиво просили: "Please, don't" * . Эти и многие другие параллельные впечатления сгустились во мне до понимания того, что в Америке общественная жизнь апеллирует к интеллекту и ожидает его, в то время как в Европе, напротив, приспособлена к глупости. Америка требует интеллекта и способствует ему, Европа озирается назад: поспевают ли глупцы. Хуже того: европейский континент предполагает злонамеренность и потому кричит всем повелительное и назойливое "запрещено", в то время как Америка обращается к доброй воле. Так или иначе забрел я в своих мыслях в мои школьные годы, когда знавал некоего учителя, воплощавшего своей персоной европейскую предубежденность. Двенадцатилетним школьником я отнюдь не чувствовал себя заспанным и глупым, но часто ужасно скучал, пока учитель бился с теми из учеников, которые плохо поспевали. Мне по крайней мере выпало счастье иметь гениального учителя латыни, который

однажды, во время проверки домашних упражнений, послал меня в университетскую библиотеку за книгами, которые я с восторгом обнюхал со всех сторон на обратном пути, растянутом мною максимально. Но скука была далеко не самым скверным. Однажды среди тем для сочинения, совсем не стимулирующих, все же попалась одна инте-

* Пожалуйста, не... (англ.).

ресная. Я всерьез принялся за нее и отшлифовал мои предложения с величайшим старанием. В радостном ожидании того, что я написал лучшее или по крайней мере одно из лучших сочинений, я сдал его учителю. При возвращении сочинений он имел обыкновение сначала обсуждать соответственно лучшее, а затем другие - в убывающем порядке. Мое не было ни первым, а также ни вторым и ни третьим. Все прочие сочинения прошли последовательно передо мной, и, когда последний, наихудший, продукт в конце концов был обсужден, учитель надулся, предвещая беду, и изрек следующие слова: "Сочинение Юнга - самое что ни на есть лучшее, но для него это была пара пустяков, и он сделал это играючи, легкомысленно и беспечно. Поэтому он вообще не заслуживает никакой оценки".- "Это неправда, я никогда не трудился над сочинением так много, как над этим",- перебил я учителя. "Это ложь!закричал он,- посмотри на X (на того, кто выдал наихудшее сочинение). X приложил много усердия. Он добьется от жизни своего, а у тебя это не выйдет, потому что ловкостью и шарлатанством не отделаться". Я замолчал и отныне вовсе не работал на уроках немецкого языка. Этот опыт остался, конечно, далеко позади - более полувека прошло с той поры, и я не сомневаюсь, что с того времени многое в школе изменилось к лучшему. Однако тогда этот случай побудил меня к долгим размышлениям и оставил после себя горькое чувство, которое, конечно, по мере увеличения жизненного опыта уступило место большей прозорливости. Я понял, что установка моего учителя, конечно же, покоилась на благородном принципе: помогать слабым и искоренять зло. К сожалению, однако, с такими правилами часто случается, что они возводятся в степень бездушных принципов, которые уже не стоят никакого дальнейшего раздумья. Отсюда возникает прискорбная карикатура Добра: хотя помогают слабым и борются со злом, но одновременно возникает опасность того, что талант останется без внимания, как будто само по себе изряда-вон-выхожцение уже что-то будто сомнительное и непристойное. Посредственность недоверчива и предпочитает с подозрением относиться к тому, чего не может

ухватить своим интеллектом. "Il est trop intelligent"
* основание, достаточное для самого страшного подозрения! Бурже в одном из своих романов описывает восхитительную сцену в приемной министра; эта сцена прямо-таки парадигматична: томящаяся в ожидании супружеская пара - petits bourgeois
** - критикует од ноге неизвестного ей, но очень знаменитого ученого следующим образом: "II doit etre de la police secrete, il a l'air si mechant
"*** . Я прошу у вас прощения, если непристойно долго задержался на биографических деталях. Ведь эта правда без поэзии касается в конечном счете не единичного случая - она часто сбывается. Одаренный ребенок на самом деле задает школе трудную задачу, которую нельзя оставить без внимания, несмотря на благой принцип - помогать слабоодаренным. В такой маленькой стране, как Швейцария, нельзя, чтобы из-за одного лишь желания быть милосердными мы проглядели одаренных детей, столь нам необходимых. Но, кажется, еще и сегодня в этом отношении порою проявляется какая-то беспечность. На днях я узнал о следующем случае: одна интеллектуальная девочка из первых классов начальной школы вдруг, к удивлению родителей, стала плохо учиться. Вещи, которые ребенок рассказывал о школе, звучали так комично, что у родителей создалось впечатление, будто с детьми поступают как с идиотами и

таким образом искусственно их оболванивают. Мать осведомилась у директора школы, что же там происходит, и узнала, что учительница получила образование для работы со слабоумными и прежде занималась с такими отсталыми детьми. Очевидно, она вообще не знала, что делать с нормальными детьми. К счастью, ребенок со временем смог перейти к нормальной учительнице, где он тут же вновь расцвел. Проблема одаренного ребенка отнюдь не проста, потому что мало распознать в нем хорошего ученика. В известных случаях мы имеем как раз обратное. Он может иметь даже неблагоприятные характеристики: раз-

* Он чересчур умен (фр.).

** Обыватели (фр.).

*** Он, должно быть, из секретной полиции. У него такой злобный вид (фр.).

бросанность, голова полна шалостей; он -- нерадивый, халатный, невнимательный, озорной, своенравный; он может даже производить впечатление заспанного. Путем одного лишь внешнего наблюдения бывает очень трудно отличить одаренного ребенка от умственно отсталого. Кроме того, нельзя упускать из виду тот факт, что одаренные дети далеко не всегда рано созревают, но, напротив, имеют замедленный ход развития, так что одаренность в течение долгого времени остается латентной. При таких обстоятельствах трудно распознать даровитость. Чрезмерные благодушие и оптимизм воспитателя могут ощутить признаки даровитости в тех детях, которые потом оказываются никчемными людьми; примерно в этом духе в одной биографии говорится: "До четырнадцатилетнего возраста в нем не было заметно никаких признаков гениальности; после этого - тоже". Зафиксировать даровитость помогает только точное исследование и наблюдение над детской индивидуальностью - как в школе, так и дома. Уже это позволяет установить, что является первичной наклонностью, а что - вторичной реакцией. У одаренных детей невнимательность, разбросанность и заспанность вызревают как дополнительная оборона против внешних влияний, цель которой - спокойно и без помех предаваться внутренним процессам фантазии. Одна лишь констатация того, что наличествуют живые фантазии или своеобразные интересы, конечно, еще совсем не доказывает особого дарования, потому что точно такое же преобладание фантастики и аномальных интересов свойственно ранним стадиям неврозов и психозов. Однако по качеству фантазий одаренность распознать можно. Для этого, конечно же, нужно уметь отличать умную фантазию от глупой. Направляющим моментом при таком разбирательстве является оригинальность, последовательность, интенсивность и утонченность фантазии, а также заложенная в ней возможность последующего претворения в жизнь. Важным является и вопрос о том, насколько фантазии вторгаются во внешний слой жизни, к примеру, в форме систематического пристрастия или иных интересов. Другой важный indicium
* - это сте-

* Показатель (лат.).

пень и качество интереса в целом. Часто в отношении проблематичных детей происходят поразительные открытия: например, они дюжинами и, кажется, без разбору проглатывают книги - и делают это большей частью в запрещенное ночное время - или выказывают практические навыки, достойные удивления. Все эти знаки может понять только тот, кто взял на себя труд спрашивать детей каким образом и почему, тот, кто не довольствуется лишь тем, что констатирует плохую успеваемость. Поэтому точное знание психологии, т. е. знание человека и жизненный опыт - желанный реквизит воспитателя. У одаренного его душевная наклонность вращается в широком диапазоне противоположностей. Ведь дарование чрезвычайно редко

характеризует все душевные области более или менее равномерно. Как правило, на долю той или иной области достается так мало внимания, что можно даже говорить, так сказать, о ее выпадении. Прежде всего есть громадные различия в степени зрелости. В сфере одаренности при одних обстоятельствах господствует аномальная скороспелость, в то время как при других духовные функции лежат ниже нормального порога того же возраста. Из-за этого порою складывается такой внешний образ, который вводит в заблуждение: перед нами вроде бы недоразвитый и духовно отсталый ребенок, и мы никак не ожидаем от него сверхобычных способностей. Однако может случиться и такое, что скороспелый интеллект ребенка не сопровождается соответствующим развитием языковых возможностей выражения, поэтому он вынужден сообщать о себе сбивчиво и вообще невразумительно. В этом случае от ошибочного суждения учителя оберегают только тщательные расспросы (каким образом и почему?) и добросовестная оценка ответов ученика. Может случиться и так, что одаренность касается области, которая не затронута школой. Таковы, например, некоторые практические способности. Я сам припоминаю мальчиков, которые отличались в школе чудовищной глупостью, в крестьянском же промысле родителей они были образцово дельными и ловкими. Пользуясь возможностью, я бы хотел отметить следующее: in puncto математических способностей, по край-

ней мере прежде, господствовали очень неверные представления. Полагали, например, что способность к логическому и абстрактному мышлению воплощена, так сказать, в математике, а потому последняя является лучшей школой логического мышления. Однако математические способности, как и биологически ей родственные музыкальные,- это способности, не тождественные ни логике, ни интеллекту, но пользующиеся их услугами точно так же, как философия и наука вообще. Как можно быть музыкальным, не имея и следов интеллекта? С другой стороны, поразительные счетные способности могут встречаться даже у имбецилов. Невозможно вдолбить внутреннее понимание музыки - то же самое касается и понимания математики, потому что это - специфическая способность. Трудности у одаренного ребенка существуют не только в интеллектуальной области, но также и в моральной, т. е. в области чувств. Частое передергивание, вранье и прочая моральная расхлябанность у взрослых могут стать для морально одаренного ребенка затруднительной проблемой. Как упускается из виду или недооценивается интеллектуальная чувствительность и скороспелость, так же происходит и с моральной и эмоциональной критической способностью у одаренного ребенка. Дары сердца зачастую не столь явны и навязчивы, как интеллектуальные и технические способности, и как последние претендуют на особое внимание воспитателя, так первые часто предъявляют воспитателю более серьезные требования: он сам должен быть воспитан. Если это не так, то неизбежно придет день, когда ученик повторит не то, чему воспитатель его учил, но то, чем последний является. Каждый воспитатель (в самом широком смысле этого понятия) постоянно должен ставить себе вопрос: реализует ли он сам в собственной жизни - по чести и совести - то, чему учит? В психотерапии мы поняли, что исцеляюще действует в конечном счете не знание и техника, но личность; это верно ив отношении воспитания: оно предполагает самовоспитание. Я отнюдь не претендую на роль судьи над педагогами, а ставлю себя в один ряд с ними (со всей моей Долголетней преподавательской и воспитательной дея-

тельностью) и готов к обсуждению и к порицанию Только на основании моего опыта в лечении людей я отваживаюсь обратить ваше внимание на высокую практическую значимость этих базовых воспитательных истин. Наряду с даровитостью ума существует даровитость сердца, которая не менее важна, однако ее легко упустить из виду, потому что в таких случаях ум часто слабее, чем сердце. И все же такие люди часто бывают полезнее и ценнее для благополучия общества в целом, чем прочие дарования. Но, так же как все дары, талантливое сердце имеет две стороны. Глубина чувства, часто достойная удивления, особенно у женщин, может так ловко

приноровиться к учителю, что возникает впечатление особой даровитости на почве значительных успехов. Однако, как только прекращается воздействие личности, одаренность также исчезает. Это, оказывается, было не более чем порывом энтузиазма, вызванным к жизни зачарованностью чувством, порывом, угасшим как мимолетная вспышка и оставившим после себя пепел разочарования. Воспитание одаренных детей выдвигает значительные требования к психологической, интеллектуальной, моральной и артистической восприимчивости у воспитателя, вероятно, даже такие, что ожидать от учителя их выполнения было бы совершенно неразумным. Ведь в таком случае он тоже должен быть гением, чтобы правильно выявить среди учеников одно гениальное дарование. К счастью, однако, многие дарования имеют отличительное свойство: они в значительной мере сами умеют о себе позаботиться; и чем более гениален одаренный ребенок, тем более его творческая способность - как о том и говорит выражение "гений" - ведет себя как личность, далеко превосходящая (в данных обстоятельствах) возраст ребенка, можно даже сказать, как божественный демон, в котором не только нечего воспитывать, но от которого, напротив, ребенка надо защищать. Большие дарования - это самые прекрасные и часто опасные плоды на древе человечества. Они висят на тончайших ветвях, которые легко обламываются. Большей частью, как уже упомянуто, развитие одаренности

оказывается несоразмерным степени зрелости личности я целом, и зачастую складывается впечатление, будто творческая личность выросла за счет гуманной. Иногда даже существует несоответствие между гением и его человечностью, так что можно задаться вопросом: не будет ли лучше, если даровитость окажется не столь великой? Что такое в конечном счете великий ум при моральной неполноценности? Существует немало одаренных людей, польза от которых сведена на нет или даже обращена в свою противоположность их человеческими недостатками. Одаренность вовсе не безусловная ценность, но она ею становится лишь в том случае, если остальная личность идет с ней в ногу настолько, что талант может быть применен с пользой. Творческий потенциал, к сожалению, может с таким же успехом действовать и деструктивно. Обратится он добром или злом - это решает только моральная личность. И если ее нет, то никакой воспитатель не может ни способствовать ей, ни заменять ее собой. Тесное родство даровитости с патологическим вырождением усложняет проблему воспитания таких детей. Одаренность не только (и это чуть ли не правило) компенсируется некоторой неполноценностью в другой области, но порою идет рука об руку даже с патологическим дефектом. В таких случаях часто почти невозможно решить, что преобладает: даровитость или психопатическая конституция. На основании всех этих причин я считаю, что трудно ответить на вопрос, действительно ли воспитание особо одаренных детей в отдельных классах, что уже предлагалось, несет с собой какие-то преимущества. По крайней мере я не хотел бы быть экспертом, которому вменяется в обязанность отбирать пригодных для этого детей. Если, с одной стороны, это сильно способствовало бы одаренным детям, то, с другой стороны, этому противостоит тот факт, что тот же самый ученик (в иных духовных и человеческих отношениях) отнюдь не всегда стоит на высоте своего дарования. Поэтому в особых классах для одаренных возникла бы опасность того, что из него разовьется односторонний продукт. В нормальных же классах он будет, напротив, изнывать от скуки именно на том предмете, где у него есть превос-

ходство, а на других ему будут напоминать о его отставании, что может производить полезный и морально необходимый эффект. Ведь как раз у дарования есть тот моральный недостаток, что оно вызывает у своего обладателя чувство превосходства и вместе с ним определенную инфляцию, которую следовало бы компенсировать путем соответствующего смирения. Однако одаренные дети очень часто избалованны и ожидают поэтому исключительного отношения к себе. Это-то и заметил мой тогдашний учитель, совершая свой моральный knock-out

* , из которого я тогда, конечно же, не сделал желаемых выводов. С тех пор я понял, что мой учитель был инструментом судьбы. Он был первым, кто дал мне почувствовать, что дары богов имеют две стороны светлую и темную. Потому что опережение всегда ведет к побоям, и если их получают не от учителя, то потом - от судьбы, однако в большинстве случаев - от обоих. Таланту лучше заблаговременно приучить себя к тому, что великие способности ведут к исключительности со всеми ее опасностями, в частности к повышенному самосознанию. От этого могут уберечь лишь смирение и послушание, да и то не всегда. Поэтому мне кажется, что для воспитания одаренного ребенка лучше обучать его в нормальном классе с другими детьми, а не подчеркивать его исключительность путем перевода в особый класс. В конечном счете ведь школа - это часть большого мира и как в зародыше содержит в себе все те факторы, с которыми ребенок столкнется в последующей жизни и с воздействием которых он должен будет справиться. По крайней мере хотя бы отчасти этому приспособлению можно и нужно учить уже в школе. Возможные недоразумения еще не означают катастрофы. Фатально действует только хроническое недоразумение или случай, когда чувствительность ребенка необычайно сильна, а поменять, если надо, учителя нет никакой возможности. Смена учителя часто дает благие результаты - но лишь тогда, когда причиной расстройства действительно является учитель. Однако это далеко не всегда так, потому что учителю приходится нередко безвинно разбирать завалы домаш-

* Нокаут (англ.).

него воспитания. Слишком часто родители воплощают те амбиции, которые они сами реализовать не смогли, в своего одаренного ребенка, которого они либо изнеживают, либо поощряют в нем виртуоза: иногда с ущербом для последующего развития, как это можно видеть на примерах некоторых вундеркиндов. Большой талант или даже данайский дар гения - это фактор, который определяет судьбу и возвещает о себе очень рано. Гениальность настоит на своем вопреки всему, потому что в ее натуре есть нечто безусловное, неподвластное узам. Так называемая непризнанная гениальность - сомнительное явление. Большей частью под этой маской выступает никчемность, которая страждет какого-то утешительного самообъяснения. Однажды мне пришлось одному такому "гению" задать на приеме вопрос: "Вы, вероятно, просто лежебока?" Через некоторое время мы сошлись в этом суждении. Таланту же, напротив, можно препятствовать, его можно калечить и извращать - или же ему можно способствовать, развивать его и усиливать. Гений - это rarissima avis
* как феникс, с появлением которого нельзя не считаться. Он возникает сразу и по божьей милости во всей своей силе, сознательно или бессознательно. Талант же - статистическая закономерность и вовсе не всегда обладает соответствующей динамикой. Как и гению, ему свойственно повышенное разнообразие и индивидуальные отличия, которые воспитатель должен иметь в виду, ибо своеобразная или способная на своеобразие личность имеет величайшее значение для общего блага народа. Поголовное усреднение народа как целого путем подавления естественной аристократической или иерархической структуры неизбежно - рано или поздно - приводит к катастрофе. Ведь если нечто выдающееся снивелировано, то утрачиваются ориентиры и страстное желание быть ведомым становится непреодолимым. Человеческое руководство ущербно, потому-то над правителями стояли и стоят до сих пор символические принципы,- так и отдельный человек не реализует во всем объеме смысл своей жизни, если не поставит свое Я на службу духовному и сверхчеловеческому порядку. Этот

* Уникальное явление (лат.). 6 Зак. 354

императив соответствует тому факту, что Я никогда не исчерпывает целостности человека, а всегда представляет только его сознательную часть. Беспредельная бессознательная часть лишь дополняет его до совершенства до действительной тотальности. Одаренный человек - это с биологической точки зрения отклонение от усредненной меры; и поскольку изречение Лаоцзы "Высокое стоит на глубоком" является вечной истиной, то это отклонение направлено в одном индивиде одновременно и вверх и вниз. Отсюда возникает определенное напряжение противоположностей, которое в свою очередь вновь наделяет личность темпераментом и интенсивностью. Даже если одаренный человек относится к тихим водам, то он вместе с ними достигает большей глубины

* . Не только отклонение от нормы, сколь благоприятным оно ни было бы, но и противоречивость, предрасполагающая к внутренней конфликтности, означает для одаренного риск. Более полезными, нежели перевод в специальные классы для одаренных, окажутся проявления личного участия и внимательности воспитателя. Хотя учреждение должности психологически образованного школьного психиатра безусловно необходимо и при этом вовсе не требуется идти на уступку столь сильно преувеличенному значению технической грамотности, то мне в свете моего опыта кажется, что, напротив, сердцу воспитателя подобает роль, которую вряд ли можно переоценить. Правда, о прекрасных учителях вспоминают с признательностью, но с благодарностью - лишь о тех, которые обращались к человеку. Учебный материал - это необходимый минерал, однако теплота - это жизненная стихия тянущегося вверх растения, так же как и детской души. Поскольку среди учащихся встречаются одаренные и подающие большие надежды натуры, которых нельзя ограничивать и подавлять, то и школьный учебный материал не должен уходить в сторону от всеобщего и универсального в чрезмерно специальное. Напротив, подрастающему, поколению следует по крайней мере

* Обыгрывается немецкая пословица "Stille Wasser sind tief" ("Тихие воды глубоки").

указать на те двери, которые ведут к самым разным областям жизни и духа. И прежде всего мне представляется важным - в смысле общей культуры - уважение к истории в самом широком объеме этого понятия. Насколько, с одной стороны, важно внимание к практическому, полезному и грядущему, настолько же важен взгляд назад, на прошедшее. Культура - это континуальность, а не прогресс, оторванный от корней. Именно для одаренных сбалансированное образование имеет величайшее значение в качестве, так сказать, психогигиенического мероприятия. Односторонность одаренности, как уже сказано, почти всегда находится в противоречии с определенной детской незрелостью прочих областей души. Однако детскость - это состояние прошлого. Как тело эмбриона в своем развитии отчетливо воспроизводит филогенез, так и "уроки истории" заполняют детскую душу. Ребенок живет в дорациональном, и прежде всего в донаучном, мире, в мире той человечности, которая была до нас. В том мире - наши корни, и из этих корней растет каждый ребенок. Зрелость отдаляет его от этих корней, а незрелость прикрепляет его к ним. Знание о первоначалах в самом общем смысле наводит мосты между оставленным и потерянным миром праотцов и грядущим, пока непостижимым миром потомков. Какими средствами нам постичь будущее, когда мы в него войдем, если мы не обладаем тем опытом человеческого рода, который нам оставили после себя наши праотцы? Без этого обладания мы останемся без корней, без перспективы и станем легкой добычей будущего и нового. Чисто техническое и целесообразное образование не может быть заслоном перед безумием и противопоставить ослеплению хоть что-нибудь. Ему недостает культуры, внутренний закон которой - непрерывность истории, т. е. континуальность сверхиндивидуального человеческого сознания. Эта континуальность, которая связывает между собою противоположности, имеет целительное значение для внутренней конфликтности, грозящей одаренным. Новое всегда сомнительно и означает нечто, что следует испытать. Ведь оно может с таким же успехом быть болезнью. Поэтому истинный прогресс возможен только при зрелости суждения. Но хорошо взвешенное суж-

164

дение требует прочной точки зрения, которая может покоиться только на основательном знании чего-то уже ставшего. Тот, кто, не осознавая исторической связи порывает отношения с прошлым, подвергается опасности пасть жертвой суггестии и ослепления, исходящих из всех новшеств. Трагизм всех нововведений заключается в том, что вместе с водой всегда выплескивают и ребенка. Правда, страсть к нововведениям, слава богу, par excellence
* не швейцарский национальный порок, но мы живем и в более широком мире, который сотрясается от еще незнакомых нам форм лихорадки обновления. Чтобы противостоять этому ужасающе грандиозному спектаклю, от нашей молодежи как никогда раньше требуется устойчивость - во-первых, ради незыблемости нашей отчизны, а во-вторых, ради европейской культуры, которая ничего не добьется, если достижения христианского прошлого сменяются своей противоположностью. Одаренный же - тот, кто несет светоч, и он избран к столь высокому служению самой природой.

* По преимуществу (фр.).

165

ЗНАЧЕНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Доклад, прочитанный на Международном конгрессе по проблемам воспитания в Гейдельберге в 1925 г. Впервые опубликован в: Contributions to Analitical Psychology. Kegan Paul, London, и Harcourt Brace, New York, 1928. Немецкий текст подлинника впервые вышел в свет в научном издании (Walter, Olten, 1971) в качестве отдельной главы книги Der Einzelne in der Gesellschaft.

166

В общем можно выделить три вида воспитания.

1. Воспитание через пример. Такое воспитание может проходить совершенно бессознательно и потому является самой старой и, пожалуй, самой действенной формой воспитания вообще. Успеху этого метода сопутствует тот факт, что ребенок психологически более или менее тождествен родителям и в целом своему окружению. Эта особенность - одно из наиболее примечательных свойств первобытной психики. Французский исследователь Леви-Брюль определил это как "participation mystique". Именно потому, что бессознательное воспитание через пример покоится на одном из исконных свойств психики, этот метод по-прежнему эффективен там, где все прочие методы дают осечку, например в случае душевнобольных. Многих из этих больных следует побудить к работе для того, чтобы они не дегенерировали; по большей части совершенно тщетно пытаться им что-то советовать или даже приказывать. Зато если они оказываются в группе работающих людей, то в конце концов заражаются примером других и начинают сотрудничать. В сущности, на фундаментальном факте психического тождества зиждется всякое воспитание; это в конечном счете деятельное начало всегда восприимчиво к заражению, которое происходит, так сказать, автоматически. Данный фактор значим настолько, что в случае влияния дурного примера даже самый лучший метод сознательного воспитания оказывается совершенно бессильным. 2. Сознательное коллективное воспитание. Под коллективным воспитанием я понимаю в первую очередь не воспитание в группе (например, в школе), но воспитание согласно нормативам, правилам и методам. Эти три принципа неизбежно имеют коллективную природу; предполагается, что они обладают силой и

применимы по крайней мере в отношении большинства индивидов. Более того, считается, что они - действенные инструменты в руках тех, кто научился с ними обращаться. Можно предположить, что такое воспитание произво-

167

дит не более того, что содержится в его собственных предпосылках, а именно индивидов, которые сформированы в соответствии с общими нормативами, правилами и методами. Поскольку индивидуальное своеобразие питомца поддается коллективной природе воспитательного воздействия, естественным образом возникает характер, схожий с характером индивида, совершенно иного от рождения, но обнаружившего, однако, ту же самую податливость. Если такой податливостью обладает большинство индивидов, то возникает единообразие, соответствующее применяемому методу. Чем больше имеется сходно или одинаково сформированных индивидов, тем сильнее будет бессознательная принудительность примера для тех индивидов, которые прежде - по праву или нет - оказывали успешное сопротивление коллективному методу. Так как пример толпы вследствие бессознательного психического заражения оказывает непреодолимое влияние, это может привести к окончательному подавлению и угасанию или по крайней мере к угнетенному состоянию тех индивидов, которые обладают не более чем средней силой индивидуального характера. Конечно, если не утерян здравый смысл такого воспитания, то оно, естественно, может дать хорошие результаты для адаптации воспитуемого к коллективу. Но даже идеальные коллективистские черты характера могут нанести тяжелейший вред индивидуальному своеобразию. Несомненно, действенное воспитание гражданина и полезного члена общества в высшей степени достойно того, чтобы к нему стремиться. Но если превышена некоторая предельная величина единообразия, т. е. если некоторые коллективные ценности складываются за счет индивидуального своеобразия, то формируется индивид, который, вероятно, идеально отвечает нормативам, правилам и методам своего воспитания. В силу этого он будет приспособлен ко всем тем ситуациям и к решению тех проблем, которые встречаются в сфере предпосылок его воспитания,- но зато он будет беспомощным во всех тех случаях, когда необходимо принять индивидуальное решение, так как знакомое правило отсутствует. Коллективное воспитание неизбежно, и его нельзя

168

заменить никаким другим. Мы живем в стихии коллективности и пользуемся коллективными нормами - равно как нуждаемся в общем языке. Мы никогда не сможем принцип коллективного воспитания принести в жертву развитию индивидуального своеобразия, даже если бы очень желали, чтобы коллективное воспитание не задушило это бесценное своеобразие. Более того нам следует принять во внимание, что индивидуальное своеобразие является чем-то бесценным не во всех обстоятельствах даже для самого индивида. Если проанализировать, кто из детей оказывает сопротивление коллективному воспитанию, то чаще всего это оказываются дети с разнообразными психическими аномалиями врожденного или приобретенного вида. Сюда я отношу также избалованных и испорченных детей. Иной питомец из их числа находит, так сказать, свое спасение как раз в том, что может опереться на нормальную коллективность и действительно оградить себя от своего индивидуального своеобразия, вредящего ему самому, достигая известного единообразия. Я отнюдь не считаю, что человек в основе своей всегда добр и что дурное в нем есть лишь неверно истолкованное добро. Напротив, я полагаю, что есть немало таких, которые представляют собой настолько негодную комбинацию наследственных качеств, что им лучше отказаться от всякого индивидуального своеобразия как в интересах общества, так и в своих собственных. Поэтому можно со спокойной совестью утверждать, что коллективное воспитание есть, в сущности, нечто несомненно полезное, а для очень многих - и совершенно достаточное. Однако его нельзя превозносить в качестве исключительного принципа, потому что среди детей немало таких, которые нуждаются в третьей форме воспитания, а именно в индивидуальном воспитании. 3. Индивидуальное воспитание. Здесь все коллективные

нормативы, правила и методы должны отступить на задний план ради главной цели - развития человеческой индивидуальности в противоположность задаче коллективного воспитания, которое нивелирует и унифицирует индивида. Все дети и воспитуемые вообще, которые успешно сопротивляются коллективному воспитанию, нуждаются в индивидуальном подходе. Среди

169

них, естественно, оказываются самые разные, и прежде всего те, кто из-за патогенного вырождения не способен к обучению; большей частью такие дети относятся к категории слабоумных. Кроме того, есть немало таких детей, которые отнюдь не неспособны к обучению, а даже, напротив, выказывают особые дарования, однако эти задатки либо односторонни, либо чересчур своеобразны. Пожалуй, наиболее часто встречается у детей неспособность понимать математику, которая не выражается в наглядных числах. Видимо, по этой причине высшая математика в школе преподается только факультативно, поскольку формирование логического мышления не имеет с математикой ничего общего. Вследствие этого высшая математика для таких индивидов - это совершенно бессмысленное занятие и бесполезное мучение. Математика отвечает определенному духовному складу, которым обладают далеко не все люди, причем это качество нельзя сформировать искусственно. Те, кто его лишен, могут только "вызубрить" математику, не понимая смысла. Эти люди в то же время бывают высокоодаренными в каком-нибудь другом отношении, так что они или уже обладают способностью к логическому мышлению, или приобретают ее путем непосредственного обучения логике. Конечно, этот недостаток математической способности, строго говоря, нельзя назвать индивидуальным своеобразием. Однако этот пример показывает, насколько легко школьная программа может погрешить против такого важного фактора, каким является психологическое своеобразие ученика. Точно так же самые действенные и гуманные принципы воспитания могут оказаться в высшей степени бесполезными, а иногда и прямо-таки вредными в тех случаях, когда психологическое своеобразие питомца нуждается в исключительно индивидуальном подходе. Довольно часто бывает так, что не только отдельные педагогические приемы, но и воспитательное воздействие в целом наталкивается на непреодолимое сопротивление. В большинстве случаев это касается так называемых невротических детей. Как правило, в таких случаях учитель или воспитатель склонны к тому, чтобы объяснить свои неудачи прежде всего болезненной

170

установкой питомца. Однако при более внимательном рассмотрении часто оказывается, что причина кроется в домашней обстановке, особенности которой достаточно проясняют неприспособленность и неприспособляемость ребенка. Дома ребенок приобрел установку, которая оказывается негодной для адаптации к коллективу. Естественно, изменить эти домашние обстоятельства вне возможностей воспитателя, хотя нередко даже просто добрые советы могут совершить чудо с самими родителями. Как правило, однако, требуется излечить недуг именно питомца. Для этого нужно отыскать подход к его своеобразной психологии, чтобы сделать ее открытой для воздействия. И здесь прежде всего, как уже было сказано, требуется основательное знание особенностей домашней жизни питомца. Нам уже многое станет понятным, если мы раскроем причины какого-то явления, и все же этого недостаточно. Следующее, что мы должны узнать,- какие следствия вызвали эти внешние причины в душе ребенка. Мы доберемся до этого знания только с помощью основательного изучения психологической биографии индивида, учитывая его собственные свидетельства и пояснения людей, его окружающих. С этими сведениями, да и то при известных условиях, уже можно добиться многого. Ведь искусные воспитатели во все времена поступали именно таким образом; вот почему мне незачем больше на этом задерживаться. Только представив себе, что ребенок из бессознательного состояния постепенно развивается в сознательное, мы сможем понять тот факт, что большинство

воздействий окружения, во всяком случае самые элементарные и глубокие из них, суть воздействия бессознательные. Первые жизненные впечатления - самые сильные и чреватые самыми большими последствиями, даже будучи бессознательными, а возможно, как раз потому, что они никогда не осознавались и потому не подверглись какому бы то ни было изменению. Ведь мы способны к исправлению чего-либо только в сознании. То, что бессознательно, остается неизменным. Поэтому, желая достичь каких-то изменений в ребенке, мы должны поднять эти бессознательные содержания до уровня сознания, чтобы на них можно было повлиять и попытаться что-то исправить. В этой операции совсем нет

171

необходимости в тех случаях, когда мы в результате тщательного изучения домашней обстановки и психологической биографии получили в руки средство действенного влияния на индивида. Если же, как уже сказано случается так, что этого недостаточно, значит, доследование психики должно идти еще глубже. Однако здесь мы уже имеем дело как бы с особым видом хирургического вмешательства, которое без достаточной технической подготовки легко может привести к весьма дурным последствиям. Необходим немалый врачебный опыт чтобы точно определить, где и когда нужно произвести это вмешательство. К сожалению, профаны часто недооценивают опасности, которые влекут за собой такого рода вторжения в психику. Дело в том, что когда бессознательное содержание переводят в сознание, то тем самым искусственно вызывают состояние, которое очень сходно с помешательством. Подавляющее большинство случаев помешательства (если они по своей природе не являются непосредственно органическими) имеют в своей основе распад сознания, вызванный безудержным вторжением бессознательных содержаний. Поэтому следует точно знать, где можно пойти на такое вмешательство без риска нанести ущерб здоровью пациента. Если с этой стороной дела все обстоит благополучно, то тем самым мы избавились еще далеко не от всех опасностей. Одним из самых обычных последствий работы с бессознательным является то, что Фрейд назвал перенесением. Строго говоря, перенесение - это проекция бессознательного содержания на того человека, который анализирует бессознательное. Однако понятие перенесения употребляется также в более широком смысле и включает в себя практически все самые разнообразные процессы, которые вызывают привязанность пациента, подвергаемого анализу, к анализирующему. Если аналитик ведет себя неверно, эта привязанность может вызвать большие сложности. Нередко дело доходило даже до самоубийства. Одна из обычных причин этого состоит в том, что осознанивание бессознательных содержаний проливает порой совершенно новый, отрицательный свет на домашние отношения. Могут быть осознаны вещи, которые превращают любовь и доверие к родителям в протест и ненависть. Из-за этого

172

индивид оказывается в невыносимой для него пустоте отношений и в отчаянии повисает на аналитике, чтобы по крайней мере через него получить связь с миром. Если, находясь в этом критическом положении, врач вследствие какой-нибудь технической ошибки - разрушает и такое отношение, то это может привести прямо к самоубийству. Вот почему я придерживаюсь мнения, что всякое такое вмешательство - если оно представляет собой анализ бессознательного - нуждается как минимум в контроле и содействии врачей, прошедших школу психиатрии и психологии. Каким же образом бессознательные содержания могут поступить в сознание? Как вы понимаете, одной лекции недостаточно, чтобы описать все методы, с помощью которых эта цель может быть достигнута. Практически самым эффективным и одновременно самым трудным методом является анализ и объяснение сновидений. Сновидения, несомненно, суть продукты бессознательной душевной деятельности. Возникая во время сна, без нашего намерения и нашего содействия, они появляются перед нашим внутренним взором, и нам удается - с помощью крошечного остатка сознания - перевести их в бодрствующее сознание. Их зачастую чужеродные, иррациональные и непонятные сюжеты вызывают к снам недоверие как к весьма ненадежному

источнику информации. Своей попыткой понять сновидения мы далеко отходим от всех естественнонаучных методов, от величин и измерений. Мы находимся скорее в положении археолога, который должен расшифровать неизвестный древний текст. И все же сновидения, поскольку вообще существуют некие бессознательные содержания, наиболее пригодны для понимания последних. Большая заслуга Фрейда состоит в том, что он впервые указал на эту возможность. Тайной сновидений люди занимались до нас, вероятно, во все времена, и далеко не всегда это было данью суевериям. Толкование сновидений древнего Артемидора из Далды
* - это

* Видимо, неточность. Артемидор (138-150 IТ. н. э.) был родом из Эфеса. Дадвдан - его прозвище, по которому его отличают от другого Артемидора, тоже из Эфеса. Упомянутый Юнгом Артемидор - автор сочинения "Снотолкователь" ("Онейрокритика") (Отв. ред.).

своего рода научная работа, которую нельзя недооценивать, а Иосиф Флавий сообщает о некоторых заслуживающих внимания толкованиях сновидений у ессеев
* . однако, если бы не Фрейд, наука так и не вернулась бы к сновидениям как к источнику информации, несмотря на то что в древности врачи уделяли сновидениям большое внимание. Еще и сегодня мнения относительно значения сновидений очень различаются. Даже многие психиатры отказываются от анализа сновидений: с одной стороны, метод кажется им слишком ненадежным, произвольным или трудным, с другой стороны, они полагают, будто анализировать бессознательное нет надобности. Я, конечно, придерживаюсь противоположного мнения, и долгий опыт убедил меня в том, что сновидения пациента во всех трудных случаях могут оказать психотерапевту совершенно неоценимую услугу - и как источник информации, и как терапевтический инструмент. Что же касается метода анализа сновидений, вызывающего много споров, мы поступаем совсем как расшифровщик иероглифов. Прежде всего необходимо собрать все доступные материалы, которые в состоянии предоставить о своих сновидческих образах сам сновидец. Затем исключаются те замечания, которые исходят от какой-нибудь теоретической концепции: ведь они почти всегда выступают произвольными попытками толкования. Мы наводим справки как о событиях, изложенных сновидцем, так и о его настроении, общих планах и намерениях за день или за неделю до сновидения. Очень полезно получить хотя бы некоторое представление' об интимных жизненных обстоятельствах пациента, а также о его характере. Эта работа требует большого внимания и тщательности, если мы вообще хотим хоть как-то подступиться к сновидению. Я не доверяю толкованиям сновидений с маху, которые сфабрикованы на основании предвзятых теоретических представлений. Напротив, надо избегать того, чтобы толковать сновидения на основе каких-либо теоретических предположений; иными словами, стоило бы исходить из той

* Ессеи, иудейская секта. См.: Иосиф Флавий. Иудейская война. Кн. 2, гл. 8,12 (Отв. ред.).

посылки, что сновидение вообще не имеет никакого смысла: тогда можно уберечь себя от предвзятости. Ведь результаты анализа сновидения могут оказаться совершенно непредвиденными. Возможно, среди образов сновидений обнаружится нечто весьма тяжелое и неприятное, от обсуждения чего мы, конечно же, постарались бы уклониться любой ценой, если бы были готовы к этому заранее. Вероятно, обнаружатся такие результаты, которые поначалу покажутся темными и непонятными, потому что наше сознание пока не в состоянии достичь высоты всех душевных таинств. В таких случаях лучше занять выжидательную позицию, нежели стремиться получить вымученное объяснение. В такой работе нужно уметь мириться с большой

неопределенностью. По мере того как мы занимаемся сбором уже вырисовывающегося материала, отдельные части сновидения постепенно проясняются, мы начинаем распознавать в хаосе череды образов, сначала казавшихся бессмысленными, что-то вроде текста, сперва только в виде отдельных предложений, но вскоре уже как все более связное целое. Пожалуй, будет лучше, если я приведу некоторые примеры из своего врачебного опыта. Сначала я должен немного познакомить вас с личностью пациента, потому что иначе вам будет очень трудно почувствовать своеобразие настроения его сновидений. Бывают сновидения, которые представляют собой чистейшие стихотворения, и потому они могут быть поняты только исходя из их общего настроения. Сновидец, которому чуть больше 20 лет, выглядит еще совсем как мальчик. В его облике и манере говорить есть даже что-то девическое. По его речи можно судить, что он получил очень хорошее образование и воспитание. Он интеллигентен, с выраженными интеллектуальными и эстетическими интересами. Эстетическое заметно стоит на первом плане. Сразу же чувствуются хороший вкус и тонкое понимание всех форм искусства. Его эмоциональная жизнь отличается нежностью, деликатностью и некоторой восторженностью; она характеризуется чертами, свойственными девочкам пубертатного возраста. Значительное преобладание женского начала бесспорно.

175

Нет ни следа пубертатной грубости. Несомненно, он слишком молод для своего возраста, т. е. налицо очевидный случай замедленного развития. С этим согласуется то, что он обратился ко мне по поводу гомосексуальности. Ночью, накануне первого визита ко мне, он видел следующее сновидение: "Я нахожусь в просторном соборе, полном таинственных сумерек. Как будто это Лурдский собор. Посредине находится какой-то глубокий темный источник, в который я вот-вот низвергнусь". Это сновидение, совершенно очевидно, есть связное выражение настроения. Замечания самого сновидца таковы: "Лурд - это мистический целебный источник. Вчера я, конечно, думал о том, что у вас я смогу лечиться и найти исцеление. В Лурде как будто бы есть такой колодец. Вероятно, очень неприятно опускаться в эту воду. В церкви колодец был очень глубоким". Так о чем же говорит это сновидение? Внешне оно совершенно ясно, и можно было бы довольствоваться его пониманием как своего рода поэтическим выражением настроения накануне сновидения. Но этим, повидимому, отнюдь нельзя ограничиться, потому что, как свидетельствует опыт, смысл сновидений много глубже и значительней. По этому сновидению вполне можно предположить, что сновидец пришел к врачу в очень поэтическом настроении, что он подошел к лечению как к торжественному богослужебному действу в мистическом полусвете таинственного места благодати. Но это толкование совершенно не согласуется с фактической действительностью. Пациент пришел к врачу только затем, чтобы избавиться от одной неприятной вещи, а именно от гомосексуальности. И это отнюдь не поэтично. Во всяком случае, мы не сможем понять из фактического настроения предшествующего дня, почему приснилось нечто столь поэтичное, если рискнем предположить, что в возникновении сновидения повинна прямая каузальная связь. Вероятно, мы могли бы допустить, что это было как раз впечатление от крайне непоэтических обстоятельств, которые побудили пациента обратиться ко мне за помощью, что и дало повод к сновидению. Мы могли бы скорее предположить, что пациенту - именно из-за прозаичности его настроения накануне - приснилось нечто преувеличенно поэтиче-

176

ское; примерно так, как тому, кто постился днем ночью снятся обильные трапезы. Нельзя отрицать, что в сновидении вновь и вновь повторяется мысль о лечении, исцелении и неприятной процедуре, однако все это - в поэтическом преображении, т. е. в форме, которая максимально отвечает живой эстетической и эмоциональной потребности сновидца. Этот привлекательный образ неотвратимо притянул его к себе, несмотря на темноту, глубину и холод колодца. Что-то из этого настроения сновидения продлится даже после сна и захватит утро того дня, когда он должен

будет выполнить неприятную и непоэтическую обязанность. Серая действительность, вероятно, примет на себя легкий золотой налет сновидных ощущений. Возможно, это и есть цель данного сновидения? Это было бы вполне вероятным, потому что, как говорит мой опыт, подавляющее большинство сновидений имеют компенсаторную природу. Чтобы поддержать душевное равновесие, они соответственно усиливают другую сторону. Однако компенсация настроения- не единственная цель, заложенная в образе сновидения. Он нередко является и коррекцией убеждений. Пациент, конечно же, не имел никаких удовлетворительных мнений относительно лечения, на которое он решился. Сновидение же предлагает ему образ, который с помощью поэтической метафоры выражает сущность предстоящего лечения. Это станет явным, как только мы проследим за интуициями и замечаниями пациента относительно образа собора дальше. "Что касается собора,- говорит он,- мне приходит в голову Кельнский собор. Он меня сильно занимал еще в ранней юности. Я припоминаю, что сначала мне о нем рассказывала мать. Я также припоминаю, что, когда я увидел какуюто деревенскую церковь, я спросил, не это ли Кельнский собор. Я хотел стать священником в таком соборе". В этих интуициях пациента отображен важный момент юношеской жизни. Как почти во всех подобных случаях, у него есть особая внутренняя привязанность к матери. Под этим, конечно, следует понимать не предельно хорошее или явно выраженное сознательное отношение к матери, а скорее что-то вроде тайной, под-

польной привязанности, которая выражается в сознании, вероятно, только при замедленном развитии характера посредством относительного инфантилизма. развитие личности, конечно, подавляется такой бессознательной инфантильной связанностью, потому что ничто так не препятствует развитию, как застывание в бессознательном, можно даже сказать, в психически эмбриональном состоянии. Поэтому инстинкт хватается за первый попавшийся повод, чтобы заменить мать каким-нибудь другим объектом. Этот объект должен быть в известном смысле аналогичным матери, чтобы действительно ее заменять. И к нашему пациенту это в полной мере относится. Интенсивность, с какой его ребяческая фантазия подхватила символ Кельнского собора, отвечает сильной бессознательной потребности найти какую-нибудь замену матери. Эта бессознательная потребность, конечно, возрастает в том случае, когда инфантильная привязанность угрожает неприятностями. Отсюда энтузиазм, с которым его ребяческая фантазия обратилась к образу Церкви, потому что Церковь в полном смысле и в любом значении есть мать. Говорят не только о матери-церкви, но и о ее лоне; в церемонии "benedictio fontis"
* в католической церкви купель рассматривается даже как immaculatus divini fontis uterus
** . Ведь мы полагаем, будто каждый должен осознавать эти значения, чтобы они проявились в его фантазии, и считаем невозможным, что несмышленый ребенок может вместить эти значения. Конечно, эти аналогии действуют не путем сознания, а совершенно иным путем. Церковь же представляет собой высочайшую духовную замену для природной, так сказать "плотской", привязанности к родителям. Тем самым она высвобождает индивида из бессознательного природного отношения, которое, строго говоря, является вовсе не отношением, а состоянием изначального бессознательного тождества, состоянием, которое в силу своей бессознательности и обладает необычайной косностью, оказывающей сильнейшее сопротивление всякому более высо-

* "Благословения источника" (лат.) (обряд водоосвящения).
** Непорочное чрево божественного источника (лат.).

кому духовному развитию. Едва ли можно заметить, чем же в таком состоянии человек существенно отличается от состояния животного. Содействовать отходу индивида от первоначального животноподобного состояния отнюдь не прерогатива исключительно христианской церкви, а просто современная (в особенности западная) форма инстинктивного

порыва, вероятно, столь же старого, как и человечество вообще. Этот порыв можно обнаружить в самых разнообразных формах даже у относительно развитых и еще не дегенерировавших дикарей. Это институт инициации, или посвящения в мужчины: в пубертатном возрасте юношу начинают приводить в мужской дом или в какое-нибудь другое место посвящения, где он методично отчуждается от семьи. Одновременно он посвящается в религиозные тайны и таким образом оказывается вовлеченным не только в совершенно новые отношения, но также - как обновленная и измененная личность, "quasi modogenitus"
* в совершенно новый мир. Инициация зачастую связана со всяческими жестокими испытаниями, нередко с обрезанием и т. п. Без сомнения, эти обычаи очень древние; и они оставили свои следы в нашем бессознательном, как и многие другие первобытные переживания. Они стали чуть ли не инстинктивным механизмом, так что все вновь и вновь репродуцируют себя без внешнего принуждения, например, в студенческих крестинах или в еще более впечатляющем обряде посвящения в студенты в Америке. Они высечены в бессознательном как изначальный образ, этот, по выражению Августина, "arehetypus". Когда мать рассказывала маленькому мальчику о Кельнском соборе, этот праобраз был затронут и разбужен к жизни. Однако со стороны клира не нашлось воспитателя, который развил бы это начало дальше. Мальчик остался в руках матери. Но старая тоска по руководящему мужчине продолжала у мальчика развиваться, правда, в форме гомосексуальной склонности, которая, вероятно, не привела бы к дефектному развитию, если бы какой-то мужчина развивал его детскую фантазию. Отклонение в сторону гомосексуальности

* Как бы посредством рождения (лат.).

имеет, конечно, великое множество исторических примеров. В Древней Греции, как, впрочем, и в других первобытных коллективах, гомосексуальность и воспитание были, так сказать, тождественны. В этом отношении гомосексуальность в юношеском возрасте хотя и ложно понятая, но тем не менее закономерная потребность иметь рядом мужчину. Для пациента (согласно смыслу его сновидения) начало лечения означает реализацию смысла его гомосексуальности, а именно вступление в мир взрослого мужчины. То, что здесь мы должны излагать с помощью тягучих и многословных рассуждений (иначе это просто невозможно уразуметь), сновидение уплотнило до нескольких выразительных метафор и тем самым создало образ, который влияет на фантазию, чувство и рассудок сновидца несравненно сильнее, чем поучительное сочинение. Тем самым пациент оказывается лучше и быстрее подготовленным к лечению, чем с помощью самых солидных медицинских и педагогических цитатников. По этой причине я оцениваю сновидение не только как ценный источник информации, но и как крайне действенный инструмент воспитания или лечения. Теперь мне осталось только доложить вам о втором сновидении, которое пациент имел в ночь После первой консультации. Оно наилучшим образом дополняет сказанное выше. Я должен этому предпослать следующее: во время первой консультации я вовсе не занимался только что обсуждавшимся сновидением. О нем даже не упоминалось. Да и вообще мною не было проронено ни слова, которое хоть как-то могло быть поставлено в отдаленную связь со сказанным выше. Второе сновидение таково: "Я в большом готическом соборе. В алтаре стоит священник. Я с моим другом стою перед ним и держу в руке маленькую японскую фигурку из слоновой кости с чувством, как будто ее надо будет крестить. Внезапно приходит старая дама, берет у моего друга перстень и надевает его на мою руку. Мой друг боится, как бы это его не связало. Но в этот момент раздается чудная органная музыка". Тесные рамки доклада, к сожалению, не позволяют мне войти во все подробности этого богатого смыслом сновидения. Я лишь хочу здесь выделить те моменты,

которые продолжают и дополняют сновидения предыдущего дня. Несомненно, второе сновидение опирается на первое; сновидец опять в церкви, т. е. в состоянии посвящения в мужчины. Однако появилась новая фигура - священник, об отсутствии которого в прежней ситуации мы уже говорили. Таким образом, сновидение подтверждает, что бессознательный смысл его гомосексуальности уже сбылся и потому, вероятно, может начаться дальнейшее развитие. Собственно же инициация - а именно крестины - может теперь состояться. В символике сновидения подтверждается то, о чем я говорил выше: устраивать подобные психические переходы и преобразования - это не прерогатива христианской церкви. За этим кроется древний образ, который в данном случае может побуждать и к таким превращениям. То, что согласно сновидению предстояло крестить,всего лишь маленькая фигурка из слоновой кости. Пациент замечает: "Это был маленький, карикатурный человечек, который напоминал мне мужской член. Удивительно, конечно, что этот член нужно крестить. Однако ведь у евреев обрезание - что-то вроде крещения. Это, конечно, имеет касательство к моей гомосексуальности, потому что друг, который стоит со мной перед алтарем, именно тот, с которым я гомосексуально связан. Он находится в таком же отношении ко мне. Перстень представляет, очевидно, нашу связь". Как вы знаете, кольцо имеет расхожее символическое значение связи или отношения (например, обручальное кольцо). Поэтому в данном случае мы можем спокойно понимать перстень как метафору гомосексуального отношения; тот факт, что сновидец появляется во сне вместе со своим другом, означает то же самое. Недуг, от которого надо избавляться,- это, конечно же, гомосексуальность. Из этого относительно детского состояния сновидец должен - путем как бы церемонии обрезания при пособничестве священника - перейти в состояние взрослого. Эти соображения в точности соответствуют тому, что я изложил по поводу предыдущего сновидения. До этого этапа, вероятно, и дошло логическое и смысловое развитие при содействии архетипических представлений. Но тут, по-видимому, появляется

какая-то помеха. Старая дама внезапно присваивает себе перстень, другими словами, теперь дама привлекает к себе то, что прежде было гомосексуальным отношением, из-за чего сновидец опасается быть втянутым в новые обязывающие отношения. Так как кольцо теперь на руке женщины, было заключено, по-видимому, что-то вроде брака, т. е. гомосексуальное отношение перешло в гетеросексуальное. Однако это гетеросексуальное отношение необычного рода, так как речь идет о старой даме. "Она,- говорит пациент,- подруга моей матери. Я ее очень люблю, она для меня даже подругамать". Из этого высказывания мы можем установить, что произошло в сновидении. В результате посвящения гомосексуальная привязанность разрывается и заменяется гетеросексуальным отношением - на первый раз платонической дружбой к женщине, подобной матери. Несмотря на подобие матери, эта женщина все же не мать. Отношение с ней означает также шаг за пределы влияния матери, шаг по направлению к мужественности, освобождение от матери и преодоление пубертатной сексуальности. Страх перед новой привязанностью легко понять просто как страх перед материнским подобием. Это могло бы означать, что из-за расторжения гомосексуального отношения он снова полностью вернулся к матери, а кроме того, страх перед новым и неизвестным, присущим взрослому гетеросексуальному состоянию с его возможными обязанностями, такими, как женитьба и т. д. Очевидно, звучащая тут же музыка подтверждает, что это все же не попятный шаг, а прогресс. Пациент ведь музыкален, и торжественная органная музыка в особенности доступна его чувствам. Музыка означает для него очень позитивное чувство, в данном случае также и личностную развязку сновидения, которое вновь пригодилось для того, чтобы оставить после себя прекрасное, благостное настроение следующего утра. Если вы теперь обратите внимание на тот факт, что пациент до этого момента видел меня только на одной консультации, где притом разговор шел только об общем медицинском анамнезе, то вы, вероятно, должны согласиться со мной, когда я утверждаю, что оба сновидения дают поразительное предвосхищение. С одной

стороны, они озаряют ситуацию пациента в высшей степени своеобразным и чуждым сознанию светом' с другой стороны, этот свет придает банальной медицинской ситуации аспект, который максимально настроен на духовное своеобразие сновидца в целом и как никакой другой способен актуализировать его эстетические интеллектуальные и религиозные интересы. Благодаря этому возникли самые благоприятные предпосылки для лечения. Эти сновидения создают впечатление, будто пациент приступил к лечению с большой готовностью и с упованием на успех, совершенно готовый отбросить свою детскость и стать мужчиной. В действительности это, однако, оказалось совершенно иначе. Его сознание испытывало колебания и чувство сопротивления, а в ходе дальнейшего лечения пациент оказался даже резистентным и трудным, всегда готовым скатиться к своей прежней инфантильности. Сновидения поэтому стоят в точном противоречии с его сознательным поведением. Они движутся по прогрессирующей линии и принимают сторону воспитателя. Они, по моему мнению, со всей ясностью дают понять своеобразную функцию сновидений. Я обозначил эту функцию как компенсацию. Бессознательная прогрессивность и сознательная регрессивность составляют пару противоположностей, которые, можно сказать, уравновешивают друг друга. Воздействие воспитателя - это стрелка весов. Таким образом, сновидения оказывают педагогическим усилиям действенную помощь; одновременно они делают возможным глубокое проникновение во внутреннюю жизнь фантазий, с учетом которой сознательное поведение становится более понятным и благодаря этому доступным для воздействия. Из сказанного, вероятно, должно явствовать, что сновидения (в случае, если они проявляют себя именно таким образом) дают редкую возможность подступиться к индивидуальной жизни души. Это фактически верно во всех случаях (в той мере, в какой смысл сновидений вообще может быть раскрыт). Однако докопаться до этого смысла очень трудно. Это требует не только большого опыта и такта, но и знания. Толкование сновидений на основании какой-либо общей теории или предпосылки - вещь не только неэффективная, но и не-

надежная и вредная. С помощью легких натяжек и при допущении разных гипотез, таких, как инверсия, перестановка и т. д., якобы в качестве механизмов сновидения, можно, конечно, сконструировать какой угодно смысл. Тот же произвол имеет место и тогда, когда приступают к расшифровке иероглифов. Но прежде чем приступить к толкованию смысла сновидения, следовало бы говорить себе: "Этот сон может означать все". Он может с таким же успехом не противоречить сознанию, а даже сопутствовать ему (что, вероятно, вполне соответствует его компенсаторной функции). Есть и такие сновидения, которые словно насмехаются над каждым объяснением. Нередко максимум того, чем приходится довольствоваться,- это какое-нибудь предположение. Во всяком случае, по сей день для сновидений нет ни passe-partout
* , ни безошибочного метода, ни абсолютно удовлетворительной теории. Фрейдовскую гипотезу, согласно которой сновидения содержат в себе завуалированное исполнение сексуальных и других морально недопустимых желаний, я поддержать не могу. Поэтому я расцениваю ее применение и операции, опирающиеся на нее технически, как субъективное пристрастие. Я даже убежден в том, что при ужасающей иррациональности и индивидуальности сновидений, вероятно, вообще невозможно отыскать подходящую теорию. Но ведь никто и не говорит, что в конечном счете все могло бы быть предметом науки. Научное мышление - только одна из духовных способностей человека, которая нам дана для постижения мира. Вероятно, лучше было бы понимать сновидения как своего рода произведения искусства, нежели как материал естественнонаучного эксперимента. Первая точка зрения, как мне кажется, должна привести к лучшим результатам, потому что она больше, чем последняя, отвечает сущности сновидений. Ведь в конце концов самое важное состоит в том, чтобы нам удалось осознать бессознательную компенсацию и тем самым преодолеть односторонность и неполноту сознания. Пока действенны и полезны другие воспитательные методы, мы не нуждаемся в сотрудничестве бессознательного. Мы допустили бы опасную профес-

* Отмычки (фр.).

184

сиональную ошибку, если бы захотели заменить испытанные сознательные методы воспитания анализом бессознательного. Такой анализ должен быть строжайшим образом зарезервирован для тех случаев, где непригоден уже никакой другой метод, и тогда анализ должен проводиться только врачом или непрофессионалом при контроле и консультациях специалистов. Общие результаты этих психиатрических исследований и методов для воспитателя представляют не только чисто теоретический интерес. Они иногда оказываются чрезвычайно полезными, так как дают ему возможность разобраться в некоторых затруднительных ситуациях, что было бы невозможно без соответствующей подготовки.

185

О СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Доклад, прочитанный под названием "Die Stimme des Innern" в Культурном союзе (Вена, ноябрь 1932 г.). Опубликован в качестве раздела книги Wirklichkeit der Seele. Rascher, Zurich, 1934. Переиздания 1939 и 1947. Новое издание (в мягкой обложке) 1969.

186

В несколько вольном контексте нередко цитируют стихотворение Гёте:

HOchstes Gluck der Erdenkinder Sei nur die Pers6nlichkeit
1 ,

высказывая тем самым мнение, что самая заветная цель и самое сильное желание каждого человека состоят в том, чтобы дать раскрыться той целостности своего существа, которую обозначают понятием личность. "Воспитать личность" - это стало сегодня педагогическим идеалом (в противоположность стандартизированному коллективному, или нормальному, человеку, выдвигаемому в качестве идеала массовым большинством) в результате правильного понимания того исторического факта, что великие, освободительные деяния мировой истории исходили от передовых личностей, а не от массы, во всякое время вторичной и косной, которая даже для малейшего перемещения всегда нуждается в демагоге. Возгласами ликования приветствует итальянский народ личность дуче, другие народы стенают, оплакивая отсутствие великих фюреров
2 . Тоска по личности стала настоящей проблемой, которая занимает сегодня многие головы в противовес прежним временем, когда лишь один-единственный человек -Фридрих Шиллер предугадал этот вопрос, а его письма по эстетическому воспитанию спали непробудным литературным сном более столетия с момента их появления. Мы можем совершенно спокойно утверждать, что Священная Римская империя германской нации совсем не заметила во Фридрихе Шиллере воспитателя. Зато ftiror teutonicus
* набросился на педагогику, т. е. на воспитание детей, занялся детской психологией, откопал инфантильное во

1 Западно-восточный диван. Книга Зулейки. [Счастлив мира обитатель// Только личностью своей. (Пер. В. В, Левика.).]

2 После того как эта фраза была написана, Германия также обрела своего фюрера.

* Тевтонская ярость (лат.).

взрослом человеке и тем самым превратил детство в столь важное для жизни и судьбы состояние, что рядом с ним творческое значение и возможности зрелого возраста полностью отошли в тень. Наше время даже чрезмерно восхваляется как "эпоха ребенка". Этот безмерно разросшийся и раздувшийся детский сад равнозначен полному забвению воспитательной проблематики, гениально предугаданной Шиллером. Оспаривать или хотя бы умалять возможность младенчества никто и не собирался; слишком уж очевидны тяжкие, часто пожизненные раны, наносимые ублюдочным домашним и школьным воспитанием, и слишком неотложна необходимость разумных педагогических методов. Действительно, желая пресечь это зло в корне, нужно серьезно задаться вопросом: как же это случилось и почему сохраняется такое положение, когда применяются глупые и ограниченные методы воспитания? Ведь очевидно, что это происходит лишь потому, что существуют глупые воспитатели, которые суть не люди, а персонифицированные автоматические методы. Хочешь воспитывать будь сам воспитанным. Все еще практикуемые сегодня зубрежка и механическое применение методов не есть воспитание - ни для ребенка, ни для самого воспитателя. Беспрестанно твердят о том, что из ребенка нужно воспитать личность. Разумеется, я преклоняюсь перед этим высоким воспитательным идеалом. Однако кто призван воспитывать личность? В первую очередь и прежде всего это самые обыкновенные некомпетентные родители, которые очень часто сами на протяжении половины или даже всей жизни остаются во многом детьми. В самом деле, кто будет ждать от обыкновенных родителей того, что они - "личности", и разве кто-нибудь позаботился о том, чтобы отыскать такие методы, с помощью которых можно было бы дать родителям представление о "личности"? Поэтому, естественно, многое ожидается от педагога, от образованного специалиста, которого с грехом пополам обучили психологии, т. е. точкам зрения (по большей части различным в своей основе) на те или иные правила, по которым предположительно устроен ребенок и по которым с ним нужно обходиться. В отношении молодых людей, которые избрали педагогику своим жизненным призва-

нием, предполагается, что сами они воспитанны. То что они к тому же являются личностями, видимо, никого не интересует. Они получили в большинстве своем то же самое дефектное воспитание, как и дети, которых они, как предполагается, должны воспитывать, и они как правило, личности в такой же малой мере, как и эти дети. Наша проблема воспитания обыкновенно страдает односторонним интересом к подопечному ребенку и столь же односторонним невниманием к невоспитанности взрослого воспитателя. Всякий закончивший учебу априорно считается полностью воспитанным одним словом, взрослым. Он, более того, должен считать себя таковым, ибо должен быть твердо убежден в своей компетентности, чтобы суметь выстоять в борьбе за существование. Сомнение и чувство неуверенности оказали бы парализующее и стесняющее действие, они похоронили бы столь необходимую человеку веру в собственный авторитет и сделали бы его непригодным к профессиональной жизни. От него ожидается, что он что-то умеет и уверен в своем деле, но никак не предполагается, что он испытывает сомнения в себе и в своей состоятельности. Специалист уже неизбежно обречен быть компетентным. То, что эти состояния не идеальны, известно каждому. Но они, однако, в данных обстоятельствах - cum grano salis* - лучшее из того, что возможно. Ведь совершенно невозможно было представить себе, что они могут быть иными. В конце концов, от среднего воспитателя нельзя ожидать лучших результатов, чем от средних родителей. Если первые - хорошие специалисты, то уже этим следует довольствоваться, так же как родителями, которые стараются воспитывать своих детей как можно лучше. Высокий идеал воспитания личности не стоило бы применять к детям. Ведь то, что понимается под "личностью" вообще, а именно определенная, способная к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность, есть идеал взрослого, который предпочитают приписывать детству лишь в эпоху, когда человек еще не осо-' знает проблему своей так называемой взрослости или

когда - того хуже - сознательно от нее увиливает. Как раз наше современное педагогическое и психологическое воодушевление по поводу ребенка я подозреваю в бесчестном умысле: говорят о ребенке, но, по-видимому, имеют в виду ребенка во взрослом. Во взрослом застрял именно ребенок, вечный ребенок[3], нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании. Это - часть человеческой личности, которая хотела бы развиться в целостность. Однако человек нашего времени далек от этой целостности как небо от земли. В мрачном ощущении своей ущербности он захватывает в свои руки воспитание ребенка, вдохновляется детской психологией, теша себя мыслью, будто во время его собственного воспитания и детского развития что-то пошло вкривь и вкось и что это, конечно же, можно будет устранить в последующем поколении. Это намерение, конечно, похвально, но оно терпит фиаско из-за следующего психологического факта: я не могу исправить в ребенке те ошибки, которые я сам все еще допускаю. Дети, конечно, не столь глупы, как мы полагаем. Они слишком хорошо замечают, что настоящее, а что поддельное. Сказка Андерсена о голом короле заключает в себе бессмертную истину. Сколь многие родители заявляли мне о похвальном намерении избавить своих детей от того печального опыта, который они, очевидно, сами имели в детстве. И когда я спрашивал: <А вы уверены, что вы сами-то преодолели эти промахи?>, они совершенно убеждены в том, что их дефекты уже давнымдавно исправлены. В действительности же это было не так. Если они, будучи детьми, воспитывались слишком строго, то портили своих собственных детей толерантностью, граничащей с пошлостью; если от них в детстве досадно укрывали некоторые сферы жизни, то они столь же досадно и просветительски сообщали это своим собственным детям. Они только впали в другую крайность - сильнейшее доказательство трагического постоянства старых грехов. Это обстоятельство было ими совершенно упущено.

* С известной оговоркой (лат.).

3 СМ.: Jung und Kerinyi, DOS gStflich KInd в Einflihrung In dos Wesen der Mythologie. (Нем. издатели.)

190

Все, что мы желаем изменить в детях, следовало бы прежде всего внимательно проверить: не является ли это тем, что лучше было бы изменить в нас самих, как, например, наш педагогический энтузиазм. Вероятно, лучше направить его на себя. Пожалуй, мы не признаемся в том, что нуждаемся в воспитании, потому что это беззастенчивым образом напомнило бы нам о том, что мы сами все еще дети и в значительной мере нуждаемся в воспитании. Мне кажется, что этим сомнением безусловно стоит поделиться, если уж из детей хотят воспитать "личностей". Личность - это не зародыш в ребенке, который развивается лишь постепенно, благодаря жизни или в ее ходе. Без определенности, целостности и созревания личность не проявится. Эти три свойства не могут и не должны быть присущи ребенку, потому что с ними он был бы лишен детства. Он был бы противоестественной, скороспелой заменой взрослого. Однако таких монстров современное воспитание уже вывело, а именно в тех случаях, когда родителей одолевает настоящий фанатизм - обеспечить детей всегда и везде всем "самым лучшим" и "жить только ради них". Этот весьма популярный стереотип больше всего мешает родителям развиваться самим, и он же дает им право навязывать детям свое собственное "лучшее". Однако в действительности это "лучшее" представляет собой то, чем родители более всего пренебрегают в отношении самих себя. Детей ориентируют на то, чтобы добиваться именно того, чего не

добились родители, им навязывают амбиции, которые родители так и не смогли реализовать. Такие методы и идеалы порождают педагогических монстров. Никто не в состоянии воспитать личность, если он сам не является личностью. И не ребенок, а только взрослый может достичь этого уровня развития в качестве спелого плода жизненных свершений, направленных на эту цель. Ведь достичь уровня личности означает максимально развернуть целостность индивидуальной сущности. Нельзя упускать из виду, насколько велико число тех условий, которые должны быть выполнены ради этой цели. Здесь требуется вся человеческая жизнь со всеми ее биологическими, социальными и психоло-

гическими аспектами. Личность - высшая реализация врожденного своеобразия у отдельного живого существа. Личность - результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора. Воспитать человека таким - это, по-моему, немалое дело. Это, видимо, величайшая задача, которую взялась решать современная культура. Задача поистине столь опасная, что сам Шиллер, пророчески осмелившийся первым подступиться к этой проблематике, даже приблизительно не предчувствовал ее масштабности. Она столь же опасна, как смелый и отважный почин природы, повелевающий женщинам рожать детей. Разве не эта дерзкая прометеевская или даже люциферовская отвага толкнула сверхчеловека на сотворение в реторте гомункула, из которого впоследствии вырос какой-то Голем? И все же он сделал не больше того, что изо дня в день творит природа. Нет такой человеческой гнусности или уродства, которые не существовали бы уже во чреве любящей матери. Как солнце светит праведникам и нечестивцам, как вынашивающие и выкармливающие матери равной любовью одаряют чад божьих и детей лукавого, не думая о возможных последствиях,- так же и мы, являясь частицами этой диковинной природы, несем в себе, как и она, нечто непредсказуемое. Личность развивается в течение всей жизни человека из темных или даже вовсе не объяснимых задатков, и только наши дела покажут, кто мы есть. Мы как солнце, которое питает жизнь земли и производит всякого рода прекрасное, диковинное и дурное; мы как матери, которые носят во чреве еще неизведанное счастье и страдание. Мы не знаем наперед, какие дела и злодеяния, какая судьба, какое добро и какое зло содержатся в нас; и только осень покажет, что было зачато весною; лишь вечером станет ясно, что началось утром. Личность как полная реализация целостности нашего существа - недостижимый идеал. Однако недостижимость не является доводом против идеала, потому что идеалы - не что иное, как указатели пути, но никак не цели. Как ребенок должен развиваться, чтобы стать воспи-

тайным, так и личность должна сначала развернуться прежде чем ее можно будет начать воспитывать. И уже здесь нас подстерегает опасность. Мы ведь должны иметь дело с чем-то непостижимым, мы не ведаем, как и во что разовьется становящаяся личность, но мы достаточно научены природой и реальностью мира, чтобыобоснованно относиться к этому с недоверием. Даже христианское учение воспитало нас в вере о первородном грехе человеческой природы. Но и те, кто не придерживается христианского учения, столь же естественно недоверчивы и осторожны в отношении своих лежащих в глубине возможностей. Даже психологи-материалисты просветительского толка, такие, как Фрейд, внушают нам очень неприятную идею относительно того, что дремлет на задворках и в безднах человеческой души. Поэтому замолвить доброе слово в пользу становления личности - уже само по себе предприятие рискованное. Человеческий же дух кругом увяз в диковинных противоречиях. Мы превозносим "священное материнство" и не думаем о том, что его следует сделать ответственным за всех человеческих монстров, за уголовников, за буйно помешанных, за эпилептиков, идиотов и калек всяческих видов: ведь они тоже были рождены. Но нас охватывает сильнейшее сомнение, когда от нас требуется гарантировать человеческой личности свободное развитие. Это означает, что "тогда все

было бы возможно". Или вновь невпопад поминают словечко "индивидуализм". Но индивидуализм, однако, никогда не был результатом естественного развития, он был противоестественной узурпацией, непристойной бесстыдной позой, которая обнаруживает свою никчемность, зачастую рассыпаясь при малейшем затруднений. Речь здесь идет об ином. Ведь никто не развивает личность только потому, что ему сказали, будто это дело полезное или благоразумное. Природа еще никогда не внимала доброжелательным советам. Только каузально действующее принуждение заставляет шевелиться природу, в том числе и человеческую. Без нужды ничего не изменяется, и менее всего человеческая личность. Она чудовищно консервативна, если не сказать инертна. Только острейшая нужда в состоянии ее вспугнуть. Так и развитие личности

повинуется не желанию, не приказу и не намерению, а только необходимости-, личность нуждается в мотивирующем принуждении со стороны судеб, исходящих изнутри или приходящих извне. Всякое иное развитие было бы именно индивидуализмом. Поэтому-то упрек в индивидуализме- вульгарное оскорбление, если он направлен в адрес естественного развития личности. Слова "Многие призваны, но немногие избраны" относятся более всего именно сюда, ибо развитие личности от исходных задатков до полной сознательности это харизма и одновременно проклятие: первое следствие этого развития есть сознательное и неминуемое обособление отдельного существа из неразличимости и бессознательности стада. Это - одиночество, и по этому поводу нельзя сказать ничего утешительного. От этого не избавит никакое успешное приспособление и никакое беспрепятственное прилаживание к существующему окружению, а также ни семья, ни общество, ни положение. Развитие личности - это такое счастье, за которое можно дорого заплатить. Тот, кто более всего говорит о развертывании личности, менее всего думает о последствиях, которые сами по себе способны напрочь отпугнуть слабых духом. Однако развитие личности означает все же нечто большее, чем просто боязнь страшных последствий или одиночества: оно означает также верность собственному закону. Для передачи слова "верность" мне кажется более всего применимым греческое слово из Нового Завета, а именно itionc, которое по недоразумению было переведено как "вера". Однако оно, собственно говоря, означает доверие, доверчивую лояльность. Верность собственному закону - доверие этому закону, лояльное выжидание и доверчивая надежда, а вместе с тем установка наподобие той, которую верующий должен иметь по отношению к Богу. И здесь становится ясно, сколь чудовищно тяжкая по последствиям дилемма обнаруживается на заднем плане нашей проблемы. Ведь личность никогда не может развернуться, если человек не выберет - сознательно и с осознанным моральным решением - собственный путь. Не только каузальный мотив, необходимость, но также сознательное мораль-

7 Зак. 354

ное решение должно дать свою силу процессу личностного развития. Если первое, т. е. необходимость, отсутствует, то так называемое развитие будет простой акробатикой воли; если отсутствует последнее, а именно сознательное решение, то развитие увязнет в тупом бессознательном автоматизме. Однако решиться на собственный путь можно только в том случае, если он представляется наилучшим выходом. Если бы лучшим считался какой-нибудь другой путь, то вместо пути, подобающего личности, проживался бы и вместе с тем развивался этот другой путь. Эти другие пути суть конвенции моральной, социальной, политической, философской и религиозной природы. Тот факт, что неизменно процветают конвенции какого-нибудь вида, доказывает, что подавляющее большинство людей выбирает не собственный путь, а конвенции и вследствие этого каждый из них развивает не самого себя, а какойнибудь метод, а значит, нечто коллективное за счет собственной целостности. Как душевная и социальная жизнь

людей на первобытной ступени - это исключительно групповая жизнь при высокой степени бессознательности индивида, так и последующий процесс исторического развития, по существу, есть коллективное творчество и таковым, вероятно, останется. Поэтому я думаю, что конвенция. есть коллективная необходимость. Она - паллиатив, а не идеал ни в нравственном, ни в религиозном отношении, потому что подчинение ей всегда означает отречение от целостности и бегство от собственных окончательных выводов. На самом деле акция личностного развития - это, на взгляд постороннего, непопулярное предприятие, малоприятное уклонение от прямого пути, отщельническое оригинальничание. Поэтому неудивительно, что издавна лишь немногие додумывались до столь странной авантюры. Если бы все они были глупцами, то мы имели бы право исключить их из поля зрения нашего интереса как
* , как духовных "частных лиц". К несчастью, однако, личностями являются, как правило, легендарные герои человечества, те, кто вызывает вос-

* Частных лиц (не принимающих участия в политике) (греч.). (Отв. ред.)

хищение, любовь и поклонение, истинные чада божьи, чьи имена "не прейдут в зонах". Они - подлинный цвет и плод, семена, порождающие древо рода человеческого. Ссылка на исторические личности уже объясняет, почему становление личностью является идеалом, упрек в индивидуализме - оскорблением. Величие исторической личности всегда состояло не в ее безоговорочном подчинении конвенции, но, напротив, в спасительной для нее свободе от конвенции. Они как вершины гор возвышались над массой, которая цеплялась за коллективные страхи, убеждения, законы и методы, и выбирали собственную стезю. И заурядному человеку всегда представлялось диковинным, что некто вместо одного из проторенных путей и известных целей предпочитает крутую и узкую тропу, которая ведет в неизвестное. Поэтому такого человека всегда почитали если не помешанным, то одержимым демоном или богом; ибо это чудесное событие - некто сумел иначе сделать то, что издавна делало человечество,- можно объяснить не иначе как наделенностью демонической силой или божественным духом. Что иное, в конце концов, могло бы компенсировать огромный перевес всего человечества и вековой привычки, если не бог? Поэтому с давних пор герои обладали демоническими атрибутами. Согласно представлениям древних скандинавов, у них были змеиные глаза; их рождение или происхождение было необыкновенным. У некоторых древнегреческих героев были змеиные души, у других - индивидуальный демон; они были колдунами или божьими избранниками. Все эти атрибуты, которые легко можно было бы приумножить, свидетельствуют о том, что выдающаяся личность для заурядного человека предстает как сверхъестественное явление, которое можно объяснить только присутствием демонического фактора. Что же побуждает человека избрать собственный путь и таким образом вырваться, как из пелены тумана, из бессознательного тождества с массой? Это не может быть нуждой, потому что нужда приходит ко всем, и все спасаются конвенциями. Это не может быть и моральным выбором, потому что люди, как правило, выбирают конвенции. Что же тогда неумолимо склоняет выбор в пользу необыкновенного?

Это то, что зовется предназначением; некий иррациональный фактор, который фатально толкает к эмансипации от стада с его проторенными путями. Настоящая личность всегда имеет предназначение и верит в него; имеет к нему pistis, как к богу, хотя это - как, вероятно, сказал бы заурядный человек - всего лишь чувство индивидуального предназначения. Это предназначение действует, однако, как божественный закон, от которого невозможно уклониться. Тот факт, что очень многие погибают на собственном пути, ничего не значит для того, у кого есть предназначение. Он должен повиноваться собственному закону, как если бы это был демон,

который соблазнял его новыми, странными путями. Кто имеет предназначение, кто слышит голос глубин, тот обречен. Поэтому, по преданию, он имеет личного демона, советы которого ему следует выполнять. Всем известный пример такого рода - Фауст, а исторический факт - daimonion
* Сократа. Первобытные шаманы обладают духами змей, так же как Аслепий, покровитель врачей, которого в Эпидавре изображали в виде змеи. Кроме того, в качестве его личного демона выступал кабир Телесфор, который ему, видимо, читал вслух, т. е. внушал, рецепты. Первичный смысл выражения "иметь предназначение" гласит: быть вызванным неким голосом
** . Прекрасные тому примеры можно найти в свидетельствах ветхозаветных пророков. То, что это не просто архаичный fa^on de parler, доказывают исповеди исторических личностей - таких, как Гёте и Наполеон (если ограничиться лишь двумя напрашивающимися примерами), которые не скрывали своего чувства предназначенности. Предназначение или чувство предназначенности это прерогатива не только великих людей, но и обычных, вплоть до дюжинных; разница лишь в том, что вместе с убыванием величины предназначение становится все более туманным и бессознательным, словно голос внутреннего демона все больше и больше отдаляется, говорит все реже и невнятнее. Ведь чем меньше

* Даймон, демон (греч.).
** По-немецки слова "предназначение" (Bestimmung) и "голос" (Stirnme) образованы от одного корня.

масштаб личности, тем в большей степени она неопределенна и бессознательна, пока, наконец, она не исчезает, становясь неотличимой от социальности и поступаясь из-за этого собственной целостностью, и взамен растворяется в целостности группы. Место внутреннего голоса заступает голос социальной группы и ее конвенций, а место предназначения - коллективные потребности. Однако многие, будучи в этом бессознательном социальном состоянии, откликаются на призыв индивидуального голоса, из-за чего тут же выделяются среди прочих и чувствуют себя поставленными перед проблемой, о которой другие не ведают. В большинстве случаев невозможно объяснить ближнему, что же случилось, потому что рассудок плотно замурован сильнейшими предрассудками. "Как все другие", "ничего подобного нет", а если "подобное" происходит, то оно, конечно, считается "болезненным", а кроме того, в высшей степени нецелесообразным: "Думать, что это могло бы иметь значение, есть чудовищная заносчивость"; "Это ведь не более чем психология". Именно последний довод является ныне самым популярным. Он возникает из редкостной недооценки психического, которое ошибочно рассматривается как нечто подверженное личностному произволу, а потому совершенно ничего не значащее,- это звучит парадоксально при всеобщем воодушевлении психологией. А бессознательное - это "не более чем фантазия"! Все это "придумано" и т. д. Дело представляется так, словно маги то заколдовывают, те) расколдовывают психику и вообще вертят ею как хотят. Неудобное отрицается, а нежелательное сублимируется, пугающее разъясняется, заблуждения исправляются - в итоге же считается, что теперь все отменно уладилось. При этом упускается главное, а именно что психическое совпадает с сознанием и его фокусами лишь немного; гораздо большая его часть - это бессознательная данность, твердая и тяжелая, как несокрушимый и неподвижный гранит, который покоится, но может обрушиться на нас, как только это заблагорассудится неведомым законам. Гигантские катастрофы, которые угрожают нам,- это не стихийные события физической или биологической природы, а события психические. Нам в ужасающей мере грозят войны и революции, ко-

торые суть не что иное, как психические эпидемии. Во всякое время какая-нибудь химера может овладеть миллионами людей, и тогда вновь разразится либо мировая война, либо

опустошительная революция. Вместо того чтобы ждать опасности от диких зверей, обвалов и наводнений, человеку сегодня приходится опасаться стихийных сил своей психики. Психическое - это огромная сила, которая многократно превосходит все силы на свете. Просвещение, обезбожившее природу и человеческие установления, обошло своим вниманием только бога ужаса, который обитает в душе. Страх божий уместен более всего именно тут, перед лицом сверхмогущества психической стихии. Но все же это лишь абстракции. Всем известно, что шельмец-интеллект способен высказаться об одном и том же и так, и совсем по-другому. Иное дело, если объективное, твердое как гранит и тяжелое словно свинец психическое встает на пути человека как его внутренний опыт и внятно говорит ему: "Так будет, и так быть должно". Тогда он чувствует свое предназначение - как и социальные группы, когда речь идет о войне, революции или прочем безумии. Неслучайно именно наше время взывает к спасительной личности, т. е. к тому, кто ускользает от неизбежной власти коллективности и тем самым по крайней мере психически освобождает себя, зажигая для других обнадеживающий свет маяка, который возвещает о том, что по меньшей мере одному удалось избежать рокового отождествления с групповой душой. Ведь группа, именно из-за своей бессознательности, не обладает никаким свободным выбором, благодаря чему психическое действует в ней как ничем не ограниченный природный закон. Возникает каузально обусловленный процесс, останавливающийся только с катастрофой. Народ всегда тоскует по героюдраконоборцу, когда чувствует опасность психического,- отсюда вопль по личности. Что, однако, за дело отдельной личности до нужды многих? Ведь она прежде всего часть народного целого и отдана на произвол той власти, которая движет этим целым, как и все прочие. Единственное, что отличает этого человека от всех прочих,- его предназначение. То самое властное, всеподавляющее психическое, кото-

рое есть его рок и рок его народа, взывает к нему. Если он и повинуется голосу, то он отделен и изолирован, потому что решился следовать закону, который пришел к нему из глубин. "Его собственному закону!" - воскликнут все. Но только он знает это лучше, должен знать это лучше: этот закон, это предназначение столь же мало его "собственное", как и лев, который его сокрушает, хотя убивающий его зверь, несомненно, этот лев, а не какой-нибудь другой. Только в этом смысле он может говорить о "своем" предназначении, "своем" законе. Уже своим решением - проложить собственный путь поверх всех других - он более чем наполовину выполнил свое освободительное предназначение. Он счел для себя несуществующими все другие пути. Свой закон он поставил выше всех конвенций и таким образом отстранил от себя все, что не только не препятствовало величайшей опасности, но даже навлекло ее. Ведь конвенции сами по себе - бездушные механизмы, способные лишь на то, чтобы охватывать рутину жизни. Однако творческая жизнь всегда лежит по ту сторону конвенций. Отсюда следует, что если голая рутина жизни господствует в форме стародавних конвенций, то должен произойти разрушительный прорыв творческих сил. Однако этот прорыв катастрофичен только как массовое явление, но никогда не бывает таким для индивида, который сознательно подчиняется этим высшим силам и ставит им на службу свои способности. Механизм конвенции держит людей бессознательными, потому что тогда они могут пойти по старой дорожке, не ощущая необходимости принимать сознательное решение. Это неожиданное воздействие неминуемо даже для лучшей конвенции, однако представляет собой все столь же страшную опасность. Потому что, как и у животного, у человека, остающегося бессознательным благодаря рутине, наступает паника (со всеми ее непредвиденными последствиями), когда возникают новые обстоятельства, не предусмотренные старыми конвенциями. Личность, однако, может не поддаться панике тех, кто уже пустился наутек, потому что она уже пережила ужас. Она доросла до понимания нового и стала (ненамеренно и невольно) лидером.

Конечно, все люди похожи друг на друга, в противном случае они не впадали бы в одно и то же безумие; и, наверное, психическое основание, на котором покоится индивидуальное сознание, универсально-однородно, иначе люди никогда не смогли бы друг друга понять. Потому-то и в этом смысле тоже личность и ее своеобразный душевный склад не являются чем-то абсолютно неповторимым и единственным в своем роде. Неповторимость важна только для индивидуальности личности, как она важна для всякой индивидуальности. Стать личностью - это вовсе не прерогатива гениального человека. Да, он может быть гениальным, однако он не обязательно будет личностью. Поскольку каждый индивид имеет свой собственный, данный ему от рождения закон жизни, постольку у каждого есть теоретическая возможность следовать прежде всего этому закону и таким образом стать личностью, т. е. достичь целостности. Но так как все живое существует только в форме живых особей, т. е. индивидов, то и закон жизни в конечном счете нацелен на индивидуально проживаемую жизнь. Хотя объективно-психическое (которое, в сущности, и нельзя помыслить иначе как универсальную однородную данность) означает одну и ту же психическую предпосылку для всех людей, оно все же должно индивидуироваться, потому что у него нет другого выбора, кроме выражения себя через отдельного индивида. Иначе оно охватит группу и затем естественным образом приведет к катастрофе - и лишь по той простой причине, что действует только бессознательно, не ассимилируется сознанием и подчиняется всем другим, уже имеющимся условиям жизни. Только тот, кто сознательно может сказать "да" силе предстающего перед ним внутреннего предназначения, становится личностью; тот же, кто ему уступает, становится добычей слепого потока событий и уничтожается. В том и состоит величие и искупительный подвиг всякой настоящей личности, что она добровольно приносит себя в жертву своему предназначению и осознанно переводит в свою индивидуальную действительность то, что могло бы привести только к погибели, продолжая жить бессознательною жизнью в группе. Один из блистательнейших примеров жизни и смыс-

ла личности, который нам сохранила история,- жизнь Христа. Антипод римской мании величия, которая была свойственна не только Цезарю, но и каждому римлянину - "civis Romanus sum"
* ,- возник в христианстве, которое, заметим между прочим, было единственной религией, действительно подвергавшейся преследованиям со стороны римлян. Противоречие обнаруживало себя везде, где бы ни сталкивались друг с другом культ цезарей и христианство. Однако, как мы знаем по свидетельствам Евангелий о душевном становлении личности Христа, это противоречие играло решающую роль также в душе основоположника христианской религии. История с искушением отчетливо показывает нам, с какой психической силой столкнулся Христос: это была дьявольская сила той современной ему психологии, которая в пустыне вводила его в серьезное искушение. Этим дьяволом было объективно-психическое, которое держало под своими чарами все народы Римской империи; потому-то он и обещал Иисусу все царствие земное, как бы намереваясь сделать его Цезарем. Следуя внутреннему голосу, своему предназначению и призванию, Иисус добровольно подверг себя припадку имперского безумия, которое владело всеми - и победителями и побежденными. Тем самым он познал природу объективно-психического, повергшего весь мир в страдание и вызвавшего страстное желание избавления, которое нашло выражение w у языческих писателей. Он не подавлял этот душевный припадок, которому подвергся сознательно, но и ему не дал себя подавить, а ассимилировал его. И так повелевающий миром Цезарь трансформировался в духовное царство, а imperium Romanum
** - в универсальное и неземное Царствие Божье. Там, где весь еврейский народ ожидал в качестве мессии столь же имперского, сколь и политически всесильного героя, Христос выполнил мессианское предназначение не столько для своей нации, сколько для романского мира, и указал человечеству на древнюю истину: там, где господствует сила, нет любви, а там, где господствует любовь, сила не имеет значения.

Религия любви была точной психологической контрмерой против римского шабаша силы. По-видимому, пример христианства лучше всего иллюстрирует мои предшествующие абстрактные доводы. Мнимо уникальная жизнь Христа стала священным символом потому, что она является психологическим прототипом единственного вида осмысленной жизни, а именно той жизни, которая устремлена к индивидуальному, т. е. абсолютному и безусловному осуществлению свойственного ей закона. В этом смысле вместе с Тертуллианом можно воскликнуть: "Anima naturaliter Christiana"
* . Обожение Иисуса, так же как Будды, не удивляет, но убедительно свидетельствует о том чрезвычайном почтении, с которым человечество относится к этим героям, а тем самым к идеалу становления личности. Если сегодня и кажется, будто слепое и разрушительное преобладание бессмысленных коллективных сил вытеснило идеал личности на задний план, то это лишь преходящее неповиновение превосходящей силе истории. Если однажды - благодаря революционным, неисторическим, а потому и некультурным наклонностям новейшей генерации - традиция оказалась сильно подорванной, то герои все равно ищутся и находятся. Даже большевизм, радикализм которого не оставляет желать лучшего, забальзамировал Ленина, а из Карла Маркса сделал спасителя. Идеал личности - неискоренимая потребность человеческой души, которая защищает его с тем большим фанатизмом, чем более он неуклюж. Даже культ цезарей был превратно понятым культом личности, а современный протестантизм, критическая теология которого все больше и больше ведет к упразднению божественности Христа, нашел свое последнее прибежище в личности Христа. Да, великие и таинственные дела творятся вокруг того, что называют "личностью". Все, что можно об этом сказать, всегда на удивление неудовлетворительно и неадекватно и всегда чревато тем, что дискуссия заглохнет в сколь чрезмерной, столь и пустой болтовне. Даже понятие "личность" в обычном словоупотребле-

* "Душа по природе христианка" (лат.).

нии столь расплывчатое и с таким трудом поддающееся определению слово, что едва ли найдутся двое, которые вкладывают в него один и тот же смысл. Когда я здесь предлагаю определенный подход, то не воображаю, будто тем самым сказал последнее слово. Я хотел бы все то, что здесь сказано, рассматривать только как попытку приблизиться к проблеме личности, не притязая на ее решение. Собственно, я охотнее толковал бы свою попытку как описание психологической проблемы личности. Обычные психологические приемчики и припарки дают здесь небольшую осечку, точно так же как и в проблеме гениальности и творчества. Апелляция к семейной наследственности или среде и вовсе не удается: столь любимый сегодня романтизм детства теряется, мягко говоря, в чем-то ему несвойственном; попытка искать объяснение в нужде - "нет денег, болел" и т. д.- увязла в чем-то внешнем. Всюду привходит нечто иррациональное и нерационализируемое - какиенибудь deus ex machina
* или asylum ignorantiae
** , эта пресловутая кличка бога. Кажется, проблема здесь посягает на сверхчеловеческую область, которой уже давным-давно было присвоено какое-либо божественное имя. Очевидно, мне следовало бы упомянуть о голосе глубин, о предназначении и обозначить его как всесильное объективно-психическое, чтобы охарактеризовать его в соответствии с его действием в становящейся личности, а иногда как субъективное проявление. Мефистофель персонифицирован в "Фаусте" не только потому, что драматически или сценически это выгоднее, чем если бы Фауст сам себя поучал или изображал на стене своего собственного беса. Первые слова "Посвящения": "Вы снова близко, реющие тени"
*** - не просто эстетический эффект. Это как бы конкретизация дьявола, признание объективности психического опыта; едва слышная исповедь в том, что это все-таки именно так и было, само по себе, а не по субъективному желанию, опасению или благоусмотрению. Конечно, только глупец, вероятно, может здесь подумать о привидениях,

* Бог из машины (лат.).
** Прибежище неведения (лат.).
*** Пер. В. В. Набокова. (Отв. ред.)

204

однако, сдается, некое подобие первобытного глупца всегда ждет своего часа под поверхностью разумного будничного сознания. Отсюда вечное сомнение: является ли видимое объективно-психическое действительно объективным, или в конце концов это только химера? Однако тотчас возникает вопрос: вообразил ли я нечто такое намеренно, или оно мне вообразилось? Эта проблема подобна проблеме невротика, который страдает воображаемой карциномой. Он знает - ему сто раз говорили,- что это фантазия, и он, напуганный, спрашивает меня: "А как же случилось, что я себе навоображал невесть что? Я ведь этого не хочу". Ответ таков: идея карциномы вообразилась ему без его ведома и без его дозволения. Причина этого в том, что в его бессознательном имеет место психический рост, "разбухание", которое он не в состоянии осознать. От этой внутренней деятельности он испытывает страх. Но так как он совершенно убежден в том, что внутри, в его собственной душе не может быть ничего, чего он не знал бы, то он должен этот страх перенести именно на телесную карциному, о которой он знает, что ее не существует. И, несмотря на это знание, он будет продолжать бояться, даже если сотни врачей станут его уверять, что страх совершенно беспочвен. Итак, невроз - это защита против объективной внутренней деятельности души или дорого оплаченная попытка уклониться от внутреннего голоса, т. е. от предназначения. Ведь это "разбухание" - та самая объективная, независимая от сознательного произвола деятельность души, которая внутренним голосом хотела бы сказать нечто сознанию, чтобы привести человека к целостности. За невротическим вывихом кроется предназначение, судьба и становление личности, полное осуществление жизненной воли, данной индивиду от рождения. Человек без amor fati
* - невротик; он теряет себя и никогда не сможет сказать вместе с Ницше: "Человек никогда не сможет подняться выше, если он не знает, куда приведет его судьба"
4 .

4 В англо-американском собрании сочинений это выражение приписывается Кромвелю. (Нем. издатели.)
* Любви к судьбе (лат.).

205

По мере того как человек, изменяя собственному закону, упускает возможность стать личностью, он теряет смысл своей жизни. По счастью, снисходительная и долготерпеливая природа никогда не вкладывала фатальный вопрос о смысле жизни в уста большинства людей. А если никто не спрашивает, не нужно и отвечать. Страх карциномы у невротика правомерен, это не фантазия, а последовательное выражение того душевного факта, который существует во внесознательной области, недоступной воле и разуму. Если бы он остался наедине с собой и прислушался в одиночестве к своим глубинам, то, возможно, ему захотелось бы внять этому голосу. Однако образованный, культурный, человек, как правило, совершенно не способен к восприятию этого голоса, если за него не ручается какое-нибудь учение. Дикари приспособлены к этому в значительно большей мере, во всяком случае, шаманы умеют, поскольку это даже относится к их профессиональному оснащению, говорить с духами, деревьями, животными, а это означает, что в таких обличьях им является объективно-психическое, душевное не-Я. Так как невроз - это нарушение в развитии личности, то мы, психотерапевты, вынуждены уже в силу профессиональной необходимости иметь дело с кажущейся неактуальной проблемой личности 'и внутреннего голоса. В практической психотерапии эти факты душевной жизни - некогда столь неопределенные и столь часто вырождавшиеся в пустословие - выступают из мрака

неизвестности и становятся видимы. Однако это крайне редко происходит спонтанно, как у ветхозаветных пророков: как правило, те психические ситуации, которые вызывают расстройство, должны подвергнуться тягостному осознаниванию. Обнаруживающиеся содержания вполне соответствуют "голосу глубин" и означают судьбоносное предназначение, которое - если сознание его принимает и включает в себя - приводит к развитию личности. Как великая личность оказывает социально разрешающее, избавляющее, преобразующее и целительное действие, так и рождение собственной личности обладает целительным воздействием на индвида, словно поток,

206

затерявшийся в заросших илом притоках, вдруг снова нашел свое русло или убран прочь камень, лежавший' на пускающем ростки семени, которое может теперь пуститься в рост. Голос глубин - это голос более полной жизни, более полного и объемного сознания. Поэтому в мифологическом смысле рождение героя или символическое возрождение совпадают с восходом солнца: ведь становление личности равнозначно приращению сознания. По этой причине большинство подобных героев обладают солнечными атрибутами, а момент рождения их великой личности называется просветлением. Боязнь, которую ощущает большинство обычных людей перед .голосом глубин, не столь уж детская, как можно подумать. Содержания, предстающие перед ограниченным сознанием, как показывает классический пример жизни Христа или столь же характерное переживание Мары в легенде о Будде, отнюдь не безвредны, но, как правило, несут с собой опасность, которая специфична для затронутого ими индивида. То, что доносит до нас голос глубин, есть, как правило, нечто недоброе, даже злое. Так и должно быть - прежде всего потому, что обыкновенно человек в отношении своих добродетелей не так бессознателен, как в отношении своих пророков, а кроме того, потому что от добра он страдает меньше, чем от зла. Внутренний голос доносит до сознания (о чем я уже говорил) то, чем страдает целое, т. е. народ (к которому принадлежит каждый) или человечество, частью которого мы являемся. Однако он представляет это зло в индивидуальной форме, так что поначалу даже можно подумать, будто это зло лишь индивидуальное свойство характера. Внутренний голос доносит зло с такой соблазнительной убедительностью для того, чтобы люди поддались ему. Если ему хоть немного не поддаются, то это воображаемое зло оставляет нас равнодушными, и тогда невозможно ни обновление, ни исцеление. (Я называю зло внутреннего голоса "мнимым", что звучит слишком оптимистично.) Если Я полностью уступает внутреннему голосу, то его содержания действуют так, как если бы они были дьяволом, т. е. следует катастрофа. Если же Я уступает лишь отчасти и может спастись от полной поглощен-

207

ности путем утверждения самости, то оно может ассимилировать внутренний голос, и тогда окажется, что зло было лишь злой видимостью, а в действительности носителем блага и просветления. "Люциферическим" в самом исконном и недвусмысленном значении этого слова является внутренний голос, и потому он ставит человека перед радикальными моральными решениями, без которых он никогда не придет к осознанности и не сможет стать личностью. Часто в голосе глубин бывают парадоксально смешаны самое низкое и самое высокое, самое лучшее и самое гнусное, самое истинное и самое ложное. Такое смешение внезапно распахивает бездну смятения, обмана и отчаяния. Конечно, смешно, когда голос всеблагой и всеразрушительной природы обличают в злодействе. Если она кажется нам преимущественно злой, то это идет главным образом от старой истины: лучшее - враг хорошего. Было бы глупо пренебрегать традиционным благом, пока это еще возможно. Но, как говорит Фауст:

Wenn wir zum Guten dieser Welt gelangen, Dann heifit das Bess're Trug und Wahn!
*

Хорошее, к сожалению, не вечно остается хорошим, ибо иначе не было бы ничего лучшего. Если придет лучшее, то хорошее должно отступить. Потому-то Майстер Экхарт и говорит: "Бог не хорош, ибо иначе он мог быть лучшим". Поэтому в мировой истории бывают эпохи (к которым следовало бы причислить и нашу), когда доброе должно отступить, и тогда появляется то, что обречено стать лучшим, но поначалу считается злым. Насколько вообще опасно касаться этой проблемы, свидетельствует сказанное ранее; ведь как легко может одолеть зло, если просто заявить, будто оно как раз и есть потенциально лучшее! Проблематика внутреннего голоса полна скрытых ловушек и капканов. Это очень опасная и скользкая область, столь же опасная и шаткая, как и сама жизнь, если она отказывается от помочей. Кто, однако, не может поставить свою жизнь на кон, тот и

* Буквально: "Мы достигаем на земле хорошего означать обман и иллюзию". (Отв. ред.)

не выиграет ее. Рождение и жизнь героя всегда под угрозой. Змеи Геры, угрожающие младенцу Гераклу, питон, который намеревается погубить Аполлона, бога света, при рождении, вифлеемское истребление младенцев - типичные примеры. Становление личности это риск; и трагично, что именно демон внутреннего голоса означает одновременно и величайшую опасность, и необходимую помощь. Это трагично, но логично. Это естественно. Можно ли поэтому ставить в вину человечеству, всем благонамеренным пастухам стада и заботливым отцам детских стай, когда они возводят защитные стены, сооружают действенные образцы и указывают торные пути, которые на самом деле извиваются вокруг пропастей? В конечном итоге героем, вожаком и спасителем является как раз тот, кто открывает новый путь к большей безопасности. Ведь все могло бы остаться по-старому, если бы этот новый путь не стал настоятельной необходимостью и не был открыт; человечество не нашло бы новый путь, если бы не претерпело всех казней египетских. Неоткрытый путь в нас - нечто психически живое, что классическая китайская философия называет "дао", уподобляя водному потоку, который неумолимо движется к своей цели. Быть в дао означает совершенство, целостность, исполненное предназначение, начало и цель, а также полное осуществление смысла земного бытия, от рождения присущего вещам. Личность - это дао.

БРАК КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

Впервые опубликовано в Das Ehe-Buch. Eine neue Sinngebung im Zusammenklang der Stimmen fuhrender Zeitgenossen. Hg. von Graf Hermann Keyserling. Kampmann.Celle, 1925. Позднее как отдельная статья в Seelenprobleme der Gegenwart. Rascher, Zurich, 1931. Новое издание (в мягкой обложке) 1969.

В качестве психологического отношения брак представляет собой сложное образование. Он слагается из целого ряда субъективных и объективных данных, которые отчасти имеют гетерогенную природу. Так как в своем докладе я хотел бы ограничиться психологической проблемой брака, то я, по существу, должен исключить объективные данные правовой и социальной природы, хотя эти факты оказывают значительное влияние на психологическое отношение между супругами. Говоря о психологическом отношении, мы всегда предполагаем сознание. Такого

психологического отношения между двумя людьми, когда оба находятся в бессознательном состоянии, не существует. С психологической точки зрения они были бы совершенно несоотносимы друг с другом. С какой-нибудь иной точки зрения, например с физиологической, они, возможно, и находятся в некоем отношении, хотя это отношение вряд ли можно назвать психологическим. Разумеется, речь не идет о господстве тотальной бессознательности, но все же частичная бессознательность изрядных масштабов имеет место. В той мере, в какой она существует, ограничено и психологическое отношение. У ребенка сознание возникает из глубин бессознательной душевной жизни вначале отдельными островами, которые лишь постепенно объединяются в "континент", в связное сознание. Процесс прогрессирующего духовного развития означает расширение сознания. В то самое мгновение, когда возникает связное сознание, появляется возможность психологического отношения. Сознание, насколько мы можем об этом судить,- всегда Я-сознание. Для того чтобы мне самому быть сознательным, я должен уметь отличать себя от других. Только там, где есть такое отличие, может состояться отношение. Даже если различия в общем появились, обычно этого явно недостаточно, так как, вероятно, еще остаются бессознательными весьма обширные области ду-

шевной жизни. Что касается бессознательных содержаний, то там не происходит никакого различения, а потому в их области нельзя получить также и никакого отношения; здесь еще господствует исходное бессознательное состояние - состояние первобытного тождества Я с другими, т. е. полнейшая безотносительность. Молодой человек в брачном возрасте, правда, обладает Я-сознанием (девушка, как правило, в большей степени, чем юноша), но с тех пор, как он вынырнул из тумана изначальной бессознательности, прошло еще совсем немного времени. Поэтому в его психике есть широкие зоны, которые все еще лежат в тени бессознательности и которые настолько, насколько они велики, не способствуют установлению психологического отношения. Практически это значит, что молодому человеку дана возможность неполного понимания как других, так и самого себя, поэтому он не может быть удовлетворительно осведомлен о мотивах других людей, в том числе и о своих собственных. В большинстве случаев он поступает, как правило, под влиянием бессознательных мотивов. Естественно, субъективно ему кажется, что он очень сознателен; поэтому постоянно переоцениваются соответствующие сознательные содержания; большим и потрясающим открытием является и всегда остается то, что нечто, почитаемое нами за окончательно достигнутую вершину, в действительности только низшая ступень очень высокой лестницы. Чем больше сфера бессознательности, тем меньше может идти речь о свободном выборе супруга; в период влюбленности это субъективно дает о себе знать как отчетливо воспринимаемая неизбежность судьбы. Там, где влюбленности нет, такая "неизбежность" все же может существовать, но, конечно, в менее приятной форме. Бессознательные мотивации имеют как личностную, так и всеобщую природу. Прежде всего это мотивы, вызванные родительским влиянием. В этом смысле для молодого человека определяющим является отношение к матери, а для девушки - к отцу. В первую очередь это степень связанности с родителями, которая бессознательно влияет на выбор супруга, поощряя или затрудняя его. Сознательная любовь к отцу или матери способствует выбору супруга, сходного с отцом или ма-

терью. Бессознательная связанность (которая сознательно в виде любви отнюдь не выступает), напротив, усложняет такой выбор и вызывает своеобразные модификации. Чтобы это понять, нужно в первую очередь знать, откуда проистекает эта бессознательная связанность с родителями и при каких обстоятельствах она принудительно модифицирует или даже препятствует сознательному выбору. Как правило, вся жизнь, которую могли бы прожить, но не прожили родители (руководствуясь искусственными мотивами), передается детям по наследству в превращенной форме, т. е. последние бессознательно принуждаются к такому течению жизни,

которое должно компенсировать несбывшееся в жизни родителей. Поэтому у сверхнравственных родителей бывают так называемые безнравственные дети, у безответственных и опустившихся отцов - охваченные болезненным честолюбием сыновья и т. д. Самые скверные последствия имеет искусственная бессознательность родителей. Например, мать, которая искусственно ведет себя бессознательно так, чтобы не разрушить видимость хорошего брака, бессознательно приковывает к себе сына - в известной мере в качестве замены мужу. Тем самым она подталкивает сына если не всегда прямиком к гомосексуальности, то к другим модификациям выбора, которые, собственно, ему несвойственны. Он, например, возьмет в жены девушку, которая явно уступает его (сына) матери и таким образом не может с ней конкурировать, или подпадает под влияние какой-либо женщины с тираническим и высокомерным характером, которая в какой-то степени станет отрывать его от матери. Если инстинкт не изуродован, то выбор супруга может остаться свободным от этих влияний, но все же они - раньше или позже - станут ощутимыми помехами. Более или менее инстинктивный выбор является, по-видимому, наилучшим с точки зрения поддержания рода, но с психологической точки зрения далеко не всегда бывает счастливым, так как между чисто инстинктивной и индивидуально развитой личностью зачастую имеется большая разница. В таком случае - при чисто инстинктивном выборе - можно, конечно, улучшить или освежить расу, уничтожив при этом индивидуальное счастье. (Понятие инстинкта, разумеется, не

что иное, как собирательное понятие для всех возможных органических и душевных фактов, природа которых нам по большей части неизвестна.) Если индивид мыслится только как инструмент сохранения рода, то чисто инстинктивный выбор супруга, конечно же, самый лучший. Но так как основания этого выбора бессознательны, то на нем могут основываться только отношения неличностного вида, как это очень хорошо заметно, например, у дикарей. Если там вообще можно говорить об "отношении", то это только блеклая, дистантная связь, имеющая ярко выраженную неличностную природу, которая полностью регулируется установившимися привычками и предрассудками,- образец всякого конвенционального брака. Пока брак детей устраивается не рассудком, хитростью или так называемой заботливой родительской любовью и пока у детей не изуродован первобытный инстинкт - либо в результате неправильного воспитания, либо в результате скрытого влияния родительских комплексов (подавленных и оставленных в наследство),- выбор супруга будет исходить в основном из бессознательной, инстинктивной мотивации. Бессознательность приводит к неразличимости, бессознательному тождеству. Практическим следствием будет то, что один станет предполагать у другого наличие психической структуры, сходной со своей собственной. Нормальная сексуальность как общее и кажущееся обоюдным переживание усиливает чувство единства и тождества. Это состояние обозначается как совершенная гармония и оценивается как великое счастье ("Одно сердце и одна душа"); и, конечно, по праву, так как возврат к первоначальному состоянию бессознательности и беспамятного единства есть как бы возврат в детство (отсюда ребяческие выходки всех влюбленных). Более того, это как бы возврат в материнское лоно, в чреватое возможностями море еще бессознательной творческой полноты. Да, это истинное - и этого нельзя не признать переживание божества, которое, овладев человеком, гасит и поглощает все индивидуальное в нем. Это подлинное причащение жизни к неличностной судьбе. Своеволие, настаивающее на своем, разрушается, женщина становится матерью, мужчина - отцом, и оба ли-

шаются свободы, становясь орудиями продолжающейся жизни. Психологическое отношение пребывает в пределах очерченных биологическим инстинктом сохранения рода. Так как эта цель имеет коллективную природу, то в соответствии с ней и психологическое отношение супругов друг к другу имеет преимущественно коллективную природу, а потому в психологическом смысле не может рассматриваться как индивидуальное отношение. О таковом мы можем говорить лишь

тогда, когда познана природа бессознательной мотивации, а исходное тождество в значительной мере преодолено. Брак редко превращается в индивидуальное отношение гладко и бескризисно. Не бывает безвольного осознанивания. Путей, ведущих к осознаниванию, много, но все они подчиняются некоторым законам. Обыкновенно превращение начинается с достижением зрелости во второй половине жизни. Середина жизни - это время, наиболее важное в психологическим отношении. Ребенок начинает свою психологическую жизнь в тесноте, в волшебном кругу матери и семьи. По мере прогрессирующего созревания расширяются горизонт и сфера собственного влияния. Надежды и планы связываются с расширением сферы личной власти и обладания, жажда мира усиливается все больше. Воля индивида становится все более тождественной естественным целям бессознательной мотивации. Таким образом человек как бы вдыхает в вещи свою жизнь, и вот они наконец начинают жить сами по себе и размножаются, незаметно его перерастая. Дети опережают своих матерей, мужчин - их творения; то, что родилось в муках и, может быть, на пределе сил, остановить уже невозможно. То, что поначалу было страстью, потом становится обязанностью и, наконец, непереносимой ношей, вампиром, который высосал жизнь из своего творца. Середина жизни момент максимального развертывания, когда человек делает свое дело с полной отдачей и крайним напряжением воли. Однако в этот момент начинается закат, наступает вторая половина жизни. Страсть предстает в другом свете и называется теперь обязанностью, желание неумолимо становится долгом, а изгибы пути, которые прежде несли с собой неожиданности и откры-

тия, становятся привычными. Вино перебродило и начинает отстаиваться. Если все идет хорошо, развиваются консервативные наклонности. Вместо того чтобы вглядываться вперед, человек все чаще непроизвольно оглядывается и начинает отдавать себе отчет о том, каким путем шла прежняя жизнь. Он пытается докопаться до своей подлинной мотивации и делает неожиданные открытия. Критическое отношение к себе и к своей судьбе позволяет ему распознать собственное своеобразие. Однако такое знание не дается даром. Оно приходит только в результате мощных потрясений. Так как цели второй половины жизни иные, нежели первой, то из-за слишком долгой задержки на этапе юношеской установки возникает раздвоение воли. Сознание толкает вперед, повинуясь в какой-то мере своей собственной деятельности, бессознательное тянет назад, так как сила и внутренняя воля к дальнейшему растяжению исчерпаны. Этот разлад с самим собой порождает недовольство, и так как свое собственное состояние не осознается, то, как правило, причины проецируются на супруга. Из-за этого возникает конфликтная атмосфера, непременное предусловие для осознанивания. Правда, это состояние у супругов начинается, как правило, не одновременно. Даже наилучший брак не в состоянии абсолютно сгладить индивидуальные различия так, чтобы состояния супругов стали совершенно идентичны. Обычно в браке кто-то переживает это состояние первым. Один из супругов, имеющий в основе положительное отношение к родителям, приспосабливается к другому с меньшими трудностями или вовсе без них; второму, напротив, будет мешать глубокая бессознательная связь с родителями. Поэтому он достигнет полного приспособления позже, и так как это приспособление досталось тяжелее, то его, вероятно, будет держаться дольше. Различия в темпах, с одной стороны, н объем духовной личности - с другой, суть причины типичной трудности, которая обнаруживает себя в критический момент. Я не хотел бы, чтобы возникло впечатление, будто под большим "объемом духовной личности" я всегда понимаю особенно богатую или великодушную натуру. Это вовсе не так. Под этим я понимаю скорее известную

сложность духовной природы, которая сопоставима с многогранным камнем в сравнении с простым кубиком. Это - многосторонние, как правило проблематичные натуры, обремененные наследственными психическими комплексами, сочетающимися между собой лучше или хуже. Приспособиться к таким натурам, равно как и им приспособиться к более простым личностям,

всегда бывает сложно. Такие люди с более или менее диссоциированным складом обладают, как правило, и способностью надолго отщеплять несочетаемые черты характера и благодаря этому придавать себе мнимо простой вид. Их "многосторонность", их неуловимый характер даже могут придавать им особую привлекательность. В такой несколько загадочной натуре другой человек легко может потеряться. Это означает, что он находит в ней такую полноту возможностей переживания, которая полностью занимает его личный интерес; разумеется, это не всегда имеет приятный вид, и тогда его занятие зачастую состоит только в том, чтобы следовать за ней по пятам на всевозможных боковых и ложных путях. Тем не менее благодаря этому всегда есть столько возможностей переживания, что они обволакивают и даже пленяют более простую личность; последняя в некоторой мере сливается с личностью духовно более богатой и не видит ничего, кроме нее. Чуть ли не закономерное явление - женщина, которая духовно полностью содержится в своем муже, и мужчина, который чувственно полностью содержится в своей жене. Можно назвать это проблемой Содержащегося и Содержащего. Содержащийся, по существу, целиком находится внутри брака. Он полностью обращен к другому; для него не существует никаких существенных внешних обязательств и никаких серьезных интересов. Неприятная сторона этого в других случаях "идеального" состояния - беспокоящая зависимость от в какой-то мере необозримой, а потому не полностью прогнозируемой и надежной личности. Преимущество же состоит в собственной цельности - фактор, немаловажный в душевном хозяйстве! Содержащий, согласно своему в некоторой степени диссоциированному складу, вероятно, имел особую потребность в объединении себя с другим (в нераздельной

217

любви), но оказался обойденным более простой личностью в этом стремлении, которое ему, естественно, дается с трудом. Ища в другом утонченность и сложность, которые служили бы дополнением и контрастом его собственным граням, он отрицательно влияет на простоту другого. Так как простота при всех обычных обстоятельствах имеет преимущество перед сложностью, то вскоре он вынужден отказаться от своей попытки придать простой натуре утонченность и побудить ее к проблематичным реакциям. Соответственно другой, который согласно своей простой натуре ищет в содержащем простые ответы, довольно скоро задает ему задачу, благодаря тому что, ожидая простых ответов, "констеллирует" (чтобы употребить специальное выражение) усложненность первого. Тому волей-неволей придется отступить перед убедительной силой простоты. Духовность (процесс сознания в целом) несет с собой такое напряжение для человека, что он при всех обстоятельствах предпочитает простое, даже если это не совсем отвечает действительности. И будь это хоть полправды, он полностью окажется во власти простоты. Простая натура действует на усложненную как слишком маленькая комната, в которой для него мало места. Усложненная натура, напротив, предлагает простой много комнат и слишком большое пространство, так что последняя совсем не знает, где, собственно говоря, ее место. Поэтому совершенно естественным образом выходит так, что усложненный содержит в себе упрощенного. Последний, однако, не имея возможности раствориться в первом, окружает его, при этом не будучи сам окруженным. Но так как он, вероятно, все же имеет большую потребность быть окруженным, то он чувствует себя вне брака и играет соответственно проблематичную роль. Чем больше Содержащийся упорствует, тем больше Содержащий чувствует себя вытесненным. Из-за этого упорства Содержащий начинает вторгаться, и чем больше он вторгается, тем меньше возможностей у Содержащегося сделать то же самое. Поэтому Содержащий всегда в той или иной степени выслеживает через окно, конечно, главным образом бессознательно. Однако когда он достигает середины жизни, в нем пробуждается более сильная страсть по тем единству и неделимости,

218

которые ему в силу его диссоциированной природы особенно были нужны. И вот тогда-то обыкновенно случаются вещи, которые заставляют его осознать конфликт. Он осознает, что ищет

дополнения - той содержимости и нераздельности, которых ему постоянно недостает. Для Содержащегося это событие означает прежде всего усиление мучительно переживаемой ненадежности; он обнаруживает, что в комнатах, которые лишь казались принадлежавшими ему, живут другие, нежеланные гости. Надежда на безопасность у него убывает, и это разочарование вновь толкает его к самому себе: если ему не удается поставить другого на колени путем сомнительных и насильственных действий, то это заставляет убедиться в том, что его страсть по единству не более чем детская или болезненная фантазия. Если эта насильственная акция не удается ему, то добровольная покорность будет для него большим благом, а именно уразумением того, что та безопасность, которую он всегда искал в другом, может быть найдена в нем самом. Благодаря этому он открывает самого себя и обнаруживает в своей простой натуре все те сложности, который тщетно в нем разыскивал Содержащий. Если Содержащий не надламывается перед фактом того, что обыкновенно называют "браком по недоразумению", а верит во внутреннее оправдание своей страсти к единству, то он эту разорванность возьмет прежде всего на себя. Диссоциация исцеляется не путем отщепления, а путем разрыва. Все силы, которые стремятся к единству, все здоровые устремления к своей собственной целостности встанут на дыбы против разрыва, и благодаря этому он осознает возможность внутреннего объединения, которую прежде искал только вовне. Он открывает нераздельность самого себя как собственное достояние. Вот то, что чаще всего случается в апогее жизненного пути. Именно таким образом замечательная природа человека принуждает его совершить переход во вторую половину жизни, т. е. переход из такого состояния, в котором человек есть только орудие инстинктивной природы, в другое, где он уже более не орудие, а сам себе владыка. Это превращение природы в культуру, влечения - в дух.

Собственно говоря, стоило бы остерегаться того, чтобы прервать это неизбежное развитие путем морального насилия, потому что порождение некоей духовной установки с помощью отщепления и подавления влечений есть подлог. Нет ничего более отвратительного, чем втайне сексуализированная одухотворенность; она столь же нечиста, как и переоцененная чувственность. Однако указанный переход - это долгий путь, и подавляющее большинство застревает на этом пути. Если бы люди могли в течение всего этого душевного развития в браке или благодаря ему оставаться бессознательными (как это имеет место у дикарей), то эти превращения могли бы происходить полнее и без слишком больших трений. Среди так называемых дикарей встречаются одухотворенные личности, перед которыми можно испытывать только благоговение как перед совершенно зрелым продуктом ничем не искаженного предназначения. Это я знаю из собственного опыта. Есть ли, однако, в сегодняшней Европе люди, не изувеченные моральным насилием? Мы все еще слишком варвары, чтобы думать об аскезе и об ее противоположности. Но колесо истории нельзя повернуть вспять. Мы можем стремиться только вперед - к той установке, которая нам позволяет жить так, как того, по сути, и требует ничем не искаженное предназначение первобытного человека. Только на этом условии мы будем способны не принимать дух за чувственность, а чувственность - за дух, ибо они равно имеют право на существование, так как получают свою жизнь друг от друга. Главное содержание психологического отношения в браке - это то самое превращение, которое описано здесь в самом сжатом виде. Многое можно было бы сказать об иллюзиях, которые служат целям природы, а также вызывают превращения, характерные для середины жизни. Гармония брака, свойственная первой половине жизни (в случае, если такая гармония вообще имеет место), основана (как выясняется позже, в критической фазе), по существу, на проекциях некоторых типичных образов. Каждый мужчина издавна носит в себе образ женщины, причем образ не этой нареченной, а какой-то нареченной женщины вообще. Этот образ, в сущности, бес-

сознателен, представляя собой наследственную массу, берущую свое начало в глубокой древности и запечатленную в живой системе; "тип" ("архетип") всего опыта в ряду предков, касающегося женской сущности; осадок всех впечатлений о женственности; передаваемую по наследству психическую систему приспособления. Даже если не было бы никаких женщин, то во всякое время можно было бы, исходя из этих бессознательных образов, указать, какими свойствами должна обладать женщина в психическом отношении. То же самое верно и для женщин, они также имеют врожденный образ мужчины. С учетом опыта точнее было бы сказать: образ неких мужчин, в то время как у мужчины - это прежде всего образ этой женщины вообще. Так как этот образ бессознателен, то он всегда бессознательно проецируется на избранника или избранницу и является одной из главных причин страстного притяжения или отталкивания. Я обозначил этот образ как аниму и потому схоластический вопрос: "Haber mulier anirnam?"
* - нахожу крайне интересным, однако при этом думаю, что этот вопрос интеллигентен настолько, насколько сомнение кажется оправданным. У женщины - не анима, а анимус. Анима имеет эротически-эмоциональный характер, анимус - рационализирующий, поэтому самое большее, что мужчины могут сказать по поводу женской эротики и вообще о женской жизни чувств, покоится на проекции их собственной анимы, а потому искажено. Поразительные предположения и женские фантазии о мужчинах зиждутся на действенности анимуса, который неисчерпаем в порождении нелогичных суждений и мнимых причинных связей. Анима, также как и анимус, характеризуется необычайной многосторонностью. В браке Содержащимся всегда выступает тот, кто проецирует образ на Содержащего, в то время как последнему удается лишь отчасти проецировать этот образ на партнера по браку. Чем однозначнее и проще партнер, тем хуже удается проекция. В таком случае этот весьма обворожительный образ повисает в воздухе и в некотором смысле ожидает того, чтобы наполниться реальным человеком. Суще-

* "Есть ли душа у женщины?" (лат.).

ствуют типы женщин, которые, похоже, природой созданы для того, чтобы принимать на себя анима-проекции. Можно говорить чуть ли не об определенном типе таких женщин. Это обязательно так называемый характер сфинкса - двусмысленность или многосмысленность; это не смутная неопределенность, в которую ничего нельзя вложить, а многообещающая неопределенность, красноречивое молчание Моны Лизы: старой и молодой, матери и дочери, с сомнительной непорочностью и наивным благоразумием, обезоруживающим мужчин
1 . Не каждый действительно умный мужчина может быть анимусом, потому что он не столько должен обладать хорошими идеями, сколько произносить громкие слова - слова, с трудом поддающиеся истолкованию, которым можно приписать много невысказанного. Он также должен быть слегка загадочным или по красней мере в некотором смысле оппозиционным своему окружению - тогда можно будет' привнести в его образ идею жертвенности. Он должен быть двусмысленным героем, человеком с возможностями, причем нет гарантий, что анимус-проекция частенько не занималась изобретением истинного героя уже много раньше, чем неповоротливый рассудок так называемого среднего интеллигентного человека
2 . Для мужчины, так же как и для женщины, если они Содержащиеся, переживание этого образа чревато тяжелыми последствиями, потому что здесь благодаря соответствующей многосторонности появляется возможность счесть ответственной инстанцией собственную усложненность. Здесь, кажется, раскрываются те широкие просторы, в которых человек может чувствовать себя окруженным и содержащимся. Я намеренно говорю "кажется", потому что это двусмысленная возможность. Как анимус-проекция у женщины фактически чует значительность в одном из мужчин, неузнанном массой, и, более того, может даже помочь ему в реализации его собственного предназначения, оказывая моральную под-

1 Превосходно описание этого типа у Райдера Хатгарда в "She" и у Бенуа в "L'Atlantide".
2 Довольно неплохое описание анимуса у Мэри Хей в "The Evil Vineyard". Далее у Элинор

Уайли в "Jennifer Lorn: a sedate extravagant" и у Сельмы Лагерлёф в "Gusta Berling".

222

держку, так и мужчина может пробудить в себе - благодаря анима-проекции - "femme inspiratrice"
* . Но чаще, вероятно, это иллюзия с деструктивным результатом. Неуспех объясняется тем, что вера не была достаточно сильной. Пессимистам я должен сказать, что эти праобразы обладают весьма позитивным значением' оптимистов, напротив, должен предостеречь от ослепляющих мечтаний и от возможности самых абсурдных заблуждений. Эту проекцию даже приблизительно не следует понимать как индивидуальное и сознательное отношение. Как раз к нему это не относится. Она создает принудительную зависимость на основе бессознательного мотива, но иного, чем биологический мотив. "Она" Райдера Хаггарда дает представление о том, сколь необычный мир образов лежит в основе анима-проекции. Это в основном духовные содержания (часто в эротическом одеянии), явные обломки первобытной мифологической ментальности, которая состоит из архетипов и совокупную картину которых составляет так называемое коллективное бессознательное. Соответственно этому всякое такое отношение, в сущности говоря, коллективно, а не индивидуально (Бенуа, который создал в "Атлантиде" фантастическую фигуру, совпадающую вплоть до деталей с "Она", обвиняет в плагиате Райдера Хаггарда). Если у одного из супругов случается такая проекция, то навстречу коллективному биологическому отношению выходит коллективное духовное, которое вызывает описанный выше разрыв у Содержащего. Если ему удается держать голову над водой, то он тут же благодаря конфликту обнаружит самого себя. В таком случае в переходе из коллективного в индивидуальное отношение ему содействовала проекция, опасная сама по себе. Последнее равнозначно совершенной осознанности отношения в браке. Так как цель этого сочинения - обсуждение психологии брака, то психология соотношения между проекциями остается вне рассмотрения. Я довольствуюсь здесь лишь упоминанием этого факта. Едва ли можно говорить о психологическом отношении в браке без риска вызвать недоразумения, не кос-

* Вдохновительницу (фр.).

223

нувшись, по крайней мере в общих чертах, природы критических переходов. Как известно, люди совершенно неспособны понять в психологическом отношении того, чего они не пережили сами. Этот факт, однако, не мешает им придерживаться убеждения, будто их суждения единственно верные и компетентные. Такой поразительный факт порожден неизбежной переоценкой соответствующего содержания сознания. (Без соответствующей концентрации внимания это содержание могло бы ведь вовсе не осознаваться). Выходит, каждый жизненный возраст, точно так же, как и каждая ступень психологического развития, имеет собственную психологическую правду, свою, так сказать, программную правду. Существуют даже уровни, которые доступны лишь немногим,- это проблемы расы, семьи, воспитания, одаренности, пристрастия. Природа аристократична. Образцовый человек - это фикция, хотя существуют некоторые общезначимые закономерности. Душевная жизнь - это развитие, которое может уже на самых низших ступенях оказаться в застое. Представим себе, что каждый индивид имеет специфический вес, в соответствии с которым он повышается или опускается до того уровня, где достигает своего предела. В соответствии с этим устроены также его воззрения и убеждения. Поэтому неудивительно, если подавляющее большинство браков достигает своего наивысшего психологического предела в биологическом предназначении без ущерба для духовного и морального здоровья. Относительно немногие оказываются в глубочайшем разладе с собой. Там, где внешняя необходимость сильна, конфликт не может достигнуть (из-за недостатка энергии) драматического напряжения. Однако по мере упрочения социальной безопасности повышается и

психологическая ненадежность; сначала бессознательно - вызывая неврозы, затем сознательно - порождая разлуки, ссоры, разводы и прочие "недоразумения брака". На более высоком уровне познаются новые психологические возможности развития, которые затрагивают религиозную сферу, где критическое суждение умолкает. На каждом из этих уровней может наступить продолжительный застой с полнейшей бессознательностью относительно того, что могло бы последовать на очеред-

ном уровне развития. Как правило, даже подход к очередному уровню бывает блокирован прочнейшими предубеждениями и самыми суеверными страхами, что, конечно, в высшей степени целесообразно, так как человек, если бы его случайно заставили жить на уровне, слишком для него высоком, оказался бы жалким глупцом. Природа не только аристократична, но также и эзотерична. Прозорливец не соблазнится тем, чтобы скрывать тайны, потому что ему слишком хорошо известно, что тайну душевного развития выдать невозможно просто-напросто потому, что развитие - это дело способности отдельной личности.

К ПСИХОЛОГИИ И ПАТОЛОГИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ОККУЛЬТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Инаугурационная диссертация, выполненная под руководством профессора Ойгена Блейлера на медицинском факультете Цюрихского университета. В предлагаемом издании речь идет о перепечатке диссертации, которая лишь тем отличается от оригинала, что заключительное слово благодаря небольшим изменениям выдержано в более общей форме. Издано Освальдом Мютце, Лейпциг, 1902.

8 Зак. 354

В обширной области психопатической неполноценности, где благодаря усилиям науки разграничены клинические картины эпилепсии, истерии и неврастении, мы встречаем отдельные и разобщенные наблюдения редких состояний сознания, относительно которых среди ученых пока нет согласия. Это - нарколепсия, летаргия, automatisme ambulatoire
* , периодическая амнезия, double conscience
** , сомнамбулизм, патологические иллюзии, патологическая ложь и тому подобные явления, сообщения о наблюдении которых время от времени всплывают в литературе. Названные состояния приписываются иногда эпилепсии, иногда истерии, иногда истощению нервной системы - неврастении, а иногда за ними признается статус болезни sui generis
*** . Бывает, что пациенты, о которых идет речь, проходят через все диагнозы: начинают с эпилепсии и, миновав истерию, добираются до симуляции. На практике, с одной стороны, провести разграничительную линию между этими состояниями и вышеупомянутыми неврозами очень сложно (иногда этого сделать и вообще невозможно), а с другой стороны, некоторые их черты ведут за пределы области патологической неполноценности и указывают на родственную близость между данными явлениями и явлениями нормальной психологии (близость более существенную, нежели простая аналогия), более того - указывают на их сходство с явлениями психологии сверхполноценности, психологии гения. Как бы ни были различны между собой явления этой области, все же нет, конечно, такого случая, который не был бы связан с другими, не менее типичными примерами посредством "мостика" из случаев промежуточ-

*   Скрытый автоматизм (фр.).
**   Раздвоение сознания (фр.).
***   Своего рода (лат.).

ных. Подобная родственная близость глубоко пронизывает клинические картины истерии и эпилепсии. Недавно раздавались даже голоса в защиту того мнения, что между эпилепсией и истерией вообще не существует четкой границы и что различие между ними становится очевидным только в экстремальных случаях. Так, например, Штеффенс говорит: "Естественным образом мы приходим к мысли, что по существу в характере эпилепсии и истерии вообще нет принципиальных различий, но здесь одна и та же причина болезни проявляется в различной форме и с разной степенью интенсивности и устойчивости"
1 . С величайшими трудностями сталкивается также попытка разграничения истерии и известных пограничных форм эпилепсии, с одной стороны, и врожденными и приобретенными формами психопатической неполноценности - с другой. Симптомы той или иной болезни настолько глубоко проникают в пределы соседней области, что попытки рассматривать их обособленно, как принадлежащие к какой-либо одной сфере, заставляют прибегать к насилию над фактами. Отличить же психопатическую неполноценность от нормы - дело совершенно невозможное, различие здесь всегда колеблется в пределах "более" или "менее". С теми же трудностями сталкивается классификация фактов внутри самой сферы неполноценности. Только в общих чертах можно выделить здесь известные группы, которые кристаллизуются вокруг некоторого ядра, обладающего особенным, типическим характером. Если даже мы отвлечемся от обеих больших групп неполноценности - неполноценности интеллекта и эмоциональной сферы,- все же останутся случаи, имеющие по преимуществу или истерическую, или эпилептическую, или неврастеническую окраску, для которых ни ущербность интеллекта, ни ущербность эмоций не характерны. Вот в этой-то области, недоступной для надежной классификации, в основном и реализуются вышеупомянутые состояния. Они могут, и это хорошо известно, проявляться как местные симптомы типичной эпилепсии или истерии, а могут предстать в качестве образований в

1 Ober drei Fulle van "Hysteria magna", p. 928.

сфере психопатической неполноценности, причем квалификацию "эпилептические" или "истерические" эти состояния часто получают благодаря довольно-таки малосущественным, побочным признакам. Так, сомнамбулизм, как правило, причисляют к истерическим заболеваниям, поскольку он иногда предстает как местный симптом тяжелой истерии, или же из-за того, что его сопровождают более легкие, так называемые "истерические" симптомы. Вине говорит: "Il n'y a pas un somnambulisme, un etat nerveux toujours indentique a luimeme, il y a des somnambulismes"
2 . Сомнамбулизм как местный симптом тяжелой истерии - явление достаточно известное, но как самостоятельное патологическое образование, как болезнь sui generis он, должно быть - судя по скудости соответствующей немецкой литературы,- довольно-таки редок. Да и так называемый спонтанный сомнамбулизм на почве истерически окрашенной психопатической неполноценности - не слишком частое явление, и потому стоит затратить усилия на более точное рассмотрение случаев такого рода, так как они, может быть, предоставят нам массу интересных наблюдений. Пациентка Е., 40 лет, не замужем, работает бухгалтером в большом магазине, имеет неотлгощенную наследственность. Самое большее, о чем можно было бы упомянуть,- это то, что ее брат, перенеся болезни и несчастья в семье, стал несколько нервным. Хорошее воспитание, мягкий, дружелюбный характер, экономная и здравомыслящая. Очень добродетельная и чуткая, она много делала для своих родителей, живущих в стесненных обстоятельствах, а также много

помогала чужим семьям. Однако она не чувствовала себя счастливой ей казалось, что она ни в ком не находит понимания. Прежде она всегда была здорова, но несколько Лет назад ей пришлось лечиться от расширения желудка и ленточных глистов. За время болезни ее волосы очень быстро поседели. Позднее она перенесла тиф. Помолвка окончилась ничем из-за смерти жениха. В последние

2 Les Alterations de la penonalife, p. 2. ["Нет единого сомнамбулизма, единого нервного состояния, всегда тождественного самому себе, а есть сомнамбулизмы" (фр.).]

полтора года пациентка стала очень нервной. Летом 1897 г.- курс воздушных и водных процедур. Как рассказывает она сама, в течение примерно одного года у нее возникали во время работы такие моменты, когда ее мысли как бы застывали в неподвижности, хотя она при этом не засыпала и не допускала ошибок в своей работе. Идя куда-нибудь по улице, она часто выбирала неправильный путь и лишь потом замечала, что находится не там, куда шла. Головокружений или приступов физической слабости не наблюдалось. Менструация раньше была всегда регулярной, без осложнений каждые четыре недели; с тех пор как она стала чувствовать себя переутомленной и нервной - каждые 14 дней. С давнего времени она страдает от хронических головных болей. В качестве бухгалтера большого магазина пациентка делала работу, требующую сильного напряжения, и она выполняла ее старательно и добросовестно. В последний год к напряженной работе добавились всяческие неприятности: брат неожиданно вынужден был развестись; ей пришлось помимо своей работы вести его домашнее хозяйство, заботиться о нем и о его ребенке во время тяжелой болезни и так далее. 13 сентября она, чтобы отдохнуть, отправилась в путешествие к своей подруге в Южную Германию. Большая радость от встречи с подругой, по которой она давно скучала, и участие в празднике лишили пациентку столь необходимого для нее покоя. 15 сентября она, совершенно вопреки своим привычкам, вместе с подругой выпила поллитра красного вина. После этого они отправились гулять на кладбище. Здесь она принялась срывать цветы с могил и царапать надгробия, причем позже она не могла вспомнить ни одного из этих событий. 16 сентября она оставалась у своей подруги без каких-либо дальнейших происшествий. 17 сентября подруга привезла ее в Цюрих. Одна знакомая привела ее в лечебницу. По дороге речь ее была вполне ясной, однако она чувствовала себя очень усталой. Перед лечебницей они встретили трех мальчиков, в которых пациентка "узнала" якобы выкопанных ею мертвецов. Ей тут же вздумалось идти на кладбище, которое находилось неподалеку от лечебницы, и доставить ее в приемный покой удалось лишь благодаря изощренным уговорам.

Пациентка невысокого роста, хрупкая, слегка анемичная. Граница сердца слева несколько увеличена, отчетливых шумов нет; периодическое раздвоение первого тона. На митральном клапане выраженные сильные тоны. Граница печени увеличена до края реберной дуги. Коленный рефлекс слегка усиленный, другие сухожильные рефлексы без патологии. Онемений и параличей не было. Сделанная руками приблизительная проверка поля зрения не выявила его сужения. Волосы на голове совершенно светлые, желтовато-белые. В остальном больная выглядит соответственно своему возрасту. О своей прежней жизни и о событиях последнего времени пациентка рассказывает совершенно здраво; только о том, что происходило на кладбище в Ц. и у входа в лечебницу, у нее не сохранилось никаких воспоминаний. В ночь с 17 на 18 сентября в разговоре с сиделкой она заявила, что видит, как комнату заполняют покойники, представшие как скелеты. При этом она совершенно не была напугана и удивлялась, что их не видит сиделка. Лишь раз она подбежала к окну, а в остальном беспокойства не проявляла. На следующее утро в кровати ей все время мерещились скелеты; после обеда это прошло. В следующую ночь она проснулась в 4

часа и "слышала", как с ближайшего кладбища взывали мертвые дети, якобы погребенные заживо. Она хотела выйти, чтобы откопать их, но ее удалось удержать. В 7 часов утра она все еще пребывала в делириозном состоянии и о событиях, происходивших на кладбище в Ц. и при подходе к лечебнице, помнила теперь совершенно отчетливо. Она рассказала, что в Ц. хотела выкопать мертвых детей, которые взывали к ней. Цветы она вырывала только для того, чтобы можно было освободить и затем открыть гробы. Пока она находилась в этом состоянии, профессор Блейлер объяснил ей, что и потом, в нормальном состоянии, она будет обо всем помнить. До обеда больная поспала еще некоторое время, после чего была в совершенно здравом рассудке и чувствовала себя относительно хорошо. Она действительно помнила теперь о припадках, но было очевидно, что относится она к ним с глубочайшим равнодушием. В последующие ночи, за исключением ночей с 22 на 23 и с 25 на 26 сентября, у нее снова были короткие присту-

пы делириозного характера, в которых она имела дело с мертвыми; в деталях отдельные приступы различались между собой. Дважды она видела мертвецов в своей кровати; казалось, однако, что это ее нисколько не пугает. Более того, она уходила из постели, чтобы "не стеснять" их, а также неоднократно порывалась выйти из комнаты. После нескольких спокойных ночей в ночь с 30 сентября на 1 октября последовал короткий приступ, во время которого она звала мертвецов из окна. В этот же период в дневное время она сохраняла здравый рассудок. 3 октября, будучи в полном сознании, она, как потом сама рассказывала, увидела в салоне множество скелетов. Хотя у нее уже были сомнения в их реальности, она тем не менее не смогла убедить себя в том, что это галлюцинации. Следующей ночью между полуночью и часом - примерно в это же время начинались и предыдущие приступы - на протяжении примерно десяти минут пациентка была занята своими мертвецами. Она уселась в кровати и говорила, уставившись в угол: "Ну подойдите же - здесь, однако, пока еще не все вы только должны подойти, зал достаточно велик, всем хватит места. Когда все будут здесь, я тоже приду". Потом она улеглась со словами: "Ну вот, теперь все здесь",- и снова заснула. К утру обо всех этих приступах у нее не сохранилось ни малейшего воспоминания. Совсем короткие приступы имели место ночами с 4 на 5, с 6 на 7, с 9 на 10, с 13 на 14 и с 15 на 16 октября всегда между 12 и часом ночи. Последние три попали на время месячного кровотечения. Сиделка многократно пыталась с ней заговорить, обратить ее внимание на горящие уличные фонари, деревья; больная не реагировала на эти обращения. Потом приступы прекратились, больная жаловалась на ряд недомоганий, которые уже бывали у нее раньше. А именно: ее мучили головные боли, которые, по словам пациентки, по утрам после приступов становились непереносимы. Хорошо и быстро помогал от этого 0,25 Sacch. lactis. Далее, она жаловалась на боли в обоих предплечьях, которые по ее описанию напоминали тендовагинит. Уплотнения и увеличения на сгибательных мышцах она принимала за опухоль и хотела, чтобы ей делали массаж. Поскольку

объективных показаний не было, жалобы были игнорированы и впоследствии боли стали уменьшаться. Особенно много было с ее стороны жалоб из-за утолщения ногтя на пальце ноги, причем жалобы не прекратились даже после того, как утолщенная часть была удалена. Сон часто бывал беспокойным. Больная отказалась от своего данного ранее согласия принять сеанс гипноза с целью предотвращения ночных приступов. В конце концов она все же решилась на лечение гипнозом по поводу головных болей и нарушения сна. Она оказалась легко внушаемой и уже на первом сеансе погрузилась в глубокий сон с анальгезией и амнезией. В ноябре ее вновь спросили, помнит ли она о приступе 19 сентября, относительно которого ей было внушено, что она будет в состоянии его вспомнить. Ей стоило большого труда восстановить его в памяти, и в конце концов она смогла рассказать только суть дела, забыв подробности. Здесь необходимо также добавить, что больная совершено не суеверна и в нормальном состоянии никогда особенно не интересовалась сверхчувственными вещами. В продолжение всего лечения, завершившегося 14

ноября, обращало на себя внимание полнейшее равнодушие больной к своей болезни и даже к своему выздоровлению. Следующей весной ей вновь пришлось амбулаторно лечиться по поводу головных болей, которые в течение нескольких месяцев постепенно возобновились из-за ее напряженной работы. В остальном ее самочувствие было вполне удовлетворительным. Надо отметить, что у больней совсем не сохранилось воспоминаний о приступах, имевших место предыдущей осенью, включая как приступ 19 сентября, так и предшествовавшие ему. Однако, находясь под гипнозом, она еще могла довольно подробно рассказать о событиях на кладбище, перед лечебницей и во время ночных расстройств.

Судя по особенностям галлюцинаций и по своеобразному способу возникновения, этот случай напоминает те состояния, которые Краффт-Эбинг описывает как "пролонгированные состояния истерического делирия". Вот что он говорит: "Таковы... более легкие случаи истерии, при которых имеют место подобные делириозные состояния. Пролонгированный истерический делирий

возникает на почве временного истощения... Представляется, что его возникновению способствуют глубокие душевные переживания. Легко возникают рецидивы... Чаще всего обнаруживается делирий преследования с очень сильным реактивным страхом, а также религиозный и эротический делирий. Нередки галлюцинации всех органов чувств. Во всяком случае, наиболее частыми и существенными являются зрительные, обонятельные и осязательные иллюзии. Зрительные галлюцинации часто вращаются вокруг видений, связанных либо с животными, либо с похоронными процессиями, либо с фантастическими шествиями, которые кишат мертвецами, чертями, привидениями и тому подобным. Слуховые иллюзии - это просто экоазмы (крик, гомон, выстрелы) или действительно галлюцинации, нередко с сексуальным содержанием"
3 . Присутствие мертвецов в видениях нашей пациентки, а также то, что видения возникают приступами, позволяет говорить о сходстве с теми состояниями, которые иногда наблюдаются при истероэпилепсии, 30-летняя дама с grande hysterie
* страдает состояниями делириозного помрачения, в которых она по преимуществу сталкивается с ужасными галлюцинациями: ей видится, как у нее отнимают детей, как их пожирают дикие звери и т. д. Относительно содержания отдельных припадков у пациентки амнезия
4 . Семнадцатилетняя пациентка, также тяжелая истеричка, в своих приступах каждый раз видит труп своей умершей матери, которая приближается, чтобы притянуть ее к себе. По поводу приступов у пациентки амнезия5
.

Процитированные случаи касаются тяжелой истерии, когда сознание глубоко охвачено иллюзиями. Некоторая схожесть с нашим случаем обнаруживается только в стабильности галлюцинаций; в этом отношении можно продолжать аналогии с соответствующими истерическими состояниями, например с теми случаями, в которых поводом к появлению истерических приступов был психический шок (изнасилование и т.п.) и где соответствующее событие, возбудившее болезнь, вновь стереотипно переживается в галлюцинациях. В нашем случае есть, однако, известная специфика, которая возникает благодаря идентичности сознания в различных приступах. Речь идет о некотором "etat second"
** , обладающем

3 Lehrbuch der Psychiatric, p. 581. (Цитата изменена.)

4 Richer, Etudes cliniques sur l`hystero-epilepsie, p. 483.

5 l. c., p. 487 ff., см. также: Erier, Hysrerisches und hystero-epileptisches Irresein, p. 28, далее: Cullerre, Un Cas de sumnambulisme hysterique, p. 356.

* Сильной истерией (фр.).
** Вторичном состоянии (фр.).

собственной памятью и обособленном от состояния бодрствования благодаря тотальной амнезии. В этом отличие от упоминавшихся до сих пор состояний помрачения и близость к так называемым сомнамбулическим состояниям. Шарко
6 различает две основные формы сомнамбулизма: 1. Делирий с выраженной инкоординацией представлений и действий. 2. Делирий с координированными действиями. Это состояние приближается к состоянию бодрствования. Наш случай относится к последней форме. Если под сомнамбулизмом понимать состояние систематического частичного бодрствования
7 , то при обсуждении этого аффекта следует принимать во внимание также и те отдельные случаи проявляющейся приступами амнезии, которые то и дело попадают в поле зрения наблюдателя. Это и есть - независимо от лунатизма - наиболее простые состояния того самого систематического частичного бодрствования. Из случаев, представленных в литературе, наиболее значительным является, конечно, тот, который описал Наэф
8 . Речь идет о мужчине 32 лет, который, имея значительно отягощенную наследственность, обнаруживал многочисленные признаки частью функциональной, частью анатомической дегенерации. Вследствие перенапряжения он уже в 17-летнем возрасте имел характерное помраченное состояние с бредовыми идеями, о котором по излечении осталось общее воспоминание. Позднее он был подвержен частым приступам головокружения с сердцебиениями и рвотой; однако эти приступы никогда не были связаны с ущербом для сознания. Находясь в лихорадочном, болезненном состоянии, обследуемый неожиданно направился из Австралии в Цюрих, провел там несколько недель беззаботно и весело и пришел в себя только тогда, когда

6 СМ.: Guinon, Documents pour servir a l`histoire des somnambulismes.
7 "Лунатизм следует рассматривать как систематическое частичное бодрствование, при котором в сознании возникает ограниченный, логически взаимосвязанный комплекс представлений. Контрпредставления проникнуть не могут, одновременно духовная деятельность в рамках ограниченной сферы бодрствования протекает с повышенной энергией" (Loewenfeld, Der Hypnotismus, p. 289). * Naef, Ein Fall van temporarer, totaler, theilweise retrograder Amnesia.

прочитал в газете заметку о своем внезапном исчезновении из Австралии. Тотальная ретроградная амнезия поразила значительную часть его воспоминаний о том многомесячном периоде, который включал в себя путешествие в Австралию, пребывание там и возвращение обратно. Случай периодической амнезии опубликовал Азам
9 : Альберт X., 12 с половиной лет, с истерическими симптомами, в течение нескольких лет он был подвержен повторяющимся состояниям амнезии, во время которых на многие недели забывал чтение, письмо, счет, отчасти даже речь. В промежуточных состояниях самочувствие было нормальным. Пруст публикует случай "automatisme ambulatoire"
* на ярко выраженной истерической основе, который, однако, отличается от описанного у Наэфа многократностью возникающих приступов: 30-летний образованный мужчина обнаруживает все симптомы grande hysterie, подвержен влияниям, время от времени под воздействием душевных переживаний испытывает приступы амнезии, продолжительность которых от двух дней до нескольких недель. В этом состоянии он путешествует, навещает родственников, портит у них различные вещи, делает долги и даже, "pour acte de filouterie"
** , предстает перед судом и оказывается осужденным
10 . Похожий случай тяги к бродяжничеству сообщает Бото: 22-летняя вдова с тяжелой истерией пугается предстоящей необходимости перенести операцию по поводу сальпингита;

она покидает госпиталь, в котором находилась в тот момент, после чего впадает в сомнамбулическое состояние, а через три дня приходит в себя с тотальной амнезией. За эти три дня она проделывает путь около 60 км, чтобы отыскать своего ребенка". Уильям Джеймс сообщает случай "ambulatory sort"
*** : преподобный Ансельм Борн, странствующий проповедник, 30 лет, психопат, несколько раз имел приступы

9 Hypnotisme, double conscience et alterations de la personnalite. Аналогичный случай у: Winslow, Obscure Diseases of the Brain and Disorders of the Mind, p. 405.
10 Cas curieux d`automatisme ambulatoire chez un hystirique.
11 Automatisme somnambulique avec dedoublement de la personnalite.

* Скрытого автоматизма (фр.).
** В результате мошенничества (фр.).
*** Амбулаторного характера (англ.).

провалов в сознании продолжительностью около часа. Однажды (17 января 1887 г.) он неожиданно исчезает из Грина, сняв в банке со счета 551 доллар. Два месяца он числится без вести пропавшим. В это время под именем А. Дж. Брауна он ведет дела в мелочной лавке в Норристауне в Пенсильвании, причем регулярно заботится обо всех закупках, хотя никогда прежде не занимался чем-либо подобным. 14 марта 1887 года он неожиданно очнулся и вернулся обратно домой. По поводу соответствующего периода времени полная амнезия
12 . Месне публикует следующий случай: Ф., 27 лет, сержант в африканских войсках, был ранен при Базее на Парьетале; в течение года, пока рана не зажила, имел гемиплегию, которая исчезла вместе с заживлением раны. В ходе болезни у пациента были припадки сомнамбулизма с сильным сужением сознания; все функции ощущений были парализованы почти полностью, за исключением осязания и весьма небольшой части зрения. Движения были координированными, хотя при преодолении препятствий целесообразность их была ограничена. Во время приступов пациент демонстрировал навязчивую идею собирательства. Путем различных манипуляций можно было сообщить его сознанию галлюцинаторное содержание; например, ему давали в руки палку, после чего пациент тут же видел себя очутившимся на поле боя. Он находится на передовых постах, видит приближающегося врага и т. д.
13 Гийон и Софи Вольтке делали следующие опыты с истериками: во время приступа у пациентки перед глазами держали голубое стекло; она неизменно видела на нем портрет матери в голубых небесах. Красное стекло заставляло ее видеть кровоточащую рану, желтое - торговку апельсинами или даму в желтом платье
14 . Случай Месне напоминает случаи приступообразного нарушения памяти.

МакНиш сообщает похожий случай: по видимости

12 The Principles of Psychology, I, p. 391.
13 De l'automatisme de la memoire et du souvenir dans le somnambulisme palhologique. Цит. по: Binet, Les Alterations, p. 3 ff. СМ. также: Mesnet, Somnambulisme spontane dans ses rapports avec l'hysterie.
14 De l`Influence des excitations des organes des sens sur les hallucinations.

здоровая молодая дама внезапно, якобы без продромального симптома, впадает в глубокий,

ненормально долгий сон. По пробуждении она забывает слова и все свои познания относительно простейших вещей. Она должна снова учиться читать, писать и считать. В изучении всего этого она делает стремительный прогресс. После второй атаки сна она просыпается вновь в первоначальном нормальном состоянии без каких-либо воспоминаний о происшедшем между тем эпизоде второго состояния. На протяжении более чем четырех лет эти состояния чередуются, причем внутри каждого из состояний сознание обнаруживает непрерывность, хотя оно и отделено амнезией от сознания другого состояния
15 .

Эти избранные случаи измененных состояний сознания проливают - каждый по-своему - некоторый свет также и на наш случай. У Наэфа показаны два истероформных нарушения памяти, из которых одно характеризуется порождением бредовых идей, а другое отличается продолжительностью во времени, нарушением сознания и страстью к бродяжничеству. Неожиданные и своеобразные импульсы становятся особенно очевидны в случаях Пруста и Месне. Порывы к обрыванию цветов и раскапыванию гробов, которые наблюдались в нашем случае, мы можем рассматривать как равноценную параллель. Непрерывность сознания, которую пациентка обнаруживала в различных приступах, напоминает состояние сознания в случае МакНиша, поэтому наш случай может рассматриваться как преходящий феномен чередующегося состояния сознания. Однако фантастическое галлюцинаторное содержание сознания в нашем случае не позволяет считать обоснованным безусловное причисление его к этой группе double conscience. Галлюцинации второго состояния демонстрируют известную продуктивность, которая, как представляется, обусловлена аутосуггестивностью этого состояния. В случае Месне мы видим появление галлюцинаторных процессов при простом тактильном возбуждении. Подсознание (UnterbewuBt-

15 Philosophy of Sleep. Цие по: Binet, 1. с., p. 4 ff.

sein)
* пациента использует простые восприятия для построения сложных сцен, которые потом берут в плен суженное сознание. Относительно галлюцинаций нашей пациентки нам следует предположить нечто подобное; по крайней мере внешние обстоятельства, в которых происходило образование галлюцинаций, похоже, подкрепляют наше предположение. Прогулка по кладбищу индуцирует видение со скелетами, встреча с тремя мальчиками пробуждает галлюцинацию о заживо погребенных детях, голоса которых пациентка слышит по ночам. Пациентка приходит на кладбище в сомнамбулическом состоянии, которое на этот раз из-за употребления алкоголя проявляется особенно интенсивно. Она совершает импульсивные действия, о которых ее подсознание, во всяком случае, получает известные впечатления. Нельзя недооценивать роль, которую сыграл при этом алкоголь; как известно, в подобных случаях он может вызвать не только ухудшение, но и усиление суггестивности, вызываемое им точно так же, как и любым другим наркотиком. Впечатления, полученные в сомнамбулическом состоянии, способны к самостоятельному разрастанию, они продолжают подсознательно формироваться и в конце концов попадают в сферу восприятия как галлюцинации. Тем самым наш случай оказывается тесно сопряжен с сомнамбулическими бредовыми состояниями, которые в последнее время стали объектами пристального изучения в Англии и во Франции. Периоды отсутствия сознания, которые представляются первоначально бессодержательными, приобретают содержание благодаря случайной аутосуггестии. До известной степени оно продолжает автоматически форми-

* В этой первой работе К. Г. Юнга термин "бессознательное" (das UnbewuBte), впоследствии базовый в его теории, еще не приобрел своих позднейших смысловых очертаний. На это указывает то, что автор практически не отличает его от термина "подсознание" (das UnterbewuBte)

и пользуется обоими совершенно promiscue в одном и том же контексте, подчас в одном абзаце. В настоящем переводе всякий раз точно передается каждый из этих вариантов. Что касается слов "ObeibewuBtsein, obeibewuBt", то они переводятся как "сознание, сознаггельно(-ый)", поскольку нет никакого специального контекста, соответствующего смыслу приставки "ober-" ("сверх-"), а также с целью избежать нежелательных ассоциаций, которые индуцировал бы перевод "сверхсознание". (Отв. ред.)

роваться дальше, однако - возможно, под влиянием начинающегося улучшения - в своем последующем развитии замирает и, наконец, с наступлением выздоровления вообще исчезает. Многочисленные опыты, связанные с внушением извне в состоянии частичного сна, ставили Вине и Фере. Они, например, показали, что достаточно вложить в безвольную руку истерической больной карандаш, чтобы тут же получить длинные автоматические письма и тому подобные вещи, которые сознанию пациентки совершенно чужды. Кожные возбуждения в утративших чувствительность областях в зависимости от обстоятельств воспринимаются либо как видимые картины, либо по крайней мере как живые, неожиданно всплывающие зрительные представления. Эти самостоятельные трансмутации простых возбуждений должны рассматриваться как прафеномен возникновения сомнамбулических бредовых картин. Уже в пределах сферы бодрствующего сознания изредка обнаруживаются аналогичные явления. Так, например, Гёте сообщает, что когда он сидел с поникшей головой и воображал себе живой цветок, то видел, как тот самостоятельно изменяется, причем возникают все новые комбинации зрительного образа
16 . В полубодрствующем состоянии подобные явления относительно часто возникают в качестве так называемых гипнагогических галлюцинаций. Автоматизмы, которые иллюстрирует пример Гёте, отличаются от собственно сомнамбулических тем, что в этом случае исходное представление осознается и дальнейшее развитие автоматизма держится в границах, определенных этим исходным представлением, т. е. внутри только моторной или визуальной области. Если исходное представление ушло из сознания или вообще никогда не осознавалось, а автоматическое раз-

16 Zur Naturwissenschaft im allgemeinen (p. 333). "У меня был дар: когда я закрывал глаза и, поникнув головой, мысленно вызывал в органах зрения образ цветка, то он ни на одно мгновение не застывал в своем первоначальном облике, но раскрывался, и из глубины его распускались новые и новые цветы, сложенные и из цветных, и из зеленых лепестков: эти цветы никогда не были природными, но всегда фантастическими; правильностью они напоминали розетки скульптора. Зафиксировать это творчество, бьющее, как родник, было невозможно, хотя это и продолжалось так долго, как я хотел, не теряя красок и не усиливаясь".

витие его проникает в соседние области, т. е., например, к восприятию цветка присоединяется представление о руке, которая его срывает, или представление о запахе цветка, то мы теряем всякую возможность какого бы то ни было разграничения между автоматизмом бодрствования и автоматизмом сомнамбулического состояния. Единственными критериями различия становятся тогда понятия "более" или "менее". В одном случае мы говорим о галлюцинациях здоровых бодрствующих людей, а в другом - о "сомнамбулических бредовых видениях". Надежность истолкования припадков нашей пациентки как истерических возрастает в силу указания на возможную психогенность галлюцинаций. Она подкрепляется также жалобами пациентки (головная боль и "тендовагинит"), которые оказались доступны суггестивному лечению. Диагноз "истерия" недостаточно принимает во внимание только этиологический фактор, и можно было бы, в сущности, a priori ожидать, что в ходе болезни то и дело будут наблюдаться черты, которые

могут быть истолкованы как проявления истощения, чему, в общем, так полно соответствует возможность излечить истощение покоем. Встает вопрос: не могут ли эти приступы первоначально лакунообразные, а потом сомнамбулические - рассматриваться как состояния истощения, иначе говоря, как "неврастенический криз"? Мы, правда, знаем, что в области психопатической неполноценности возможны различного рода эпилептоидные состояния, принадлежность которых к эпилепсии или истерии по меньшей мере сомнительна. Вестфаль говорит буквально следующее: "Итак, опираясь на многообразные наблюдения, я утверждаю, что так называемые эпилептоидные припадки образуют один из наиболее общих и частых симптомов в той группе болезней, которые мы причисляем к душевным болезням и нейропатиям, и что ни для характера и формы заболевания, ни для его протекания или прогноза не является определяющим простое наличие одного или нескольких эпилептических или эпилептоидных припадков. При этом, как упоминалось, понятие эпилептоидности по отношению к приступу я употребляю в самом широком смысле"
17 .

17 Agoraphobia, p. 158.

Нет необходимости выдвигать на первый план эпилептоидные моменты нашего случая; против этого можно привести тот довод, что общий фон картины исключительно истерический. В противоположность этому необходимо указать на то, что не всякий сомнамбулизм eo ipso
* является истерическим. При случае и типичная эпилепсия демонстрирует состояния, которые с рассматриваемой стороны образуют прямую параллель сомнамбулическим состояниям или которые - за исключением действительных судорожных припадков - отличаются от истерических
18 . Как показывает Диль
19 , на почве неврастенической неполноценности дело также может дойти до "кризов", которые часто ставят диагноста в затруднительное положение. Определенное содержание представлений может даже стереотипно повторяться в отдельных кризах. Мёрхен
20 также недавно опубликовал случай эпилептоидного неврастенического помраченного состояния. Сообщению профессора Блейлера я обязан следующим случаем: образованный господин средних лет эпилептических предвестников не наблюдалось - был истощен многолетней чрезмерной интеллектуальной работой. Без каких-либо иных продромальных симптомов (никакой депрессии или тому подобного) он, будучи на каникулах, предпринял попытку суицида: находясь в типичном помраченном состоянии, он неожиданно бросился в воду с облюбованного им места на берегу. Его тотчас же вытащили, воспоминание о происшедшем у него было самым поверхностным. Принимая во внимание эти наблюдения, можно признать, что в приступах нашей пациентки доля неврастении весьма значительна. Головные боли и тендовагинит указывают на существование относительно легкой истерии, которая, однако, обычно протекает латентно и

18 Pick, Vom Bewuptsein in Zustunden sogenannter Bewuptlosigkeit, p. 202; далее: Pelman, Ober das Verhalten des Geduchtnisses bei den verschiedenen Formen des Irreseins, p. 78.
19 Neurasthenische Krisen, p. 366: "Когда больные впервые описывают свои кризы, они, как правило, предлагают такую картину, которая наводит на мысль об эпилептическом расстройстве. Я довольно часто впадал в заблуждения такого рода".
20 Uber Dummercustunde, Fall 32, p. 75.
* Уже тем самым (лат.).

обнаруживает себя только под воздействием истощения. Генезис своеобразной картины этой болезни объясняет нам ее родственность эпилепсии, истерии и неврастении, которая была описана выше. Подведем итог: пациентка Элиза К. психопатически неполноценна, с тенденцией к истерическим аффектам. Под воздействием нервного истощения у нее появляются "эпилептоидные" припадки одержимости, объяснение которых нам пока неизвестно. Под влиянием непривычно большой дозы алкоголя приступы превращаются в отчетливые сомнамбулизмы с галлюцинациями, которые фантастическим образом соединяются со случайными внешними восприятиями. При излечении нервного истощения истероформные явления также отступают. В области психопатической неполноценности с истерической окраской мы встречаем многочисленные явления, которые, подобно вышеприведенному случаю, несут в себе симптомы определенных картин различных болезней, но не могут быть с уверенностью отнесены ни к одной из них. Частично эти состояния даже формируют самостоятельную картину болезни; таковы, например, патологическая ложь, патологический бред и т. д. Однако многие из этих состояний еще ждут внимательной научной проработки и пока пребывают в области более или менее далеких от науки анекдотов. Носитель этих состояний - или человек с хроническими галлюцинациями, или тот осененный вдохновением, кто привлекает к себе внимание окружающих то как поэт или художник, то как святой, пророк или основатель секты. Генезис своеобразного состояния духа этих людей по большей части скрыт абсолютным мраком, ибо лишь изредка удается подвергнуть точному наблюдению одну из таких примечательных фигур. Принимая во внимание, что довольно часто это личности большого исторического значения, следует признать, что обладание научным материалом, на базе которого мы могли бы более детально рассмотреть развитие их особенностей, представляется весьма желательным. За исключением произведений пневматологического направления начала XIX века - сегодня, впрочем, уже почти утративших свою ценность,- научная литература на немецком язы-

ке очень бедна соответствующими наблюдениями, и даже кажется, что существует прямое нежелание разрабатывать данную область. Тем фактическим материалом, который имеется в этой сфере, мы обязаны исключительно работам англо- и франкоязычных исследователей. Обогащение нашей литературы представляется желательным по меньшей мере с одной точки зрения. Эти размышления побудили меня опубликовать наблюдения, которые, возможно, будут способствовать расширению наших знаний об отношении истерических помрачений сознания к проблемам истории и к психологии нормальных людей.

1. Случай сомнамбулизма у женщины с отягощенной наследственностью
(спиритического медиума)

Изложенный ниже случай я наблюдал в 1899 и 1900 годах. Я не был врачом пациентки С. В., так что не имел возможности провести телесное обследование истерических стигматов. Относительно сеансов я вел подробный дневник, заполняя его регулярно и тщательно. Последующее сообщение есть сжатое изложение этих заметок. В интересах С. В. и ее семьи изменены некоторые малозначительные даты и опущены различные детали при изложении ее романов, большую часть которых составляли весьма интимные моменты.

Пациентка С. В., 15 с половиной лет, протестантка. Дед по отцовской линии - духовное лицо; был очень умен; часто имел галлюцинации в бодрствующем состоянии. По преимуществу это были видения, но часто и целые драматические сцены с диалогами и т. д. Брат деда - имбецильный, взбалмошный - тоже духовидец. Сестра деда отличалась редким, своеобразным характером. Бабушка по отцовской линии на 20 году жизни после болезни, сопровождавшейся лихорадкой (тиф?), имела приступ мнимой смерти, в котором она находилась три. дня и от которого постепенно пришла в себя лишь после того, как ей прижгли темя горячим железом. Позднее глубокие душевные переживания сопровождались у нее приступами физической слабости, почти регулярно приводившими к кратковременному сомнамбулическому состоянию, в котором она пророчествовала. Отец - своеобразная и оригинальная личность с

причудливыми идеями. То же самое два ее брата. У всех троих бывали галлюцинации в бодрствующем состоянии (второе зрение, предчувствия и т. д.). Третий брат с эксцентричным, взбалмошным характером, односторонне одаренный. Мать от рождения психопатически неполноценна, часто на грани психотического состояния. Одна из сестер истеричка, с видениями, а другая страдает от "нервных сердечных приступов". С. В. очень хрупкого телосложения, обнаруживает слегка рахитичное строение черепа без выраженной гидроцефалии, цвет лица несколько бледный, темные глаза со своеобразным колючим блеском. Не перенесла ни одного серьезного заболевания. В школе училась средне, заметного интереса ни к чему не проявляла, бывала рассеянна. В общем, в ее поведении преобладала застенчивость, которая, однако, могла внезапно уступить место самой необузданной, самой экзальтированной радости. Интеллект развит средне, ярких дарований не имеет. Она очень немузыкальна, не любит книг, предпочитает рукоделие или мечтательную праздность. Уже в школе она, как бы уносясь мыслями прочь, часто делала странные ошибки при чтении вслух, например вместо слова "Ziege" читала "Gais", вместо "Tгeppe" "Stege"
* ; подобное случалось столь часто, что братья и сестры даже высмеивали ее за это. Каких бы то ни было иных отклонений от нормы у С. В. не наблюдалось; тем более никогда не обнаруживалось тяжелых истерических явлений. Семейство ее, состоящее из ремесленников и торговцев, имеет весьма ограниченный круг интересов. Книг мистического содержания в семье не терпели. Воспитание в семье оставляло желать лучшего. Братьев и сестер было много, и воспитывали их всех вместе, однако в обращении матери с детьми сказывались непоследовательность, необразованность, а часто и прямая грубость, и дети сильно страдали от этого. Отец был очень занят своей торговлей и не мог уделять детям много внимания; он умер задолго до того, как С. В. подросла. Нет ничего удивительного в том, что в этих малоутеши-

* Речь идет о замене слова близким синонимом или диалектным вариантом: Ziege - "коза", Geis - "коза" в южнонемецком диалекте, Tieppe "лестница", Stege - "трап, сходни, мостки".

тельных обстоятельствах она чувствовала себя стесненной и несчастной. Нередко она боялась идти домой и в любом другом месте находилась с большим удовольствием, чем дома. Поэтому она много времени проводила с подружками в своих детских играх и, таким образом, взрослея, слабо развивалась в культурном отношении. Соответственно уровень ее образования остался относительно низким, а круг интересов весьма ограниченным. Заметно ограничен также и объем ее литературных познаний. Она знает песни Шиллера и Гёте, обычно заучиваемые наизусть в школе, а также стихи некоторых других поэтов, кроме того, целиком или частично помнит некоторые песнопения и отрывки из псалмов. Что касается прозы, верхняя граница может быть обозначена романами Хаймбурга или теми художественными произведениями, которые печатаются в газетах. Книг более серьезного содержания она не читала вплоть до периода развившегося сомнамбулизма. Дома и от подружек она слышала рассказы о столоверчении, и ее это заинтересовало. Однажды она пожелала, чтобы ей позволили принять участие в подобном эксперименте. Ее желание вскоре осуществилось. В июле 1899 года в порядке шутки С. В. несколько раз приняла участие в столоверчении в кругу своих подруг, а также братьев и сестер. При этом было сделано открытие, что она превосходный "медиум". Некоторые из ее сообщений носили весьма серьезный характер и были восприняты со всеобщим удивлением. Особенно поражал их пасторальный тон. Дух выдавал себя за дедушку медиума. Поскольку я был знаком с их семьей, мне удалось участвовать в соответствующих экспериментах. В начале августа 1899 года в моем присутствии имели место первые приступы сомнамбулизма. Протекали они по преимуществу следующим образом: С. В. медленно, сильно бледнея, опускалась на пол или на

стул, закрывала глаза, впадала в каталепсию, делала несколько глубоких вдохов, после чего начинала говорить. На этой стадии она, как правило, бывала совершенно расслабленной, рефлексы век сохранялись, равно как и тактильная чувствительность. Она была восприимчива к неожиданным прикосновениям и пугалась их, особенно в начальной стадии.

246

Когда ее окликали по имени, она не реагировала. В своих сомнамбулических разговорах она исключительно ловко копировала умерших родственников и знакомых со всеми присущими последним особенностями, так что производила неизменное впечатление даже на зрителей, свободных от предубеждения. К примеру, она настолько точно копировала людей, которых знала только по описанию, что любой слушатель не смог бы отказать ей по крайней мере в выдающемся актерском таланте. Постепенно к речи ее присоединялись также жесты, и это вело в конце концов к attitudes passionelles
* , к целым драматическим сценам. Она принимала молитвенную, восторженную позу, говорила с сияющими глазами, и ее пылающая страстью речь прямо-таки околдовывала. При этом она пользовалась исключительно немецким литературным языком, на котором - в полную противоположность состоянию бодрствования, когда поведение ее было весьма неуверенным и стесненным,- она говорила с полнейшей уверенностью и привычностью. Ее движения были совершенно раскованны, полны изысканной грации и прекраснейшим образом выражали переменчивые состояния ее чувств. Поведение во время этой стадии в различных приступах изменялось по-разному и было необыкновенно разнородным. С. В. то спокойно лежала с закрытыми глазами на софе или на полу, не шевелясь,- это длилось от десяти минут до двух часов,- то, находясь в положении полулежа, говорила измененным голосом или на чужом языке, то пребывала в постоянном движении и принимала всевозможные пантомимические позы. Столь же изменчивым и бессистемным было содержание ее речей. То она говорила о себе в первом лице - преимущественно лишь для того, чтобы предсказать свой следующий приступ (это, правда, никогда не продолжалось долго); то она говорила о себе в третьем лице - и это было ее обыкновением. Тогда она представляла какого-либо другого человека - или кого-то из умерших знакомых, или произвольно выбранную личность, роль которой она последовательным образом разыгрывала после того, как сама давала ей характеристику. По окончании экстаза

* Установкам, внушенным страстью (фр.).

247

возникала, как правило, еще одна, каталептическая, стадия, которая постепенно переходила в пробуждение. Почти всегда имела место внезапно возникавшая бледность, доходившая до воскового анемического цвета, внушавшего опасения; нередко она появлялась уже в первой половине приступа, но часто возникала также и в его второй половине. Пульс при этом бывал слабым, но равномерным и нормальной частоты, дыхание тихим, поверхностным, часто почти незаметным. Как уже было сказано, С. В. часто предсказывала свои приступы. Непосредственно перед приступом ее обуревали особенные чувства, она бывала возбуждена, слегка пуглива и временами высказывала мысли о смерти: говорила, что, возможно, однажды она умрет во время такого приступа, что так или иначе ее душа во время приступа связана с телом лишь очень тонкой нитью, что в теле ее часто едва теплится жизнь. Однажды после каталептической стадии наблюдалось тахипноэ
* продолжительностью до двух минут с частотой до 100 вдохов в минуту. Первоначально приступы возникали спонтанно, позднее С. В. научилась их провоцировать, при этом она усаживалась в темный угол и прятала лицо в ладонях. Однако этот эксперимент частенько ей не удавался, у нее бывали так называемые "хорошие" и "плохие" дни. Вопрос относительно амнезии после приступов является, к сожалению, весьма неясным. Во всяком случае, совершенно

определенно, что после каждого приступа она точно ориентировалась в том, что пережила "в восхищении". И напротив, нет определенности в том, как она запоминала разговоры, которым служила в качестве медиума, и те изменения, которые происходили в ее окружении во время приступа. Часто возникала видимость того, что некоторое общее воспоминание об этом у нее уже было. Потому что непосредственно после пробуждения она часто говорила: "Кто здесь был? Не было ли здесь X или Y? Что он сказал?" Она обнаруживала также некоторую поверхностную ориентацию относительно содержания разговоров. Далее, она часто упоминала, что духи перед пробуждением сообщили ей,

* Учащенное дыхание без его углубления.

о чем шла речь. Однако зачастую это сообщение не соответствовало действительности. Когда же по ее требованию присутствовавшие сообщали содержание того, что она говорила в трансе, С. В. порой часами находилась в дурном настроении, особенно если имела место неделикатность по части чужих тайн. В таких случаях она могла чуть ли не браниться и часто заверяла, что в следующий раз попросит своих проводников, чтобы подобных духов держали от нее подальше. Ее негодование не было притворным, ибо в бодрствующем состоянии она едва могла справиться со своими аффектами, так что любое огорчение тут же обозначалось на ее лице. Относительно внешних событий во время приступа каждый раз казалось, что она совсем либо почти совсем не ориентируется в них. Она редко замечала, когда кто-то покидал комнату или входил. Так, однажды она запретила мне входить в комнату, так как ожидала сообщения, которое хотела бы утаить от меня. Я тем не менее вошел, сел вместе с другими тремя присутствовавшими и все прослушал. Глаза у С. В. были открыты, и она говорила, прямо обращаясь к присутствующим, но меня не замечала. Увидела она меня только тогда, когда я начал говорить, и следствием этого был взрыв искреннего возмущения. Что касалось слов других участников, слов, относившихся либо прямо к ней, либо к тому, что было сказано ею в трансе, то их она помнила несколько лучше, однако тоже, по-видимому, лишь в общих чертах. Я никогда не мог обнаружить в этом определенного отношения раппорта. Наряду с этими "большими" приступами, которые всегда протекали с известной закономерностью, С. В. обнаруживала и большое число других автоматизмов. Предвидения, предчувствия, непредсказуемые состояния и внезапно меняющиеся настроения бывали у нее постоянно. Состояния обычного сна я не наблюдал ни разу. Напротив, мне сразу бросилось в глаза, что С. В. посреди оживленнейшего разговора вдруг начинала говорить совершенно бессмысленно и спутанно, со своеобразной монотонностью, и при этом мечтательно смотрела перед собой полуприкрытыми глазами. Эти "отключения" длились обычно лишь несколько минут. Потом она внезапно спохватывалась: "Да, так что вы

сказали?" Вначале она не хотела давать каких-либо разъяснений по поводу этих "отключений", отвечая уклончиво: ей-де стало немного не по себе, у нее головокружение и головная боль и т. д. Однако позднее она сказала просто: "Да они-то снова здесь" - имелись в виду ее духи. Подверженность такого рода "отключениям" была очень неприятна, и она часто оборонялась против них: "Я не хочу, я не могу теперь, они должны прийти в другое время, они думают, что я существую только ради них". "Отключения" преследовали ее также на улице или в магазине, вообще в любой ситуации. Если это состояние настигало ее на улице, она прислонялась к какому-нибудь дому и пережидала, пока приступ не проходил. Во время этих "отключений", интенсивность которых всегда была очень различной, у нее регулярно бывали видения, кроме того, она очень часто "путешествовала" - и это особенно относится к тем приступам, когда она сильно бледнела; это значило, по ее словам, что она покидала свое тело и перемещалась в отдаленные места, куда переносили ее духи. Дальние путешествия в экстазе требовали от нее

особого напряжения. После этого она часами бывала совершенно изнуренной и жаловалась иногда, что духи снова вытянули из нее все силы, что подобные перенапряжения это слишком тягостно для нее, что духи должны поискать себе другого медиума и т. п. Однажды после подобного экстаза наступила получасовая истерическая слепота. Она шла покачиваясь, ощупью, ее нужно было вести, она не видела светильника, стоявшего на столе. Зрачки реагировали. Видения случались у нее также и помимо собственно "отключений" - если этим словом мы будем обозначать только глубокие нарушения внимания - и даже в большом количестве. Первоначально видения держались в рамках первой стадии сна. Некоторое время после того, как С. В. укладывалась в постель, комната освещалась, и из общего туманного свечения выделялись белые, сияющие образы. Все до единого они были облачены в белые, струящиеся одежды, женщины носили головной убор, напоминающий тюрбан, и пояс. Похоже (все это по сообщениям С. В.), "духи, изготовившись, уже стояли у постели", когда С. В. собиралась лечь. В

конце концов она стала видеть духов и средь бела дня, правда лишь смутно и кратковременно, до тех пор пока не наступало собственно "отключение", и тогда образы уплотнялись до осязаемой натуральности. Однако она всегда предпочитала темноту. Как представляется по сообщениям С. В., содержание видений в подавляющей части носило необыкновенно приятный характер. В созерцании прекрасных образов она испытывала чувство блаженного воодушевления. Значительно реже бывали ужасные видения демонического характера: они появлялись исключительно в ночное время или в темном помещении. Иногда С. В. видела черные образы на ночной улице или в своей комнате; однажды она очень испугалась, столкнувшись лицом к лицу с ужасной медно-красной физиономией, которая тупо уставилась на нее из темноты прихожей. Я не мог получить скольконибудь удовлетворительных сведений относительно первого появления видений. С. В. сообщает, что однажды на пятом или шестом году жизни ей привиделся проводник - ее дед, которого она никогда не знала при жизни. Я не мог получить от родственников С. В. никаких объективных исходных данных для этого раннего видения. Позднее ничего подобного не происходило вплоть до первого сеанса столоверчения. За исключением гипнагогического свечения и мелькания искр, никогда не было даже элементарных галлюцинаций, однако начавшись, они сразу же приобрели систематический характер и затрагивали все органы чувств в равной степени. Что касается интеллектуальной реакции на эти явления, то просто ошеломляло, до какой степени естественно С. В. воспринимала свои фантазии. Все ее развитие в сомнамбулу, все ее бесчисленные загадочные переживания представлялись ей само собой разумеющимися. Все свое прошлое она рассматривала только в этом свете. Любое мало-мальски значительное событие прежних лет находилось в необходимой и ясной связи с ее нынешним состоянием. Она была счастлива сознанием того, что нашла истинную задачу своей жизни. Она, конечно, была непоколебимо убеждена в реальности видений. Я часто пытался предложить ей критическое объяснение, однако она держалась всегда уклончиво, причем в обычном состоянии была маловосприимчива к

разумным объяснениям, а в состоянии геми-сомнамбулизма находила последние бессмысленными, даже оскорбительными для нее. Так, однажды она сказала: "Я не знаю, правда ли то, что говорят мне духи, и то, чему они меня учат; я, наконец, не знаю и того, те ли они на самом деле, чьими именами себя называют, но то, что мои духи существуют - тут вопроса нет. Я вижу их перед собой, я могу их ощущать, я говорю с ними обо всем, о чем захочу, так же громко и естественно, как я разговариваю теперь. Они действительно существуют, и это не может быть иначе". О болезненности своих явлений она совершенно не желала знать. Вообще, сомнения в ее здоровье и в реальности миров ее фантазии глубоко огорчали С. В. Ей очень мешали мои

наблюдения, так что она закрывалась от меня и долгое время отказывалась экспериментировать в моем присутствии; поэтому я остерегался впоследствии выражать вслух слишком уж явные сомнения и подозрения. Зато С. В. пользовалась безраздельным почтением и восхищением со стороны ближайших родственников и знакомых, которые просили у нее совета относительно всевозможных вещей. Она со временем приобрела столь сильное влияние на своих приверженцев, что трое из ее родственников тоже начали галлюцинировать, причем аналогичным образом. По большей части эти галлюцинации начинались как ночные сновидения очень оживленного, драматически завершенного характера, которые постепенно перетекали в бодрствующее состояние, частью гипнагогически, частью гипнопомпически. В частности, замужняя сестра С. В. имела исключительно яркие сновидения, которые последовательно разворачивались от ночи к ночи и наконец появились и в бодрствующем сознании, сначала как неясные иллюзии, потом как настоящие галлюцинации, однако они никогда не достигали пластической выразительности видений С. В. Так, например, она видела во сне черный демонический образ, который подходил к ее кровати, оживленно переговариваясь с белым, прекрасным образом, пытавшимся удержать черного; черный, несмотря на это, набросился на нее и стал душить, она же при этом проснулась. Ей привиделась склонившаяся над ней черная тень с человеческими очертаниями и рядом белый

туманный образ. Видение пропало только тогда, когда она включила свет. Такие же и подобные этому видения повторялись дюжинами. Видения двух других родственников были аналогичного характера, но меньшей интенсивности. Приступы описанного типа, содержащие массу фантастических видений и идей, менее чем за месяц развились до самой высокой степени, впоследствии уже непревзойденной. Что добавилось позже, так это упорядочивание всех этих мыслей и циклов видений, которые уже и в самом начале толковались до некоторой степени систематически, как бы по некоторой программе. Наряду с "большими" приступами и малыми, но по содержанию равноценными состояниям "отключения", достойна упоминания еще одна, третья категория состояний. Это состояния геми-сомнамбулизма. Они возникают в начале или в конце "больших" приступов, однако случаются и независимо от них, сами по себе. Оформлялись эти состояния постепенно в течение первого месяца. Привести точные данные относительно времени их возникновения невозможно. В подобном состоянии бросается в глаза застывшее выражение лица, блестящие глаза и характерная важность и размеренность движений. В этих состояниях С. В. остается сама собой; соответственно выступает ее сомнамбулическое Я. При этом она в полной мере ориентируется во внешнем мире, хотя можно сказать, что одновременно одной ногой она стоит в мире своих грез. Она видит и слышит своих духов, видит, как они снуют по комнате между участниками кружка, как останавливаются то возле одного, то возле другого. Она располагает ясными воспоминаниями о бывших у нее видениях, о своих путешествиях и о воспринятых ею поручениях. Она говорит спокойно, ясно и определенно и постоянно пребывает в серьезном, почти торжественном настроении. Всем существом своим она демонстрирует глубокую религиозность, свободную от привкуса пиетизма; в ее языке, в частности, не чувствуется ни малейшего влияния языка Библии или жаргона религиозных трактатцев, характерного для ее проводника. Ее торжественное поведение несет на себе налет меланхолии, в нем есть черты страдания. Она болезненно ощущает большую разницу меж-

ду своим ночным, идеальным миром и грубой повседневностью. Это состояние обнаруживает резкую противоположность ее бодрствованию, в нем нет и следа того неуверенного, негармоничного существа, того импульсивного, нервозного темперамента, который так характерен для ее поведения в остальном. Когда говоришь с ней, то испытываешь чувство, будто беседуешь с человеком, на много лет старшим, который благодаря обширному жизненному опыту достиг спокойствия, гармонии и степенности. Именно в этом состоянии она и выдавала лучшие свои результаты, в то время как ее романы по большей части обращались к предметам,

составлявшим интересы ее бодрствования. Геми-сомнамбулизм проявлялся преимущественно спонтанно, как правило, во время экспериментов со столом, и это проявлялось каждый раз в том, что С. В. начинала предвосхищать каждое сообщение стола. Тогда она обыкновенно прекращала столоверчение и через короткое время более или менее внезапно впадала в экстаз. С. В. проявила себя весьма восприимчивой. Она могла угадывать простейшие вопросы, о которых только думал какой-нибудь участник кружка, сам не бывший медиумом, и отвечать на них. Было достаточно положить руку на стол или ей на руку, чтобы это дало необходимый импульс. Ментального перенесения мыслей достичь никогда не удавалось. На фоне очевидного расширения ее личности тем заметнее становилось сохранение ее прежнего, обычного характера. С нескрываемым удовольствием разделяла С. В. все маленькие детские переживания, все влюбленности и сердечные тайны, все проказы и все пробелы в воспитании, которые присущи девицам ее возраста и положения. Для каждого, кто не знал ее тайны, она была девочкой пятнадцати с половиной лет, которая ничем не отличалась от тысяч ей подобных. Тем большим бывало удивление, когда ее узнавали с другой стороны. Для ближайших родственников это превращение первоначально было непостижимым; отчасти они так никогда и не поняли этого, и дело доходило до жестоких споров в семье, поскольку одна часть составила партию сторонников С. В., а другая партию ее противников; одни предались мечтательной переоценке, а другие - презрительному осуждению

254

"суеверия". Таким образом, в то время, когда я был близко знаком с С. В., она вела довольно странное, полное противоречий существование, своеобразную двойную жизнь - жизнь разных личностей, чередующихся или сосуществующих рядом и постоянно оспаривающих позиции одна у другой. Далее в хронологическом порядке следуют сообщения о некоторых наиболее интересных сеансах.

а) Сообщения о сеансах

Первый и второй сеансы, август 1899 г. С. В. тотчас же приняла на себя ведение "коммуникаций". "Психограф" - в данном случае перевернутый стакан для питья, на который были положены два пальца правой руки,- передвигался с молниеносной скоростью от буквы к букве. (Листочки с написанными на них буквами и цифрами были разложены вокруг стакана.) Последовало сообщение, что здесь находится дед "медиума" и он будет говорить с нами. Далее шел быстрый ряд многочисленных сообщений преимущественно религиознопоучительного характера; частью в правильно оформленных словах, отчасти с перестановками, а иногда с обратным порядком букв. Последние слова и предложения возникали так быстро, что проследить за содержанием не представлялось возможным, лишь после можно было узнать его. Эти коммуникации один раз были бесцеремонным образом прерваны новой коммуникацией, которая возвестила о присутствии дедушки автора. При этом событии было сделано шутливое замечание, что "очевидно, эти два духа с трудом переносят друг друга". Пока шли опыты, наступили сумерки. Внезапно С. В. встревожилась, испуганно вскочила, упала на колени и закричала: "Вот, вот, разве вы не видите этот свет, эту звезду вот здесь?" - и указала на темный угол комнаты. Она становилась все более возбужденной и испуганно требовала света. С. В. была бледна, плакала: ей так не по себе, она не понимает, что с ней происходит. Когда загорелся свет, она успокоилась. Опыты были прекращены. На следующем сеансе, который состоялся через два дня, опять вечером, вновь были достигнуты аналогич-

255

ные коммуникации с дедушкой С. В. С наступлением темноты С. В. внезапно откинулась на софу, побледнела, полуприкрыла глаза и лежала неподвижно. Рефлексы век сохранялись, так же как и тактильная чувствительность. Дыхание было тихим, почти незаметным, пульс поверхностный, мягкий. Это состояние длилось около получаса, после чего С. В., глубоко

вздохнув, внезапно поднялась. Сильная бледность, которая сохранялась на протяжении всего припадка, уступила место прежнему, бледно-розовому цвету лица. С. В. была сконфужена и смущена, объяснила, что видела много всего, но не захотела ничего рассказывать. Только после самых настойчивых расспросов она сказала, что, будучи в состоянии своеобразного бодрствования, она видела своего дедушку рука об руку с дедушкой автора. Потом они неожиданно проехали мимо нее, сидя рядом в открытой коляске. Третий сеанс. На третьем сеансе, состоявшемся через несколько дней,- тот же приступ, аналогичный прежним, продолжительностью немногим более получаса. С. В. рассказывала после этого о многочисленных белых, светящихся духах, каждый из которых передал ей по цветку с особенным символическим значением. По большей части это были умершие родственники. О более детальном содержании разговоров она упорно умалчивала. Четвертый сеанс. После того как С. В. впала в сомнамбулизм, она начала делать странные движения губами, издавая при этом глотающие и булькающие звуки. Потом зашептала очень тихо и невнятно. Это явление длилось несколько минут, потом она неожиданно начала говорить изменившимся и низким голосом. Она говорила о себе в третьем лице: "Ее нет здесь, она далеко". После этого последовало несколько фраз религиозного содержания. По содержанию и языку легко было заключить, что копировался ее дедушка, который был священником. Смысл речей не выходил за рамки духовного уровня "коммуникаций". Тон голоса был несколько искусственным и принужденным и начал приобретать естественность только тогда, когда в ходе разговоров стал все больше приближаться к голосу медиума. (В последующих сеансах голос ненадолго изменялся только

тогда, когда объявлялся новый дух.) После окончания приступа сказанное в трансе было забыто. Объяснения по поводу пребывания в потустороннем мире: она говорила о немыслимом блаженстве, которое ощущала. Следует еще заметить, что речь ее во время приступа была совершенно спонтанной и ей не предшествовало соответствующей суггестии. Непосредственно после этого сеанса С. В. познакомилась с книгой Юстинуса Кернера "Ясновидящая из Преворста"

21 . После этого С. В. начала магнетизировать себя по окончании приступов, прибегая отчасти к равномерным пассам, отчасти к странным движениям круговым, напоминающим восьмерку,- которые она совершала симметричным образом одновременно обеими руками. Она делала это, как она сама объясняла, для избавления от сильной головной боли, начинавшейся после приступов. На одном из сеансов в августе (здесь не отреферирован) к дедушке присоединились многочисленные прочие духи, духовно родственные ему, которые, однако, не произвели ничего достойного внимания. Всякий раз, когда выступал кто-то новый, бросалось в глаза, как изменялись движения стакана: чаще всего он пробегал вдоль целого ряда, натыкаясь на те или иные буквы, но никакого смысла из этого не вытекало. Орфография была самая произвольная и неуверенная, и первые предложения часто оказывались незаконченными или прерывались совершенно бессмысленной мешаниной из букв. После этого обычно происходило активное записывание. Несколько раз пытались прибегнуть к автоматическому письму в полной темноте. Записывающие движения начинались с энергичных порывистых толчков всей руки, так что карандаш протыкал бумагу. Первые пробы письма состояли из многочисленных штрихов и зигзагообразных линий сантиметров десяти высотой. При дальнейших попытках сначала появлялись нечитаемые, очень крупно записанные слова, и лишь постепенно почерк становился мельче и отчетливее, почти не отличаясь от почерка медиума. Контролирующим духом снова был дедушка. Пятый сеанс. Сомнамбулический припадок в сентяб-

21 Первое издание 1829 г.

ре 1899 г. С. В. сидит на софе, откинувшись назад, закрывает глаза, дышит тихо и ритмично. Постепенно она впадает в каталепсию. Через две минуты каталепсия исчезает, после чего С. В. лежит, полностью расслабив мускулы, и, по всей видимости, спокойно спит. Неожиданно она начинает говорить приглушенным голосом: "Нет, ты возьми красное, а я возьму белое.- Ты можешь взять зеленое, а ты голубое.- Вы готовы?- Мы хотим теперь уйти". (Пауза на несколько минут, во время которой лицо покрывается мертвенной бледностью. Ее руки холодны на ощупь и тоже в большой степени анемичны.) Внезапно она выкрикивает громким, торжественным голосом: "Альберт, Альберт, Альберт! (потом шепотом) - Так, теперь ты говоришь",- после чего следует долгая пауза, во время которой бледность лица достигает предельной степени. Снова громким, торжественным голосом: "Альберт, Альберт, ты не веришь своему отцу?- Я говорю тебе, в учении Н. много заблуждений.- Подумай об этом".- Пауза. Бледность лица несколько спала.- "Так, он очень напуган, он не может больше говорить". (Эти слова последовали в тоне обычного разговора.) - Пауза.- "Он, конечно, подумает над этим". Теперь С. В. говорит ровным тоном и далее на чужом языке, который похож на французский или итальянский, напоминая то один, то другой. Она говорит плавно и грациозно в очень высоком темпе, так что некоторые слова еще можно понять, но их трудно все запомнить, поскольку они незнакомые. Слова время от времени повторяются, как, например: wena, wenes, wenai, wene и т. д. Ошеломляющее впечатление производит именно абсолютная естественность сообщения. Время от времени С. В. делает паузы, будто кто-то ей отвечает. Неожиданно она говорит по-немецки: "Как, разве уже время?" (Огорченным голосом.) "Я уже должна идти?- Всего доброго, всего доброго!" При последних словах по ее лицу проходит выражение неописуемого экстатического блаженства. Она поднимает руки, ее закрытые до тех пор глаза открываются, сияющий взгляд устремляется вверх. На мгновение она застывает в этой позе, потом руки расслабленно падают вниз, глаза закрываются, выражение лица становится усталым и изнуренным. После короткой каталептиче-

ской стадии она со вздохом просыпается. Удивленно оглядывается вокруг: "Не правда ли, я снова спала?" Ей рассказывают, что она говорила во сне, по поводу чего она выражает сильное негодование, которое возрастает еще больше, когда она узнает, что говорила на чужом языке. "Я ведь говорила духам, я не хочу, можно было бы и без этого, это слишком сильно утомляет меня". (Начинает плакать.) "О боже, неужели все, все должно повториться, как в последний раз, неужели мне ничего не простится?" На следующий день в то же время снова приступ: после того как С. В. заснула, внезапно объявился Ульрих фон Гербенштайн. Он оказывается веселым болтуном, очень складно говорит на литературном немецком языке с северным акцентом. Будучи спрошен, что сейчас делает С. В., он после долгих отговорок признает, что она далеко отсюда и он здесь затем, чтобы позаботиться о ее теле, дыхании, кровообращении. Он должен также проследить, чтобы ею между тем не овладел и не причинил ей вреда никакой Черный. После настойчивых расспросов он рассказывает, что С. В. вместе с другими отправилась в Японию, чтобы явиться там одному дальнему родственнику и удержать его от глупой женитьбы. Потом шепчущим голосом он сообщает момент, когда происходит явление, на несколько минут запрещает всякие разговоры, указывает на внезапно возникшую при этом бледность С. В., замечая, что материализация на столь большие расстояния соответственно стоит больших сил. Потом он предписывает холодный компресс вокруг головы, чтобы уменьшить головную боль, которая наступит у нее после этого. Вместе с постепенным возобновлением прежнего живого цвета лица становится оживленнее и разговор. Он вращается вокруг всевозможных детских шуток и мелочей; неожиданно У. фон Г. говорит: "Я вижу, они идут, хотя еще далеко. Во всяком случае, я вижу, вон она там, словно звездочка". С. В. указала на север. Конечно, тут же последовал удивленный вопрос, почему они приходят не с востока, на что У. фон Г. со смехом заметил: "Да они ведь идут прямым путем, через Северный полюс. Ну, я пошел, всего доброго!" Сразу после этого С. В. со вздохом просыпается, она печальна, жалуется на головную боль.

259

Она видела, что возле ее тела находился У. фон Г.; что он рассказал? Она сердится на "глупую болтовню", которой он мог бы и не допускать. Шестой сеанс. Начинается как обычно. Глубокая бледность. Лежит вытянувшись, едва дыша. Неожиданно она говорит громким, торжественным голосом: "Да не пугайся ты, это я! Я предупреждала тебя относительно учения Н. Взгляни-ка, в надежде уже содержится все, что относится и к вере.- Ты хочешь знать, кто я?- Бог там, где ты этого менее всего ожидаешь.- Разве ты не знаешь меня?" После этого разобрать шепот невозможно. Пробуждается несколько мгновений спустя. Седьмой сеанс. С. В. быстро засыпает, лежит, вытянувшись на софе. Она очень бледна. Ничего не говорит, время от времени глубоко вздыхает. Открывает глаза, поднимается, садится на софу, сильно наклоняется вперед и тихо говорит: "Ты тяжело грешила, ты низко пала". При этом склоняется вперед так, будто говорит с кем-то, кто стоит перед ней на коленях. Она встает, поворачивается направо, вытягивает руку и указывает на то место, над которым склонялась перед тем. "Ты простишь ей?- спрашивает она громко.- Прощай не людям, прощай их духам. Не они грешили, а их человек". После этого она падает на колени и примерно на десять минут застывает в молитвенной позе. Затем внезапно поднимается, устремляет в небо экстатически восхищенный взгляд, вновь резко опускается в коленопреклоненную позу и, положив лицо на руки, шепчет непонятные слова. В этой позе она на несколько минут застывает неподвижно, потом просыпается, поднимает вновь прояснившееся лицо и ложится на софу, после чего просыпается.

b) Развитие сомнамбулической личности

Многие сеансы начинались с того, что стакану предоставляли возможность двигаться спонтанно, после чего каждый раз следовало требование: "Вы должны спросить". Поскольку в сеансах принимали участие весьма убежденные спириты, то, конечно, тут же спрашивалось о всяческих спиритических странностях, прежде всего о "духах-защитниках". В ответ на эти вопро-

260

сы возникали имена иногда кого-то из умерших знакомых, а иногда и совсем незнакомые, как, например, Берта де Вало, Элизабет фон Тирфельзенбург, Ульрих фон Гербенштайн и т. д. Контролирующим духом был почти исключительно дедушка медиума, который однажды объяснил, что любит ее больше всего в этом мире, поскольку покровительствует ей с самого ее детства и знает все ее мысли. Эта личность порождала поток библейских высказываний, поучительных наблюдений и песнопений из книг псалмов, а также строфы собственного сочинения, вроде этих:

Небесным утешеньем дорожи, Будь тверд и стоек в верности и в вере. Господь - хранитель для твоей души. С Ним претерпи все беды и потери. Молитвой от несчастий защитись, Когда нужда земная гнет, съедает. Душа, в молитве устремившись ввысь, Приемлет все, что Бог ни посылает.

Нельзя не заметить, что подобная пачкотня, изливавшаяся довольно обильно, обязана своим происхождением какому-нибудь трактату - ее выдает банальное, елейное содержание. С тех пор как начались экстатические речи С. В., стали развиваться энергичные разногласия между членами кружка и этой сомнамбулической личностью. Содержание получаемых от нее ответов было по существу тем же, что и содержание психографических сообщений - банальным и общепоучительным. Для этой особы характерна сухая, скучная серьезность, ригористическая мораль и пиетистская набожность (что не соответствует исторической реальности). Дедушка - проводник и покровитель медиума. Во время экстаза он дает разнообразные и поучительные советы, предсказывает последующие приступы, явления, которые наступят при пробуждении, и тому подобное. Он предписывает холодные компрессы, дает указания относительно позы медиума, распорядка сеансов и т. д. Его отношение к медиуму исключительно нежное. Резкую

противоположность этому несколько Тяжеловесному фантастическому персонажу образовала другая личность, которая периодически уже всплывала в психограических сообщениях первых сеансов. Вскоре она рас-

261

крывает себя как умерший брат господина Р., прини., мавшего тогда участие в сеансах. Этот умерший брат господин П. Р., сыпал общие фразы о братской любви к своему живому брату и т.п. От специальных вопросов он всячески уклонялся. При этом он обнаружит прямо-таки удивительную словоохотливость в общении с дамами кружка, и одной из них - даме, которая никогда не была знакома с господином П. Р. при его жизни,- признался в своем поклонении. Он утверждал, что еще при жизни мечтал о ней, что часто встречал ее на улице, не будучи с ней знаком, и что теперь весьма рад познакомиться с ней таким необычным способом. Своими плоскими комплиментами, насмешливыми замечаниями в адрес мужчин, невинными детскими шуточками и тому подобным вздором он заполнял значительную часть сеансов. Многие участники кружка выражали негодование по поводу легкомыслия и банальности этого "духа", после чего последний исчезал на один или два сеанса, но вскоре появлялся вновь и сначала бывал тихим, часто даже по-христиански кротким, а потом опять впадал в свой прежний тон. Наряду с этими резко противоположными личностями появлялись и другие, которые лишь немного варьировали тип дедушки; по большей части это были умершие родственники медиума. В соответствии с этим общий тон сеансов был торжественно поучительным, лишь время от времени его нарушала тривиальная болтовня господина П. Р. Господин Р. покинул наш кружок через несколько недель после начала сеансов, и сразу после этого в поведении господина П. Р. наступило заметное изменение. Он стал односложен, появлялся реже и после нескольких сеансов пропал совсем, чтобы потом возникать лишь изредка, преимущественно тогда, когда медиум бывала один на один с упомянутой дамой. После этого на первый план пробилась другая личность; в отличие от господина П. Р., говорившего на диалекте, речь этого была несколько жеманной, с северонемецким акцентом. В остальном он был точной копией господина П. Р. Его словоохотливость тем более примечательна, что сама С. В. говорила на весьма небезупречном немецком языке, в то время как речь нового лица, назвавшегося Ульрих фон Гербенштайн, была

262

безукоризненна и обильно украшена любезными фразами и комплимейтами

22 . Фон Гербенштайн - это шутник, находчивый зубоскал, фланер, большой почитатель дам, легкомысленный и весьма поверхностный. В течение зимы 1899/ 1900 года он постепенно все более овладевал ситуацией, все заметнее принимал на себя все функции дедушки, и под его влиянием характер сеансов заметно потерял в серьезности. Все контрсуггестии оказались бессильными, и в конце концов стали увеличиваться интервалы времени, на которые откладывались сеансы. Необходимо упомянуть о следующем обстоятельстве, которое имеет отношение ко всем этим сомнамбулическим личностям. В их распоряжений - вся память медиума, включая и ее бессознательную (unbewuBter) часть; и в тех видениях, которые были у медиума в экстазе, они, в общем, тоже ориентируются, хотя знакомство с фантазиями, имевшими место в экстазе, у них самое поверхностное. О сомнамбулических грезах они знают только то, что могли бы узнать и от участников кружка. Они никогда не в состоянии дать разъяснения по поводу спорных вопросов или дают только такое, которое вступает в противоречие с разъяснениями самого медиума. На вопросы об этом дается стереотипный ответ: "Спросите Ивенс, Ивенс знает об этом"

23 . Из приведенных выше примеров различных состояний экстаза видно, что сознание медиума во время транса совсем не остается бездеятельным, как раз наоборот, оно развивает необыкновенно разнообразную фантазирующую деятельность. При реконструкции сомнамбулического Я С. В. мы вынуждены ограничиться лишь ее рассказами о своих переживаниях, так как, во-первых, спонтанные проявления ее Я, привязанного к бодрствующему

состоянию, скудны и по большей части мало взаимосвязаны, а, во-вторых, очень многие экстазы протекают без пантомимы и речи, так что из внешних проявлений невозможно сделать какие-то выводы о внутренйих процессах. С. В. по преимуществу

22 Следует отметить, что в доме С. В. бывает господин, имеющий северонемецкий выговор.
23 Ивенс - это мистическое имя сомнамбулического Я медиума.

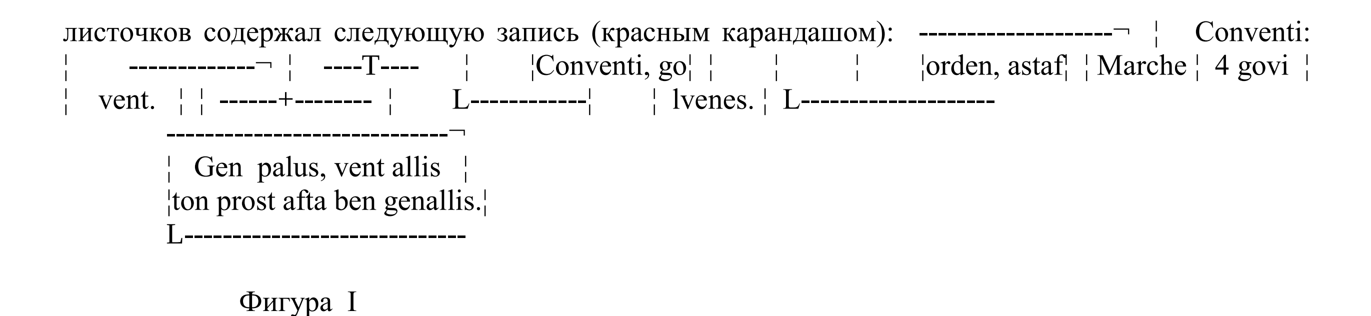
обнаруживает тотальную амнезию относительно автоматических феноменов во время экстаза, поскольку они попадают в сферу личностей, чуждых ее Я. Обо всех других феноменах - таких, как разговор вслух, глоссолалия и т. п., напрямую связанных с ее собственным Я,- как правило, сохраняется ясное воспоминание. Однако определенно можно сказать, что во всех случаях тотальная амнезия присутствовала только в первые мгновения после экстаза. Амнезия постепенно исчезает к исходу первого получаса, на протяжении которого еще имело место нечто вроде геми-сомнамбулизма - с фантазиями, галлюцинациями и тому подобным, причем всплывают обрывочные воспоминания о происшедшем, правда совершенно бессистемно и произвольно. Последующие сеансы начинались преимущественно с того, что руки участников соединялись на столе и стол тут же начинал двигаться. С. В. между тем постепенно входила в сомнамбулическое состояние; она убирала руки со стола, откидывалась на софе и впадала в экстатический сон. После этого она каждый раз рассказывала о своих впечатлениях, хотя по отношению к чужим замыкалась и держалась очень сдержанно. Уже после первых экстазов она объяснила нам, что играет особую, привилегированную роль среди духов; как и всякий дух, она носила особое имя - Ивенс; ее дедушка окружал ее совершенно особенной заботливостью; в экстазе с цветочным видением ей были открыты важные тайны, которые она, однако, хранила пока под покровом глубокого молчания. Во время сеансов, когда говорили ее духи, она совершала путешествия, по большей части к родственникам, которым она являлась; или же находилась в потустороннем мире, "в том пространстве между созвездиями, о котором полагают, что оно пусто, а ведь в нем находятся многочисленные миры духов". Однажды в геми-сомнамбулическом состоянии, которым часто завершался ее приступ, она в своеобразной поэтической манере рассказала об одном ландшафте в потустороннем мире, о "чудесной, залитой лунным светом долине, которая предназначена для еще не родившихся поколений". Свое сомнамбулическое Я она изображает как личность, почти полностью обособившуюся от тела. Это

взрослая, но маленькая черноволосая женщина выраженного еврейского типа, облаченная в белые одежды, голова ее покрыта тюрбаном. Она понимает язык духов и говорит на нем, ибо духи, следуя человеческой привычке, разговаривают между собой, хотя в этом, собственно говоря, у них нет необходимости; они способны видеть мысли друг друга. Она "не всегда в прямом смысле разговаривает с духами, а просто смотрит на них и при этом понимает их мысли". Она путешествует в сопровождении четырех или пяти умерших родственников и навещает своих живых родных и знакомых, чтобы рассмотреть их жизнь и их образ мыслей; она также посещает все места, которые слывут притягательными для привидений. После знакомства с книгой Кернера ее призвание состоит в том, чтобы поучать и исправлять черных духов, которые привязаны к определенному месту, а некоторые находятся под земной поверхностью (по аналогий с ясновидящей из Преворста). Эта деятельность становится причиной многих ее недомоганий и страданий, во время экстаза и после него она жалуется на чувство удушья, сильные головные боли и т.д. За это ей разрешено каждые две недели по средам проводить целую ночь в садах потустороннего мира в обществе блаженных духов умерших. Там она получает поучения о силах мира, о бесконечно сложных отношениях родства между людьми, а также о законах реинкарнации, об обитателях светил и т. д. К сожалению, только системы мировых сил и

реинкарнации достигли своей законченной формы. О прочих предметах С. В. обронила лишь случайные замечания. Так, например, однажды, отправившись в поездку по железной дороге, она вернулась в большом возбуждении. Сначала думали, что она столкнулась с какой-то неприятностью, пока, наконец, она не взяла себя в руки и не рассказала, что в поезде напротив нее сел звездный житель. По характеристике, данной ею этому существу, я случайно узнал знакомого мне пожилого купца, лицо которого было несколько несимпатичным. В связи с этим событием она рассказывала разные странности о жителях звезд, а именно что у них, в отличие от людей, нет божественной души, что они не занимаются наукой и философией, но зато в технических искусствах ушли

гораздо дальше людей. Так, на Марсе уже давно введены летательные машины, каналы на Марсе - это искусственно выкопанные моря, и служат они для орошения. Эти каналы представляют собой весьма неглубокие рвы, вода в них мелкая. Копание каналов не представляет особых трудностей для жителей Марса, так как почва на Марсе легче, чем на Земле. Через каналы нигде не переброшены мосты, однако передвижению это не мешает, так как все путешествуют на летательных машинах. Войн на светилах не бывает, так как нет различия в мнениях. Обитатели светил не имеют человеческого образа, но носят многообразные смешные обличья, которые невозможно и представить себе. Духам людей, получившим разрешение на путешествия в потустороннем мире, нельзя появляться на светилах. Точно так же и путешествующим обитателям светил не разрешается ступать на Землю: они должны оставаться на удалении от земной поверхности примерно в 25 метров. Если они преступают запрет, то попадают во власть Земли и должны воплотиться в людей, а обратно будут отпущены только после их естественной смерти. В человеческом облике они холодные, жестокосердые и мрачные. С. В. узнает их по особому взгляду, в котором отсутствует "душевное", и по лицу - резко очерченному, безбровому и лишенному растительности. Обитателем светил был Наполеон I. В своих путешествиях она не видит местности, которую пересекает. У нее появляется чувство парения, а когда она прибывает на место, духи говорят ей об этом. Потом она обычно видит только лицо и верхнюю часть тела того, кому является или кого хочет видеть. Лишь изредка могла она сообщить о том, что видела какое-то лицо в некотором окружении. Иногда она видела меня - одно лицо без какого-либо окружения. Она много внимания уделяла заклинанию духов и для этой цели записывала на листочках фразы на непонятном языке и прятала их во всевозможных местах. В моем жилище ей особенно досаждало присутствие некоего итальянского убийцы, которого она называла Конвенти. Она много раз пыталась заклясть его и попрятала у меня- без моего ведома - множество подобных листочков, которые позднее были случайно найдены. Один из таких

листочков содержал следующую запись (красным карандашом):

Conventi:
Conventi, go
orden, astaf
Marche 4 govi vent.
lvenes.

Gen palus, vent allis
ton prost afta ben genallis.

Фигура I

Перевода я так никогда и не получил, ибо С. В. проявила себя в этом отношении совершенно неприступной. Иногда речь сомнамбулической Ивенс обращена непосредственно к публике. Обычно она ведет достойный разговор, в котором есть отзвук мудрости, не свойственной этому возрасту. Ивенс не предстает, однако, ни елейно-скучной, ни дурашливо-шаловливой, как два ее

проводника,- напротив, это серьезная, зрелая особа, со смиренной набожностью, женственной хрупкостью и большой скромностью, постоянно отдающая себя на суд других. Мечтательно-элегическая натура, которой присуща некоторая разочарованность, она стремится прочь из этого мира, неохотно возвращается к действительности, жалуется на свой жестокий жребий, на отчужденные взаимоотношения в ее семье. Вместе с тем в ней есть нечто величественное, она повелевает своим духам, высмеивает дурашливую болтовню Гербенштайна, утешает одних и приободряет других опечаленных людей. Она предупреждает и защищает от опасностей тела и души, сообщает совокупный интеллектуальный результат всех явлений, хотя и приписывает его сообщению, полученно-

му от духов. Ивенс - это та, под чьим непосредственным влиянием находится С. В. в геми-сомнамбулическом состоянии.

с) Романы

Столь характерный мечтательный взгляд С. В. в состоянии геми-сомнамбулизма дал некоторым участникам кружка повод для сравнения ее с ясновидящей из Преворста. Эта суггестия не осталась без последствий. С. В. делала разъяснения о прежних существованиях, которые уже пережила, и уже через несколько недель сразу рассказала о целой системе реинкарнации, хотя раньше ни о чем подобном даже не упоминала. Ивенс - это духовное существо, которое имеет некоторое преимущество перед духами других людей. Любой человеческий дух должен в течение столетия воплотиться дважды. Ивенс же должна воплотиться по крайней мере один раз в каждые двести лет; кроме нее эту судьбу разделяют еще двое людей, а именно, Сведенборг и мисс Флоренс Кук (знаменитый медиум Крукза)
24 . С. В. называет их своими "братом" и "сестрой". Об их прежних существованиях она не привела никаких данных. Ивенс же в начале XIX века была фрау Хауфе, ясновидящей из Преворста. В конце XVIII века - женой священника в Средней Германии (где - не уточняется). В этом воплощении ее соблазнил Гёте, и она родила ему сына. В XV веке она была графиней Саксонской и носила поэтичное имя Тирфельзенбург. Ульрих фон Гербенштайн - родственник из тех времен. Страдания ясновидящей из Преворста были расплатой за паузу в 300 лет, которую она допустила, и за прегрешение с Гёте. В XIII веке она была дворянкой по имени де Вало на юге Франции, и ее сожгли как ведьму. Многочисленные реинкарнации имели место в период между XII веком и Нероновскими гонениями на христиан, однако С. В. не делает о них подробных сообщений. Во времена Нерона в гонениях на христиан она фигурировала как святая мученица. Потом вновь следует широ-

24 Сэр Уильям Крукз, врач и психолог (1832-1919). (Нем. издатели.)

кая полоса, покрытая мраком, вплоть до времен Давида, когда Ивенс была обычной еврейкой. После ее тогдашней смерти она получила от Астафа - ангела с одного из высших небес - благословение на чудесную миссию. Во всех ее прежних воплощениях она была "медиумом" и последующим звеном в общении между потусторонним и посюсторонним мирами. Ее "родные" того же возраста и имеют ту же профессию. Сама она в прежних воплощениях каждый раз бывала замужем и, таким образом, положила начало колоссальному фамильному древу, различными сложноскомбинированными отношениями которого она и занималась в своих экстазах. Например, приблизительно в VIII веке она была матерью своего кровного отца, а далее ее и моего дедов: отсюда столь поразительная дружба обоих стариков, которых в остальном ничто не сближало. В качестве г-жи де Вало она была матерью автора. Когда ее как ведьму сожгли на

костре, последний принял это слишком близко к сердцу и отправился в монастырь в Руане, облачился в серое одеяние, стал приором, написал книгу по ботанике и умер в весьма преклонном возрасте, прожив более 80 лет. В трапезной монастыря висел портрет г-жи де Вало, на котором она изображалась в положении полулежа. (С. В. в геми-сомнамбулическом состоянии часто принимала эту позу на софе. Поза совершенно точно соответствует той, в которой мадам Рекамье изображена на знаменитой картине Давида.) Некий господин, часто принимавший участие в сеансах и имевший отдаленное сходство с автором, в те времена также был одним из ее сыновей. Вокруг этого родства группировались теперь в большем или меньшем отдалении все сколько-нибудь родные и знакомые лица. Один был из XV века, другой - родственник из XVIII и т. д. Более того, значительная часть европейских народов состоит из трех больших фамильных древ. Она и ее родные ведут свой род от Адама, который возник благодаря материализации. Другие же существовавшие тогда народы, из которых взял себе жену Каин, происходили от обезьян. Из этих "кругов родства" С. В. выводила бесчисленные фамильные сплетни, иначе говоря, целый поток историй и романов, пикантных анекдотов

и т. п. Особой мишенью ее сочинений была дама из круга знакомых автора, которая по необъяснимым причинам была ей глубоко антипатична. Она объявила эту даму воплощением известной парижской отравительницы, вызвавшей большую сенсацию в XVIII веке. Она утверждала, что эта дама и сейчас еще продолжает свое опасное ремесло, но иным, гораздо более рафинированным способом, нежели прежде, а именно: по наущению сопровождающих ее злых духов она изобрела особую жидкую смесь - достаточно выставить ее на воздух, чтобы .она вобрала в себя все находящиеся вокруг туберкулезные бациллы, которые сразу будут отлично развиваться. Такой вот жидкостью, подмешав ее к еде, эта женщина отравила своего мужа, который действительно умер от туберкулеза, а также одного из своих любовников и своего собственного брата, чтобы стать наследницей последнего. Старший сын этой дамы является внебрачным сыном ее любовника. Другому своему любовнику она родила внебрачного ребенка, уже будучи вдовой, и, наконец, она находилась в безнравственной связи с собственным братом, отравленным ею позже. Таким образом, С. В. сплетала бесчисленные, похожие одна на другую истории, в которые она непоколебимо верила сама. Персонажи этих романов становились также действующими лицами ее видений, как, например, эта дама в описанном выше видении с пантомимой исповеди и отпущением грехов. Все, что ни случалось вокруг пациентки мало-мальски интересного, вовлекалось в эту систему романов и включалось в порядок родственных отношений с более или менее точными данными относительно прежних воплощений и оказавших влияние духов. Та же участь ожидала всех тех, кто становился знакомым С. В. В зависимости от того, обладал ли этот человек ярким или неопределенным характером, он квалифицировался как первое или второе воплощение. По преимуществу эти люди также определялись и как родственники, причем всегда очень конкретно. И только позднее, часто много недель спустя, после экстаза внезапно объявлялся новый, сложно скомпонованный роман, который объяснял столь необычное родство прежними воплощениями или незаконными связями. Лица, кото-

рые были симпатичны С. В., как правило, оказывались очень близкими родственниками. Эти семейные романы (за исключением приведенного выше) всегда были составлены очень предусмотрительно, так что контроль был совершенно невозможен. Преподносились они, однако, всегда с потрясающей уверенностью и часто поражали исключительно ловким использованием отдельных деталей, которые С. В. могла где-то наблюдать или заимствовать. Романы по большей части носили зловещий характер. Смерть от яда или от кинжала, совращения и изгнания, подделки завещаний и тому подобные вещи играли в них исключительно важную роль.

d) Мистическое природоведение

В отношении естественнонаучных вопросов С. В. имела многочисленные суггестии. Чаще всего после сеансов говорили и спорили о многочисленных и весьма разнообразных предметах естественных наук и спиритизма. С. В. никогда не вмешивалась в разговор, но сидела обычно в углу, погруженная в геми-сомнамбулические мечтания. Она слышала то одно, то другое, воспринимала это как во сне и, если ее спрашивали, никогда не могла рассказать что-то связное, да и разъяснения понимала только наполовину. В ходе зимы на различных сеансах стали появляться указания: духи сделали 'ей удивительное откровение о силах потустороннего и посюстороннего миров, но сейчас она-де может рассказать еще не все. Однажды она предприняла попытку дать некоторое представление об этом, но сказала только, что на одной стороне - свет, а на другой - сила притяжения. Наконец, в конце марта 1900 года, после того как на многих предшествовавших сеансах об этих вещах ничего не сообщалось, она неожиданно появилась с ликующим видом и заявила, что теперь получила от духов все. Она достала длинную, узкую полоску бумаги, на которой значились многочисленные имена. Вопреки моему требованию, она не выпустила полоску из рук, а продиктовала мне следующую схему:

Фигура 2

Я определенно припоминаю, что зимой 1899/1900 года в присутствии С. В. многократно говорилось о силах притяжения и отталкивания в связи с кантовской "Естественной историей неба"
25 , а также о законе сохране-

25 Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels.

ния энергии, о различных формах энергии и о том, является ли сила тяжести также и формой движения. Очевидно, что из содержания этих разговоров С. В. и создала основы своей мистической системы. Объяснения по этому поводу она дала следующие: силы упорядочены на семи окружностях. Вокруг них, кроме того, описаны еще три окружности, на которых располагаются неизвестные промежуточные силы - нечто среднее между силами и материями. На семи же внешних окружностях, которые заключают в себе семь внутренних, расположены материи
26 . В центре находится Первосила, она является причиной творения и представляет собой духовную силу. На первом круге, описанном вокруг Первосилы, расположена материя, которая не является собственно силой, и Первосила не выступает ее источником. Но она связана с Первосилой, и из этой связи возникают силы в первую очередь духовные: на одной стороне - силы добра, или силы света, на другой - темные силы. Больше всех от Первосилы содержит в себе сила Магнезор, меньше всех прочих сила Коннесор, в которой темная сила материи достигает максимума. Чем дальше Первосила простирается вовне, тем слабее она становится, однако тем слабее становится и сила материи, причем ее власть более всего возрастает там, где столкновение материи с Первосилой становится наиболее жестким, а именно у силы Коннесор. На окружностях расположены всегда аналогичные, равные по интенсивности и противоположно направленные силы. Систему можно записать и в один ряд, который начинался бы с Первосилы, Магнезора, Кафара и т. д. (слева направо по схеме) и, проходя через "1усу и Эндос, заканчивался бы Коннесором - но при этом была бы затруднена обозримость степени интенсивности. Каждая сила внешнего круга складывается из ближайших сил внутреннего круга.

Группа Магнезор. От Магнезора ведут свое происхождение силы света при очень незначительном воздействии темных сил. Силы Магнезор и Кафар в единстве образуют так называемую жизненную силу, которая не

26 На иллюстрации 2 представлены только 7 внутренних кругов.

является единой силой, но у животных и растений представляет собой соединение различных элементов. Между Магнезором и Кафаром находится жизненная сила людей. Больше всего от Магнезора несут в себе высоконравственные люди и медиумы, которые опосредствуют общение добрых духов с землей. Примерно посередине находится жизненная сила животных, а ближе к Кафару - растений. О силе Хефа не известно ничего, т. е. С. В. ничего не может о ней сообщить. Персус - это базовая сила из тех, которые проявляют себя в форме сил движения. Их узнаваемые формы - это тепло, свет, электричество, магнетизм, а также две незнакомые силы, одна из которых действует только на кометах. Из сил седьмого круга С. В. смогла охарактеризовать только северный и южный магнетизм и положительное и отрицательное электричество. Дека неизвестна. Смар обладает особым значением, которое будет разъяснено ниже. Эта сила осуществляет переход к

Группа Типос. Гипос и Гифонизм - это силы, которые присущи лишь определенным людям, а именно таким, которые в состоянии оказывать магнетическое влияние на других. Атиалови - это половое влечение. Из него напрямую выводится химическая афинность. Под ней на девятой (sic!) окружности следует сила инерции (соответственно по линии силы Смар). Значения Суруса и Кары неизвестны. Пуса соответствует Смару, но противоположно направлена.

Группа Коннесор. Коннесор - это полюс, противоположный Магнезору. Это - темная и злая сила, равная по интенсивности доброй силе света. То, что создает добрая сила, эта превращает в противоположное. Эндос - базовая сила минеральных материй. Из Тусы (значение неизвестно) выводится гравитация, которая, в свою очередь, характеризуется как базовая сила обнаруживающихся в явлениях сил инерции (силы тяжести, капиллярности, сцепления молекул, адгезии). Накус - это тайная сила одного редкого камня, который нейтрализует действие змеиного яда. Две силы - Смар и Пуса - имеют некоторое особенное значение. Как утверждает С. В., Смар получает развитие в моменты смерти высоконравствен-

ных людей, причем именно в теле последних. Эта сила обеспечивает душе возможность восхождения к силам света. Противоположным образом ведет себя Пуса, которая переводит безнравственные души на темную сторону, в состояние Коннесора. С шестой окружности начинается видимый мир, который только из-за ущербности наших органов чувств представляется столь резко разграниченным с миром потусторонним. В действительности переход тут очень постепенный, и есть люди, которые живут на очень высокой ступени познания мира, поскольку их восприятия и ощущения тоньше, чем у других людей. Подобные "ясновидящие" способны видеть действие сил там, где обычные люди не воспринимают ничего. С. В. видит Магнезор как белый или голубоватый светящийся туман, который появляется преимущественно тогда, когда поблизости находятся добрые духи. Коннесор - черный флюид, напоминающий пар, который, по аналогии с Магнезором, возникает при появлении "черных духов". Особенно ночью, перед Началом больших видений, вокруг нее плотным облаком ложится светящийся туман Магнезора, и потом из него возникают добрые духи, уплотняясь до зримых, белых образов. Точно так же происходит и с Коннесором. Две эти силы имеют своих различных медиумов. С. В.- медиум

Магнезора, так же как ясновидящая из Преворста и Сведенборг. Медиумы материализации у спиритов являются преимущественно медиумами Коннесора, поскольку посредством Коннесора материализация осуществляется гораздо легче - он близко связан со свойствами материи. Летом 1900 года С. В. многократно пыталась воспроизвести круги материи, но ей не удалось выйти за рамки смутных и малопонятных пояснений, так что впоследствии она вообще не говорила об этом.

e) Развязка

С созданием системы сил действительно интересные и содержательные сеансы подошли к концу. Уже и прежде было заметно, что оживленность экстазов постепенно убывает. Ульрих фон Гербенштайн все чаще оказывался на переднем плане и часами заполнял сеансы

275

своей детской болтовней. Видения, которые между тем бывали еще у С. В., казалось, значительно потеряли в богатстве и пластичности образов, ибо она могла теперь сообщать только об общем чувстве блаженства, возникавшем в присутствии добрых духов, и о неприятном чувстве в присутствии злых. Чего-либо нового уже не появлялось. В речах, произносимых в трансе, возникла некоторая неуверенность, нечто вроде нащупывания и попытки исследовать впечатление, произведенное на слушателей', содержание же при этом становилось все более плоским. Во внешнем поведении С. В. тоже появилась бросавшаяся в глаза робость и неуверенность, так что все более усиливалось впечатление, что слушателей намеренно хотят ввести в заблуждение. Поэтому автор вскоре покинул сеансы. Впоследствии С. В. экспериментировала в других кружках и примерно через полгода после прекращения моих наблюдений была уличена в обмане. Она хотела оживить пошатнувшуюся веру в свои сверхъестественные способности посредством своеобразных спиритических экспериментов вроде апорта, для чего в темноте во время сеанса выбрасывала различные мелкие предметы, которые она заранее прятала в верхней одежде. Таким образом ее роль была сыграна. С тех пор прошло полтора года, за это время я потерял С. В. из виду. Как я узнал от одного наблюдателя, знакомого с ней и в прежние времена, непродолжительные странные состояния время от времени еще возникают у нее, и в эти моменты она становится бледной и молчаливой, смотрит застывшим, сияющим взглядом и т. п. Однако получить какие-либо сведения о видениях мне уже не удалось. Говорили, что и в спиритических сеансах она более не принимает участия. Сейчас С. В. служит в большом магазине; всем своим поведением она зарекомендовала себя как старательная и исполнительная особа, которая, ко всеобщему удовлетворению, делает свое дело с прилежанием и ловкостью. По сообщению надежных очевидцев, характер ее значительно улучшился, она стала в целом спокойнее, солиднее и симпатичнее. Каких-либо иных отклонений от нормы у нее не проявилось.

Случай этот, хотя он и не имеет законченного опи-

276

сания, содержит, однако, массу психологических проблем, подробное рассмотрение которых вывело бы далеко за рамки этой небольшой работы. Поэтому мы должны удовлетвориться тем, что бегло охарактеризуем его примечательные аспекты. В целях обозримости материала представляется уместным обсудить отдельные состояния С. В., изложив каждое из них особо.

f) Состояние бодрствования

В состоянии бодрствования пациентка обнаруживает различные особенности. Как мы уже видели, в школьные годы она часто бывала рассеянна и подвержена состояниям своеобразного

отсутствия, "выключения" из реальности; она капризна, ее поведение меняется беспорядочным образом: то тихая, застенчивая, замкнутая, то необыкновенно оживленная, шумная и болтливая. Глупой ее не назовешь, однако некоторые проблески ума сочетаются с известной ограниченностью. Память у пациентки в целом хорошая, но терпит заметный ущерб из-за присущей ей рассеянности; так, несмотря на чтение и многочисленные обсуждения книги Кернера "Ясновидящая из Преворста", она по прошествии многих недель все еще не запомнила, зовут ли автора "Кернер" или "Кернер", и не могла назвать имени ясновидящей. Тем не менее если в спиритических сообщениях встречается вдруг имя "Кернер", то оно оказывается написанным правильно. В целом о характере пациентки можно сказать, что в нем сказывается неумеренность, непостоянство и изменчивость. Если даже мы сделаем скидку на то, что подобные колебания типичны для пубертатного возраста, то некоторый патологический остаток все-таки сохранится: он проявится в неумеренных реакциях и непредсказуемом, причудливом поведении. Этот характер можно обозначить как desequilibre, или "нестабильный". Известные характерные для истерии черты накладывают на него специфический отпечаток: в качестве истерических проявлений следует рассматривать прежде всего рассеянность и мечтательность. Как утверждает Жане, основой истерической анестезии является нарушение внимания. У молодых истериков он

констатировал "бросающееся в глаза равнодушие и рассеянность по отношению ко всему, что входит в сферу ощущения"
27 . Примечательным моментом, прекрасно иллюстрирующим истерическую рассеянность, являются ошибки при чтении вслух. Психологию этого процесса, вероятно, можно представить следующим образом: во время чтения вслух внимание к этому акту ослабевает и направляется к какому-то другому предмету. Чтение между тем механически продолжается дальше. Чувственные восприятия продолжают поступать, как и прежде, однако возбудимость центров восприятия вследствие рассеянности снижается, так что энергии чувственных впечатлений уже недостаточно для удержания внимания настолько, чтобы перцепция как таковая переводилась в моторно-речевой канал. Это означает, что все привтекающие ассоциации, которые тотчас связываются с каждым новым чувственным восприятием, вытесняются. Механизм дальнейшего психологического процесса допускает возможность двоякого истолкования. 1. Вследствие повышения порога раздражимости перцептивных центров восприятие чувственного впечатления осуществляется бессознательно, т. е. ниже порога сознания, в результате чего оно не схватывается сознательно контролируемым вниманием и как таковое не направляется далее в речевой канал, но выражается в речи, лишь будучи опосредствованным определенными близлежащими ассоциациями, в данном случае - диалектными вариантами тех же самых выражений. 2. Чувственное впечатление воспринимается сознательно и только в момент поступления в речевой канал оказывается на той территории, возбудимость которой снижена из-за рассеянности. Вот тут в моторной картине речи и происходит подмена: диалектное слово проникает в нее путем ассоциаций и в качестве такового реализуется в речи. В обоих случаях обязательно присутствие акустической рассеянности, в силу которой ошибка остается неисправленной. В данном случае нельзя определить, какое из двух объяснений ближе к истине; возможно, оба приблизительно верны. Представляется, что рассеянность является общей, во всяком

27 Der Geistesmstand der Hysterisdien (Die psychischen Stigmata), p. 42.

случае, она захватывает не только те центры, которые рассматривают в связи с актом чтения вслух. Для нашего случая это явление имеет совершенно особую ценность, потому что речь идет об исключительно элементарном автоматическом феномене. Его можно охарактеризовать как истерический, поскольку в данном конкретном случае исключены состояния истощения и

интоксикации с параллельными им явлениями. Здоровый человек лишь в исключительных случаях позволяет какому-то объекту так захватить себя, что пренебрегает исправлением ошибок, совершенных по рассеянности, особенно подобных тем, о которых идет речь. Частота подобных случаев у пациентки указывает на выраженное сужение поля сознания, так что пациентка могла освоить лишь относительный минимум из одновременно притекающих элементарных ощущений. Если же мы хотим охарактеризовать психологическое состояние "теневой стороны" психики, то можем квалифицировать его либо как состояние сна, либо как состояние продуцирования фантазий, в зависимости от того, преобладает в нем пассивность или активность. Во всяком случае, состояние патологического продуцирования фантазий имеет место; оно вполне рудиментарно по распространенности и интенсивности, генезис его спонтанный, а спонтанно возникающие состояния фантазирования с продуктами автоматизма в общем и целом характерны для истерии. Следует подчеркнуть при этом, что ошибки при чтении вслух допускались пациенткой часто, поэтому тем более уместно рассматривать данный случай как истерический, так как, насколько нам известно, только на почве истерической конституции возникают состояния частичного сна или продуцирования фантазий. Автоматическую подстановку ближайшей ассоциации исследовал Вине в своих экспериментах с истериками: когда, например, он прикасался к потерявшей чувствительность руке пациентки колющим предметом, то она, не ощущая укола, думала о "точках"; если он шевелил ее потерявшими чувствительность пальцами, то она думала о "шестах" или "колоннах". Или потерявшая чувствительность рука, скрытая от взгляда пациентки ширмой, пишет "Сальпетриер": пациентка видит перед со-

бой слово "Сальпетриер", написанное белыми буквами на черном фоне
28 . Мы напомним тут также об упомянутых выше экспериментах Гинона и Софи Вольтке. Таким образом, уже в те времена, когда ничто еще не предвещало позднейших феноменов, у пациентки бывали рудиментарные автоматизмы, элементы явлений фантазирования, которые несли в себе возможность того, что однажды между рассеянностью перцепции и сознанием сможет закрасться нечто большее, чем ассоциация. Ошибки при чтении демонстрируют нам, далее, некоторую автоматическую самостоятельность психических элементов, развивающих известную продуктивность (хотя и небольшую), удобной возможностью для которой оказывается уже более или менее мимолетная рассеянность, которая ни в коем случае не представляется ненормальной или подозрительной; ближе всего к ней стоит продуктивность физиологического сна. Поэтому ошибки при чтении могут рассматриваться как продромальный симптом позднейших событий, особенно потому, что их психология является прототипом механизма сомнамбулических фантазий, который, собственно говоря, представляет собой не что иное как многократную мультипликацию и бесконечно разнообразные вариации обсуждавшегося выше элементарного процесса. Мне ни разу не удалось выявить подобные рудиментарные автоматизмы во время моего наблюдения, о котором шла речь выше: дело выглядит так, как если бы состояния рассеянности, первоначально не очень выраженные, со временем разрослись в эти странные сомнамбулические припадки. До некоторой степени это происходило под покровом сознания, поэтому в состоянии бодрствования, когда приступов не было, они не проявлялись. Что касается характера пациентки, то за двухлетний период наблюдения не было констатировано каких-либо резких изменений, если не считать некоторого не слишком интенсивного взросления. Противоположность этому составляет то весьма примечательное наблюдение, что в последние два года, после того как сомнамбулические атаки отступили (совсем прекратились?), в ее характере произошли большие из-

28 1. с., pp. 187 и 185.

менения. К обсуждению значения этого наблюдения мы вернемся ниже.

g) Геми-сомнамбулизм

В изложении случая С. В. название "геми-сомнамбулизм" означает следующее состояние: пациентка некоторое время до и после собственно сомнамбулической атаки находится в состоянии, которое по своим особенностям больше всего напоминает "преоккупацию". Она лишь прислушивается к общей беседе, отвечает рассеянно, часто оказывается в плену всевозможных галлюцинаций, лицо у нее торжественное, взгляд экстатический с колючим блеском. При ближайшем рассмотрении обнаруживается глубокое изменение во всем ее характере, она серьезна, сдержанна; когда она говорит, темой всегда оказывается исключительно серьезный предмет. В этом состоянии она владеет серьезной, проникновенной и убедительной речью, так что даже невольно спрашиваешь себя: неужели перед нами девочка пятнадцати с половиной лет? Возникает впечатление, что это - взрослая женщина, обладающая по меньшей мере значительным актерским талантом. Серьезность и торжественность поведения вполне мотивированы; пациентка объясняет, что в теперешнем ее состоянии она стоит на границе между потусторонним и реальным мирами и одинаково свободно общается теперь как с духами умерших, так и с живыми людьми. Действительно, во всем, что она говорит, прослеживается различие между ответами на объективные, реальные вопросы и галлюцинациями. Обозначая это состояние как гемисомнамбулизм, я следую дефиниции Рише, предложившего это понятие. Рише говорит: "La conscience de cet individu persiste dans son integrite apparente: toutefois des operations tres compliquees vont s'accomplir en dehors de la conscience; sans que ie moi volontaire et conscient paraisse ressentir une modification quelconque. Une autre personne sera en lui, qui agira, pensera, voudra, sana que la conscience, c'est-a-dire ie moi reflechi, conscient en ait la moindre notion"
29 .

29 La Suggestion mentale et ie calcul des probabilites, p. 650. ["Сознание этого

Относительно термина "геми-сомнамбулизм" следующее замечание делает Вине: "Ce terme indique la parente de cet etat avek ie somnambulisme veritable, et ensuite il laisse comprendre que la vie somnambulique qui se manifesto durant la veille est reduite, deprimee, par la conscience normale que la recouvre"
30 .

h) Автоматизмы

Геми-сомнамбулизм характеризуется тем, что сознание неразрывно связано с состоянием бодрствования, а также тем, что проявляются различные автоматизмы, в которых обнаруживается независимая от самосознания деятельность подсознания. В нашем случае автоматические феномены следующие: 1. Автоматические движения стола. 2. Автоматическое письмо. 3. Галлюцинации.

1. Автоматические движения стола. Прежде чем пациентка попала под мое наблюдение, она уже имела суггестию "столоверчения", которое было ей знакомо как светская игра. Поскольку сразу же после вступления С. В. в кружок последовали сообщения от членов ее семьи, ее, естественно, тут же признали медиумом. Я мог только констатировать следующее: как только ее руки ложились на стол, тут же начинались типичные движения. Далее нас будет интересовать не содержание последовавших сообщений. Напротив, заслуживает некоторого обсуждения автоматический характер самого акта, поскольку здесь, без дальнейших разговоров, мож-

индивида сохраняется во всей своей явной интегрированности, и тем не менее весьма сложные

операции могут выполняться без участия сознания; даже кажется, что произвольное и сознательное Я не ощущает при этом никакого изменения. В нем может присутствовать другая личность, которая будет действовать, думать, желать, но так, что сознание, т. е. рефлектирующее, сознательное Я, не будет иметь об этом ни малейшего представления" (фр.).]

30 1. с., р. 139. ["Этот термин обозначает родство данного состояния с подлинным сомнамбулизмом, а также указывает на то, что жизнь сомнамбулы, проявляющая себя и во время бодрствования, подавлена нормальным сознанием, которое ее - эту жизнь - покрывает" (фр.).]

но было бы возразить, что речь идет о произвольных и намеренных движениях (нажимах и толчках) со стороны пациентки. Как известно, благодаря исследованиям Шевре, Глея и Лемана моторные феномены бессознательного - не только частое явление у истериков или лиц с иной патологической предрасположенностью: их относительно легко можно спровоцировать и у здоровых людей, которые вообще-то никогда спонтанных автоматизмов не обнаруживали

31 . Я ставил разнообразные опыты в этом направлении и могу это наблюдение только подтвердить. Для подавляющего большинства людей речь идет лишь о необходимом терпении, когда человеку под силу спокойное ожидание, длящееся иногда часами. Не исключено, что более или менее выраженные моторные автоматизмы могут быть достигнуты большинством испытуемых лиц, если не возникнет препятствий в виде контрсуггестий. У определенного - относительно низкого - процента лиц эти явления наступают спонтанно, хотя воздействие вербальной суггестии или предварительной аутосуггестии при этом все-таки предполагается. В высшей степени суггестивно в этом случае воздействие примера. Соответствующая диспозиция в целом подчиняется тем же самым законам, что и при нормальном гипнозе. Однако известные специфические отношения, обусловленные своеобразием случая, всетаки надо принимать во внимание. Речь ведь идет не о тотальном гипнозе, но о частичном, ограниченном только моторной областью руки и сравнимом с церебральной анестезией болезненных участков тела посредством магнетических "пассов". При вербальной суггестии или с использованием предварительной аутосуггестии мы прикасаемся к соответствующим участкам тела и используем известное нам из опыта суггестивное воздействие тактильного раздражения для достижения желаемого эффекта - частичного гипноза. Вследствие подобных действий даже у невосприимчивых испытуемых относительно легко запускаются автоматизмы, причем экспериментатор намеренно незаметно толкает стол или, еще лучше, делает серию ритмичных, но очень

31 Подробно отреферировано у Вине, 1. с., р. 197 ff.

тихих ударов по столу. Спустя некоторое время он замечает, что колебания стали сильнее и что они продолжаются несмотря на то, что его собственное воздействие уже прекратилось: эксперимент удался, испытуемый, не подозревая этого, воспринял суггестивное воздействие. Такой образ действий значительно более результативен, нежели вербальная суггестия. У людей особенно восприимчивых, а также в тех случаях, когда движение возникает как бы спонтанно, эти субъективно невоспринимаемые вибрации берут на себя роль "agent provocateur"

32 . Даже те люди, у которых прежде никогда не наблюдались автоматические движения в более крупном масштабе, могли бы при случае взять на себя бессознательное управление движениями стола при условии, что эти вибрации достаточно сильны, чтобы медиум мог понимать их смысл. Тогда медиум воспринимает эти тихие колебания и воспроизводит их с значительным усилением; по-видимому, изредка это происходит мгновенно, но чаще всего несколько секунд спустя; таким путем он выявляет сознательное или бессознательное содержание мыслей "агента". Этим простым механизмом можно объяснить поразительные на первый взгляд случаи чтения мыслей. Иллюстрацией сказанному может служить один очень простой эксперимент, который во многих

случаях воспроизводится даже с совершенно необученными испытуемыми: экспериментатор задумывает про себя какое-то число, например пять, и ждет, спокойно положив руки на стол, пока не почувствует, что стол получил первые импульсы для передачи задуманного числа. В этот момент он убирает руки со стола. Число пять будет передано правильно. Для этого эксперимента рекомендуется ставить стол на мягкий, толстый ковер. При точном наблюдении экспериментатор иногда заметит движение стола, которое можно представить следующим образом:

32 Известно, что руки и кисти рук у бодрствующих людей никогда не бывают совершенно спокойны, но постоянно совершают мелкие вибрирующие движения. Прейер, Леман и другие доказали, что на эти движения оказывают значительное воздействие предоминирующие представления; так, например, Прейер показал, что вытянутая рука рисует маленькие, более или менее точные изображения тех фигур, которые ярко оживают в представлении. Интевдированные вибрации весьма просто продемонстрировать в опыте с качающимся отвесом.

Фигура 3

1. Интендированные вибрации, которые субъективно не наблюдаются. 2. Многочисленные минимальные, но воспринимаемые колебания стола, которые объясняют обращение внимания испытуемого к интендированным вибрациям. 3. Заметные движения, объективно передающие задуманное число пять. Линия [а-Ь] обозначает момент, в который руки были убраны со стола. Этот эксперимент удается преимущественно с предрасположенными, но еще неопытными испытуемыми. Уже после недолгих занятий данный феномен обыкновенно пропадает, потому что благодаря научению число распознается и репродуцируется уже непосредственно по интендированным движениям

33 . Подобно тому как в вышеприведенном эксперименте оказывали воздействие намеренные толчки экспериментатора, в этом случае на восприимчивого медиума действуют интендированные вибрации "агента". Они бывают восприняты, усилены и репродуцированы, хотя и очень тихо, почти робко. Однако они доступны воспри-

33 CM. Preyer, Die Erktarung des Gedankenlesens.

ятию, как и тихое тактильное раздражение, имеют суггестивное воздействие и продуцируют ощутимые автоматические движения благодаря возрастанию суггестивного гипноза. Этот эксперимент наглядно иллюстрирует поэтапное, ступенчатое возрастание аутосуггестии. Путем аутосуггестии развиваются все автоматические феномены моторного типа. После приведенных выше рассуждений едва ли есть необходимость в подробном обсуждении того, каким образом к моторным явлениям постепенно присоединяется интеллектуальное содержание. Для того чтобы вызвать интеллектуальные феномены, специальной суггестии совсем не требуется. Со стороны экспериментатора, во всяком случае, речь с самого начала идет о словесных представлениях. После первых бессистемных моторных явлений неопытный испытуемый начинает воспроизводить собственные словесные продукты или интенции экспериментатора. Присоединение интеллектуального содержания объективно можно представить следующим образом. Благодаря постепенному возрастанию аутосуггестивности моторная область руки оказывается изолированной от сознания, в силу чего восприятие тихих вибрационных импульсов от сознания также скрыто

34 . Поскольку на сознательном уровне было получено знание о том, что интеллектуальное содержание в принципе возможно, происходит возбуждение языковой области как ближайшего

средства для интеллектуального сообщения. Направленность на передачу сообщения неизбежно затрагивает прежде всего моторную сферу словесного представления
35 , чем и объясняется бессознательное перетекание речевых импульсов в моторную область
36 и обратный переход частичного гипноза в область речевую. В многочисленных опытах с начинающими при появлении интеллектуальных феноменов я наблюдал, как

34 Аналогично известным гипнотическим экспериментам в бодрствующем состоянии. См. эксперимент Жане, который, делая шепотом внушение, добился того, что пациент распластался на полу, не заметив этого. В кн.: L'Automatisme psychologfque, p. 241.
35 Шарко предлагает следующую схему композиции словесного образа: 1) слуховой образ; 2) зрительный образ; 3) двигательные образы: а) речевой образ; б) графический образ. В кн.: Ballet, Die innerliche Sprache.
36 Бэйн говорит: "Мысль - это подавленное слово или подавленное действие". В кн.: The Senses and the Intellect, p. 358.-i

правило, то или иное количество совершенно бессмысленных слов, часто - одни лишь бессмысленные ряды букв. Потом появляются различного рода игровые варианты, например слова или целые предложения с беспорядочно переставленными буквами или с обратным порядком букв, т. е. как бы зеркальное письмо. Появление букв или слов означает новую суггестию; тут невольно присоединяется какая-то ассоциация, которая и реализуется впоследствии. Странным образом ею всегда оказывается не сознательная ассоциация, а какая-то совершенно неожиданная. В пользу этого говорит то обстоятельство, что большая часть речевой сферы оказывается изолированной. В свою очередь осознание этого автоматизма порождает плодотворную суггестию, причем именно в этот момент обязательно возникает чувство посторонней активности, если только его еще не было при чисто моторных автоматизмах. Вопросы: кто это делает? кто так говорит?- являются суггестией к синтезу бессознательной личности, которая, как правило, не заставляет себя долго ждать. Является какоенибудь имя, как правило, эмоционально выразительное, и вот автоматическое расщепление личности готово. Сколь случаен и неустойчив этот синтез на своих начальных стадиях, показывают следующие сообщения из литературы. Майерс сообщает следующее интересное наблюдение некоего господина А., члена S. P. R. (господин А. ставил сам над собой эксперименты с автоматическим письмом).

Третий день

Что такое человек?- Tefi hasi esbie lies
* . Это анаграмма?- Да. Сколько в ней слов?- Пять. Как звучит первое слово?- Море. Как звучит второе слово?- Ееееe... Море? Должен ли я интерпретировать это сам?Попробуй! Господин А. нашел в качестве решения фразу: Life is

*
Непереводимая бессмыслица

less able
* . Он был удивлен этим разумным сообщением, которое, как ему казалось, доказывало существование некоторого независимого от него интеллекта. Поэтому он стал спрашивать дальше: Кто ты?- Клелия. Ты женщина?- Да. Ты когда-нибудь жила на земле?- Нет. Ты будешь жить?- Да. Когда?- Через шесть лет. Почему ты разговариваешь со мной?- E if Clelia el. Господин А. проинтерпретировал этот ответ как: 1 Clelia feel

** .

Четвертый день

Это я задаю вопрос?- Да. Клелия здесь?- Нет. Кто же здесь есть?- Никого. Существует ли Клелия вообще?- Нет. С кем же я разговаривал вчера?- Ни с кем
37 .

Жане ведет следующий разговор с подсознательным Люси, которая между тем вовлечена в разговор другим наблюдателем:

(Жане спрашивает): M'entendez-vous?- (Люси отвечает посредством автоматического письма): Non. Mais pour repondre il faut entendre.- Oui, absolument. Alors, comment faites-vous?- Je ne sais. II faut bien qu'il y ait quelqu'un qui m'entende?- Oui. Qui cela?- Autre que Lucie. Ah! bien, une autre personne. Vouiez-vous que nous lui donnions un nom?- Non! Si, ce sera plus commode.- Eh bien, Adrienne. Alors, Adrienne, m'entendez-vous?- Oui
38 .

37 Myeis, Automatic Writing.
* Жизнь маловероятна (англ.).
** Я Клелия чувствую (англ.).
38 L'Automafismepsychologigue, p. 317 f. [Вы меня слышите?- Нет. Но чтобы ответить, надо было слышать.- Да, конечно. В таком случае, что вы делаете?- Я не знаю. Однако должен быть кто-то, кто меня слышал?- Да. Кто же это?- Кто-то, но не Люси.

Из этих цитат можно увидеть, каким путем конституируется подсознательная личность: она обязана своим возникновением исключительно суггестивным вопросам, которым соответствует известная диспозиция медиума. Мы должны объяснить эту диспозицию разъединением психических комплексов, но на закрепление ее оказывает влияние еще и чувство посторонней активности, возникающее при подобных автоматизмах в той мере, в какой на автоматический акт направляется сознательное внимание. Вине замечает по поводу приведенных выше экспериментов Жане: "Il faut bien remarquer que si la personnalite d',Adrienne' a pu se creer, c'est qu'elle a rencontre une possibilite psychologique; en d'autres termes, il a avait la des phenomenes desagreges, vivant separes de la conscience normale du sujet"
39 . Индивидуализация подсознательного всегда означает, что суггестивное воздействие на дальнейшее оформление автоматизмов прогрессирует
40 . Подобным же образом можно представить себе возникновение бессознательной личности и в нашем случае. Можно смело отклонить упрек в "симуляции" при автоматическом столоверчении, если принять во внимание феномен чтения мыслей по интендированной вибрации стола, который у пациентки достаточно выражен. Быстрое сознательное чтение мыслей требует по меньшей мере серьезного обучения, которого, как уже говорилось, у пациентки не было. При помощи интендированных вибраций могут происходить целые разговоры, как, например, в нашем случае. Таким же путем можно объективно объяснить суггестивность подсозна-

Хорошо, это другой человек. Вы согласны, чтобы мы дали ему другое имя?- Нет. Да, но это будет удобнее.- Ну ладно, Адриана. Хорошо, Адриана, а теперь вы меня слышите?- Да (фр.).]
39 1. с., р. 133. ["Надо все же заметить, что если личность "Адриана" смогла возникнуть, то это произошло лишь потому, что она встретила психологическую возможность; иными словами, здесь имели место дезагрегированные феномены, живущие отдельно от нормального сознания субъекта" (фр.).]

40 "Une fois baptise, ie personnage inconscient est plus determine et plus net, il montre mieux ses caiacteres psychologiques" (Janet, L 'Automalismepcychologique, p. 318). ("Как только личность названа, бессознательный субъект становится более четким и определенным, он ясно обнаруживает свои психологические особенности" (фр.).]

тельного, когда, например, агент живо представляет себе: "Рука медиума не сможет больше двигать стол или стакан" - и, вопреки всеобщему ожиданию и к крайнему удивлению всех участников эксперимента, стол тут же застывает в полной неподвижности. Конечно, могут реализоваться и всевозможные иные суггестии, однако только те, которые не затрагивают иннервацию за пределами области парциального гипноза, чем одновременно доказывается и сама парциальность последнего. Поэтому суггестии, направленные на ногу или на другую руку, не реализуются. Столоверчение не является таким автоматизмом, который относится исключительно к геми-сомнамбулическому состоянию пациентки; оно, например, в совершенно развернутой форме проявляется и в состоянии бодрствования и, как правило, является лишь звеном, опосредствующим наступление геми-сомнамбулизма, которое обычно манифестируется галлюцинациями; так это было, например, на первом сеансе.

2. Автоматическое письмо. Второй автоматический феномен, который соответствует изначально более высокой стадии парциального гипноза,- это автоматическое письмо. По крайней мере из опыта мне известно, что спровоцировать его гораздо труднее и удается он реже, чем столоверчение. Как и при столоверчении, речь идет о некоторой первичной суггестии с сохранением сенсибилитивности сознания и с угасанием оной у бессознательного. Однако эта суггестия уже не является простой, поскольку она несет в себе интеллектуальный момент: "писать" означает "писать что-то". Это особое содержание суггестии, выходящее за пределы моторных явлений, часто становится причиной известной настороженности испытуемых, в силу чего легко возникают контрсуггестии, препятствующие появлению автоматизма. Между тем я наблюдал множество случаев, когда эта довольно-таки дерзкая суггестия реализовывалась (несмотря на то что была направлена на так называемого здорового человека, да еще в состоянии бодрствования!), хотя и довольно своеобразным способом: в состоянии гипноза оказывается только чисто моторная часть соответствующей центральной системы, и лишь

потом благодаря аутосуггестивному воздействию моторных феноменов достигается более глубокий гипноз, аналогично описанному выше процессу, сопутствующему столоверчению. Испытуемый, получивший в руки карандаш, целенаправленно вовлекается в разговор, отвлекающий его внимание от письма
41 .

Фигура 4

Потом рука начинает делать движения, причем сначала это частью многочисленные штрихи, частью зигзагообразные линии, иногда вычерчивается и простая линия; бывает и так, что карандаш совсем не касается бумаги, а пишет в воздухе. Эти движения следует рассматривать как чисто моторные феномены, которые соответствуют внешнему проявлению моторного компонента представления о "письме". Это явление бывает достаточно редко, чаще с самого

начала пишут буквы, для соединения которых в слова и предложения остается в силе все то, что было сказано по поводу столоверчения. То и дело наблюдается характерное зеркальное письмо. Практически в большинстве случаев и, по-видимому, всегда, когда испытуемый - новичок и не находится под влиянием какой-нибудь совершенно специфической суггестии, почерк автоматического письма совпадает с почерком испытуемого. Его характер меняется иногда только вторично, нередко в очень высокой степени
42 , что всегда следует рассматривать как симптом начавшегося синтеза подсознательной личности. Как уже сообщалось, у

41 См. соответствующие эксперименты Бине и Фере. В кн.: Les Alterations.
42 См. соответствующие попытки. Флурнуа (Desindes a.la planets Man. Etude sur un cos de somnambulisme avec glossolalie).

пациентки автоматическое письмо никогда не достигало высокой степени совершенства. При этих опытах, которые всегда ставились с нею в темноте, она, как правило, переходила в состояние геми-сомнамбулизма или экстаза. Так что автоматическое письмо имело тот же успех, что и столоверчение.

3. Галлюцинации. Тот способ, которым совершился переход в сомнамбулическое состояние на втором сеансе, имеет психологическое значение. Как уже сообщалось, автоматические феномены шли полным ходом, когда наступила темнота. На предыдущем сеансе было бесцеремонным образом прервано сообщение дедушки, и это заинтересовавшее всех событие дало участникам кружка повод для всяческих обсуждений. Казалось, оба эти момента - темнота и оставившее впечатление событие - стали причиной быстрого углубления гипноза, способствовавшего развитию галлюцинаций. Психологический механизм этого процесса представляется таким: известно, что темнота оказывает воздействие на суггестивность, особенно на суггестивность органов чувств
43 . Бине сообщает об особом действии темноты на истериков, вызывающей у них сонливость
44 . Как следует из предыдущих объяснений, пациентка находилась в состоянии частичного гипноза, т. е. сконструировала себе подсознательную личность, связанную с речевой областью. Автоматическое проявление этой личности было неожиданно прервано другой личностью, существования которой никто не предполагал. Откуда пришло это расщепление? Очевидно, что пациентку очень волновало и воодушевляло предвкушение этого первого сеанса. Возможно, вокруг аффекта предвкушения у нее группировалось все, что связывалось в ее памяти с моей особой и с моим семейством; на высшей точке автоматических проявлений это внезапно и прорвалось. То обстоятельство, что этим лицом оказался именно мой дед, а не кто-либо иной,- например, не мой умерший отец, бывший мне ближе, чем дед, которого, как пациентке было известно, я никогда не знал,- возможно, подсказывает

43 См. Hagen, Zur Theorie der Hallucinotion, p. 10.
44 1. c., p. 157.

нам, где следует искать истоки этой новой личности. Речь идет, по-видимому, о расщеплении на основе уже имеющейся личности, которая, чтобы обнаружить себя, овладела ближайшим находившимся под рукой материалом, а именно ассоциациями, связанными с моей особой. Трудно сказать, в какой степени была бы оправданна здесь параллель с результатами исследований сновидений, полученными Фрейдом

45 , так как мы не сможем оценить, в какой степени упомянутый аффект допустимо охарактеризовать как "вытесненный". Из того, что новая личность была так бесцеремонно прервана, можно заключить о высокой интенсивности этого представления и о соответствующей ему живости ожидания, которому, возможно, сопутствуют попытки справиться с девичьим стыдом и смущением. Во всяком случае, это событие живо напоминает тот процесс, посредством которого сновидение в более или менее прозрачной символике неожиданно представляет сознанию те взаимосвязи, о которых никто никогда не говорит себе открыто и ясно. Мы не знаем, когда произошло это отщепление новой личности, подготавливалось ли оно в бессознательном постепенно или образовалось непосредственно во время сеанса. Во всяком случае, это событие означает заметный прогресс в приращении областей бессознательного, ставших доступными благодаря гипнозу. В то же время с точки зрения впечатления, которое это событие произвело на пациентку в бодрствующем состоянии, его можно расценивать как мощную суггестию. Ибо знание об этом неожиданном вторжении некоторой новой силы должно было решительно укрепить чувство посторонней активности в автоматизме и вплотную подвести к мысли, что здесь действительно заявил о себе самостоятельный дух. Отсюда следует вполне понятная ассоциация, что этот дух при случае можно увидеть. Ситуацию, возникшую во время второго сеанса, следует объяснять тем, что возрастание суггестивности, обусловленное темнотой, столкнулось с этой энергичной суггестией. Гипноз, а вместе с ним и отколовшиеся ряды представлений прорвались в визуальную сферу:

45 Die Traumdeutung.

прежде чисто моторное выражение бессознательного в соответствии со специфической энергией вновь выступившей системы объективируется теперь в образе визуальной картины, имеющей характер галлюцинации, а именно не просто как сопутствующее явление, сопровождающее словесный автоматизм, а практически как объясняющая функция: неожиданная и первоначально необъяснимая ситуация, возникшая на первом сеансе, получает теперь объяснение не на словах, а посредством аллегорического видения. Фраза "Между ними нет ненависти, они друзья" была представлена в образной картине. Такого рода события мы часто встречаем у сомнамбул: их мышление разворачивается в пластических образах, постоянно проникающих то в одну, то в другую чувственную сферу и объективирующихся как галлюцинации. Процесс размышления погружается в подсознание, и сознания достигают лишь его конечные звенья - то как живые, окрашенные чувством представления, то напрямую как галлюцинации. В нашем случае речь идет о том же, что происходило с пациенткой Бине: когда он прикасался колющим предметом к ее потерявшей чувствительность руке, девять уколов заставляли ее живо представлять себе число девять, или с описанной у Флурнуа Хелен Смит, которая, будучи спрошена о ее занятиях по определенному образцу, видит перед собой цифру высотой около 20 см, обозначающую число дней (18), посвященных этим занятиям
46 . Возникает вопрос: почему автоматизм прорвался в визуальную сферу, а не в акустическую? Выбор в пользу визуальности объясняется следующими причинами:

a) у пациентки нет акустической предрасположенности, она, к примеру, очень немузыкальна; Ь) поскольку шел оживленный разговор, отсутствовала тишина, которая (как в соответствующем случае темнота) могла бы способствовать появлению акоазмов; c) уверенность в близком присутствии духов, усилившаяся благодаря чувству посторонней активности, вполне могла пробудить идею о том, что духи видимы, из-за

46 1. c., p. 55.

чего зрительная сфера получила небольшое дополнительное возбуждение; d) возникновению галлюцинаций в темноте сопутствуют энтоптические явления.

Решающее значение для возникновения галлюцинаций имеют причины, изложенные в пунктах cudэнтоптические явления в темноте и, возможно, имевшее место возбуждение зрительной сферы. В этом случае для аутосуггестивного вызывания автоматизмов энтоптические явления играют ту же роль, что и тихое тактильное раздражение для гипноза моторных центров. Как уже сообщалось, первому галлюцинаторному помраченному состоянию на первом сеансе предшествовало "мелькание искр". Очевидно, уже тогда внимание фокусировалось на зрительном восприятии, так что воспринимались даже явления "собственного свечения" сетчатки, вообще-то очень слабые. Заслуживает большего освещения та роль, которую при возникновении галлюцинаций играют энтоптические восприятия свечения. Шюле говорит: "Из сумбура огней и ночных пятен, оживляющих поле зрения в ночной темноте, создаются... фантастические воздушные фигуры, которые появляются перед засыпанием"
47 . Известно, что никогда нельзя видеть абсолютную темноту, всегда некоторые участки затемненного поля зрения как бы матово светятся; световые пятна всплывают то здесь, то там, комбинируются во всевозможные образы, и сколько-нибудь живая фантазия легко формирует из них, как из рисунка облаков на небесах, известные знакомые фигуры. Исчезновение во сне способности критического суждения освобождает пространство для свободной игры фантазии, так что формирование образов может развиваться все более живо. На место световых пятен, тумана и переливающихся цветов заступают очертания определенных предметов
48 . Так возникает гипнагогическая галлюцинация. Главная роль выпадает, конечно, на долю фантазии, поэтому подверженными гипнагогическим

47 Handbuch der Geisfeskmnkheiten, p. 134.
48 J. Mfliler, OberdiephantasHschen Gesichtsencheinungen. Цит. по: Hagen, Zur Theorie der Hallucination, p. 41.

галлюцинациям оказываются преимущественно люди с богатой фантазией
49 . То же самое, конечно, относится и к гипнопомпическим галлюцинациям (Майерс). Весьма вероятно, что гипнагогические картины идентичны картинам сновидений нормального сна, т. е. образуют их визуальную основу. Мори на материалах самонаблюдения доказал, что те же картины, что витали перед ним в гипнагогическом состоянии, составляли предмет следовавших затем сновидений
50 . Еще убедительнее доказал то же самое Трамбэлл Лэдд. С помощью упражнений он научился мгновенно просыпаться через три-пять минут после засыпания. При этих обстоятельствах он каждый раз замечал, что светящиеся фигуры ретины как раз и образовывали очертания тех картин, которые он видел во сне. Он предполагает даже, что всякая визуальная фантазия заимствует форму у явлений собственного свечения сетчатки
51 . В нашем случае формированию фантастической интерпретации способствовала ситуация. Немалое влияние следует приписать также напряженному ожиданию, из-за которого возрастала интенсивность восприятия матового свечения ретины
52 . Дальнейшее оформление явлений ретины идет конформно предоминирующему представлению. Этот способ возникновения галлюцинаций наблюдался также и у иных ясновидящих: Жанна д'Арк видела сначала

49 Спиноза гипнопомпически видел "nigrum et scabiosum brasilianum" [чернокожего, покрытого паршой бразильца... (лат.)]. СМ. Hagen, 1. с., р. 49. У Гёте в "Избирательных средствах" (с. 375) Опилия в полумраке всегда видит образ Эдуарда в тускло светящемся пространстве. См. также у

Кардано: "Imagines uidebam ab imo lecti quasi ё paruis annulis aereisque constantes, aihonim, belluanim, homimim, oppidonim, instnictaniin acierum, belliconim et mlisicorum instnimentonim, aliorumque huilisce generis ascendentes, uicissimque descendentes, aliis atque allis succendentibus" (De subtilitale, p. 358). [Будучи в глубоком сне, я увидел образы, [состоявшие] как бы из маленьких красноватых одинаковых колечек,- [образы] деревьев, чудищ, людей, городов, боевых порядков, военных орудий и музыкальных инструментов, других [вещей] этого рода то поднимающимися, то опускающимися, которые возникают один за другим (лат.).]

50 Le Sommeil et les rives, p. 134.

51 Ladd, Contribution to the Psychology of Visual Dreams.

52 Хекер говорит о состояниях такого рода:"Существует одно простое, элементарное видение, возникающее из напряжения духовной деятельности без изобразительной работы фантазии, даже и без самих чувственных представлений: это лишенное образов видение света, явление жизнедеятельности внутренне возбужденного органа зрения" (Ober Visionen, p. 16).

светящееся облако, и лишь немного времени спустя в нем проступали святые Михаил, Екатерина и Маргарита". Сведенборг однажды в течение часа не видел ничего, кроме светящегося шара и ярко вспыхивающих языков пламени. При этом он ощущал глубокие изменения в сознании, переживавшиеся им как "освобождение света". По прошествии же часа он увидел настоящие образы, которые были им приняты за ангелов и духов

54 . Вероятно, сюда же можно отнести видение Солнца Бенвенуто Челлини

55 в замке св. Ангела. Один студент, у которого часто бывали видения, сообщал: "Когда приходят эти явления, то сначала я всегда вижу только отдельные массы света, и одновременно в ушах я воспринимаю приглушенный шум. Однако их очертания все больше и больше приближаются к действительным образам"

56 . Совершенно классически выглядит появление галлюцинаций у описанной Флурнуа Хелен Смит. Я дословно приведу соответствующие места из протоколов: "18 mars... Tentative d'experience dans l'obscurite...Mile. Smith voit un ballon tantot lumineux, tantot s'obscureissant... 25 mars... Mile. Smith commence a distinguer de vagues lueurs, de longs rubans blancs s`gitanfau plancher au plafond, puis enfin une magnifique et6ile qui dans l'obscurite s'est montree h elle suele pendant toute la seance... I" avril... Mile. Smith se sent ties agitee; elle a des frissons, est partiellement glacee. Elle est tres inquiete et voit tout a coup, se balanpant au dessus de la table, une figure grimacante et tres laide avec de longs cheveux rouges... Elle voit alors... un magnifique bouquet de roses de nuances idiverses; touta i coup elle voit sortir de dessous ie bouquet un petit serpent qui, rampant doucement, vient sentir les fleurs, les regarde..."

57 и т. д. Хелен Смит о возникновении своих марсианских ви-

53 Quicherat, Proces de condamnation et de rihabilitation de Jeanne d'Arc, dite lapucel]e,V,p. 116 ff.

54 Hagen, Zur Theorie der Hallucination, p. 57.

55 Автобиография. Пер. Гёте, 1, с. 306 ff.

56 Hagen, 1. c., p. 57.

57 1. c., p. 32. ("18 марта... Попытка эксперимента в темноте... Мад-ль Смит видит шар, который то светится, то затемняется... 25 марта... Мад-ль Смит начинает различать слабое свечение, длинные белые ленты, движущиеся от

дений говорит следующее: "...la lueur rouge persista autoиг de moi, et je me suis trouvee entouree de fleurs extraordinaires..."

58 С давних пор комплексным галлюцинациям ясновидящих отводилось особое место с точки зрения научного суждения: так, например, Макарио отделяет интуитивные галлюцинации от всех

остальных, причем утверждает, что они бывают у людей с живым духом, глубоким разумом и высокой нервной возбудимостью
59 . Аналогично, но с еще большим энтузиазмом высказывается Хекер: он принимает, что их условием является "прирожденное высокое развитие органа души, которое посредством первоначальной деятельности побуждает собственную жизнь фантазии к подвижной, свободной игре"
60 . Эти галлюцинации "являются предвестниками или даже признаками мощной силы духа". Видение - это как раз то "повышенное возбуждение, которое гармонически входит в совершеннейшее здоровье как духа, так и тела". Комплексные галлюцинации не являются достоянием бодрствования, но принадлежат, как правило, состоянию частичного бодрствования: ясновидящий углубляется в свое видение до полного погружения в него. Флурнуа во время видений Хелен Смит также мог констатировать "un certain degre d'obnubilation"
61 . В нашем случае видение осложняется тем, что происходит в состоянии сна, особенности которого мы будем рассматривать ниже.

k) Изменения в характере

Наиболее заметной характеристикой второго состояния являются в нашем случае изменения в характере.

пола к потолку, затем, наконец, чудесную звезда, которая в темноте являлась ей одной в течение всего сеанса... 1-е апреля... Мад-ль Смит чувствует себя очень возбужденной и взволнованной; ее знобит, вдруг она видит очень уродлщое, покрытое рыжими волосами лицо, которое покачивается над столом и делает ей гримасы... Она видит далее... великолепный букет роз различных оттенков; вдруг она видит выползающую из-под букета маленькую змею, которая, тихо шипя, нюхает цветы, смотрит на них" (фр.).]
58 1. с., р. 162. ["...красный цвет продолжал струиться вокруг меня, и я оказалась окруженной необычными цветами..." (фр.).]
59 Des Hallucinatins. По обсуждению в Allg. Z.f. Psychiat. IV, 1847, p. 139.
60 Hecker, 1. c., p. 6.
61 1. c., p. 51. ["Определенный уровень затемнения сознания" (фр.).]

Мы встречаем в литературе множество случаев, в которых присутствует симптом спонтанного изменения характера. Раньше других стал известен благодаря научной публикации случай Мэри Рейнолдс, описанный Уэйром Митчеллом
62 . Речь шла о молодой особе, которая в 1811 году проживала в Пенсильвании. После глубокого сна продолжительностью 20 часов она забыла все свое прошлое и все, чему когда-либо училась; даже слова, которые она произносила, порой теряли всякий смысл. Своих близких она больше не узнавала. Она медленно училась снова читать и писать, причем писала справа налево. Особенно бросались в глаза изменения в характере: "Instead of being melancholy she was now cheerful to extremity. Instead of being reserved she was buoyant and social. Formerly taciturn and retiring, she was merry and jocose. Her disposition was totally and absolutely changed"
63 . В этом своем состоянии она полностью отреклась от своей прошедшей жизни, полюбила совершать дальние рискованные прогулки без оружия, пешком или на лошади. Во время одного из этих путешествий ей навстречу вышел однажды большой черный медведь, которого она приняла за свинью. Медведь поднялся на задние лапы и оскалился на нее. Поскольку заставить свою лошадь двинуться с места ей не удалось, она пошла на медведя сама с обычной палкой в руках - и обратила его в бегство. Пять недель спустя после глубокого сна она вновь вернулась в свое прежнее состояние, с амнезией относительно прошедшего интервала. На протяжении примерно 16 лет эти состояния чередовались. Но последние 25 лет Мэри Рейнолдс провела исключительно во втором состоянии. Шредер ван дер Кольк
64 сообщает о следующем случае: шестнадцатилетняя пациентка, перенесшая продол-

62 Mary Reynolds: A Case of Double Consciousnes. То же в: Harper's Mag., 1860. Подробно отреферировано у Джеймса: The Principles of Psychology, p. 381.
63 Emminghaus, Allgemeine Psychopathologie, p. 129. Случай Ogier Ward. ["Меланхоличная до тех пор, теперь она стала в высшей степени жизнерадостной. Ранее замкнутая, теперь она стала оживленной и общительной. Прежде молчаливая и застенчивая, теперь она весела и игрива. Ее характер целиком и полностью изменился" (англ.).]
64 Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten, p. 31. Цит. по: Allg. Z. f. Psychial. XXII (1865), p. 406.

жительную трехлетнюю болезнь, заболевает периодической амнезией. Утром после пробуждения она каждый раз переживает характерное состояние, напоминающее пляску св. Витта, в котором совершает руками ритмичные ударяющие движения. Потом в течение целого дня она демонстрирует детское, дурашливое поведение, теряя все сформировавшиеся у нее способности. (В нормальном состоянии она очень умна, начитанна, хорошо говорит по-французски.) Во втором состоянии она начинает слабо и скверно изучать французский язык. На второй день пациентка каждый раз снова становится нормальной. Оба состояния полностью отделены одно от другого амнезией
65 . Хёфельт сообщает о случае сомнамбулизма у девушки, которая вообще-то была послушной и скромной, а в состоянии сомнамбулизма становилась дерзкой, грубой и жестокой
66 . В случае, приведенном Азамом, Фелида в нормальном состоянии бывала угнетенной, подавленной и застенчивой; во втором же состоянии становилась веселой, уверенной и предприимчивой до легкомыслия. Второе состояние стало преобладающим и, наконец, вытеснило первое до такой степени, что пациентка короткие периоды своего нормального состояния называла теперь "кризами". Приступы амнезии начались у нее в возрасте четырнадцати с половиной лет. Со временем второе состояние стало проявляться умереннее; в характерах обоих состояний произошло известное сближение
67 . Прекрасным примером изменения характера является случай Луи В., представленный Камюзе, Рибо, Леграном дю Солле, Рише и Вуазеном и обобщенный в работах Бурру и Бюро: тяжелая мужская истерия с амнестически чередующимся характером. В первом состоянии он невежлив, дерзок, сварлив, склонен к обжорству, вороват и бесцеремонен. Во втором состоянии обнаруживается другой, симпатичный характер, он оказывается прилежным, смышленым и послушным
68 . В художественной литературе амнестические изменения в

65 См.: Donath, Ober SuggesHbillW. Цит. по: Arch. f. Psychiat. и. Nervenkr. XXXII (1899), p. 353.
66 Случай спонтанного сомнамбулизма.
67 Azam, 1. c., p. 63 ff.
68 BOUITU et Burot, La Suggestion mentale et les variations de la personnatite.

характере использованы Паулем Линдау в его пьесе "Другой"
69 . Случай, аналогичный изображенному у Линдау преступному адвокату, сообщает Ригер
70 . Можно также провести параллель между нашим случаем и описанными у Жане подсознательными личностями Люси и Леони
71 а также соответствующими личностями пациентки Мортона Пренса
72 ; но они все же являются искусственными терапевтическими продуктами, главное значение которых лежит в области расщепления памяти и сознания. В приведенных случаях второе

состояние всегда отделено от первого амнестическим расщеплением, и изменение характера каждый раз сопровождается разрывом в непрерывности сознания. В нашем же случае какое бы то ни было амнестическое расстройство отсутствует; переход из первого состояния во второе происходит вполне плавно, так что пациентка переносит с собой в состояние бодрствования все то, что узнает в области бессознательного посредством галлюцинаций во втором состоянии и что при других обстоятельствах осталось бы ей неизвестным. Периодическое изменение личности без амнестического расщепления имеет место также в циркулярном психозе; изредка всплывает оно и в области истерии, как показывает случай Ренодена: "Молодой человек, поведение которого всегда было безупречным, неожиданно начинает проявлять дурные наклонности". Симптомов психоза у него замечено не было, однако обнаружилось, что поверхность его тела полностью потеряла чувствительность. Это состояние периодически прерывалось, и характер пациента был подвержен соответствующим колебаниям. Как только анестезия исчезала, он становился покладистым и приветливым. Анестезия возобновлялась, и им тут же овладевали ужаснейшие порывы, доходившие, как показали наблюдения, даже до жажды убийства"
73 . Если мы вспомним о том, что к моменту появления этих расстройств нашей пациентке было пятнадцать с

69 СМ. Moll, Die Bewuptseinsspaltung in Paul Lindaus neuem Schauspiel, p. 306 ff.
70 Der Hypnotismus, p. 109 ff.
71 Janet, L'Automatismepsychologfque.
72 Prince, An Experimental Study of Visions.
73 Цнт. по: Ribot, Die Persunlichkeit. Pathologisch-psychologische Studien, p. 90.

половиной лет, т. е. как раз был достигнут возраст пубертата, неизбежно возникает мысль о взаимосвязи этих отклонений с психологическими изменениями в характере, типичными для пубертатного периода. "В этот период жизни в сознание индивида вторгается новый ряд впечатлений, которым сопутствуют порождаемые ими чувства и идеи; эти непривычные состояния духа оказывают постоянное давление, они заявляют о себе непрерывно, так как порождающая их причина не прекращает своего действия; они скоординированы друг с другом, поскольку происходят из одного и того же источника; все это неизбежно должно привносить все новые и новые изменения в состояния Я"
74 . Как известно, здесь характерны колебания настроения, неясные новые и сильные чувства, склонность к мечтам, к экзальтированной религиозности и мистицизму, а наряду с этим "впадания в детство", достаточно типичные для облика взрослого человека; в эту эпоху своей жизни человек делает первые неловкие попытки обрести самостоятельность во всех областях; все то, что сформировали в нем семья и школа, он впервые направляет на достижение собственных целей, он строит возвышенные планы на будущее и вживается в мечты, в содержании которых преобладают честолюбие и самодовольство. Все это обусловлено психологией. У психопата же пубертат становится кризисом более серьезного значения. Тут зачастую не только необыкновенно бурно протекают психофизиологические превращения, но и формируются черты характера с признаками наследственного вырождения, которые в детстве либо не проявлялись совсем, либо проявлялись спорадически. Анализируя наш случай, мы должны помнить о специфическом пубертатном расстройстве. Причины такой предпосылки станут ясны из исследования второй личности (краткости ради мы будем называть вторую личность Ивенс, как окрестила пациентка свое высшее Я.) Ивенс - это прямое продолжение повседневного Я. Вторая личность охватывает все содержание сознания, принадлежащего этому Я. Находясь в геми-сомнамбулическом состоянии, она точно так же общается с окру-

74 Ribot, 1. с., p. 69.

жающим реальным миром, как и в состоянии бодрствования, и хотя возникающие попутно галлюцинации наносят этому некоторый ущерб, он тем не менее выражен не сильнее, чем у свободных от осложнений психотических галлюцинантов. Очевидно, сознание Ивенс непрерывно распространяется и на область истерических приступов, в которых она представляет драматические сцены, переживает видения и т.д. Во время самого приступа она большей частью изолирована от внешнего мира, не замечает, что происходит вокруг, не знает, что она громко говорит, и т. д. Однако относительно фантазий, составляющих содержание ее приступов, у нее нет амнезии. Не всегда имеет место и амнезия относительно моторных проявлений и изменений в ее окружении. Возможная зависимость степени интенсивности сомнамбулизма от частичной парализованности отдельных органов чувств доказывается, например, случаем, когда она сначала не замечала меня и обратила внимание на мое присутствие только после того, как я заговорил с ней. В данном случае речь идет о так называемой систематической анестезии, которая часто наблюдается у истериков. Так, например, Флурнуа сообщает о Хелен Смит, что она во время сеансов внезапно переставала видеть участников кружка, хотя еще слышала их голоса и ощущала их прикосновение, или внезапно ее поражала глухота, хотя она видела, как двигаются губы говорящего, и т. п.

75 Ивенс, с одной стороны, продолжает бодрствующее Я, а с другой - все содержание своего сознания вновь возвращает бодрствующему состоянию. Это странное поведение решительно говорит против аналогии со случаями double conscience. Достоинства Ивенс, о которых говорилось выше, образуют резкий констраст с чертами собственного характера пациентки; ей присущи спокойная гармония, приятная скромность, сдержанность, уравновешенный интеллект, уверенная общительность все это может рассматриваться как улучшение характера в целом; в этом есть некоторое сходство с Леони, описанной у Жане. Однако это не более чем простое сход-

75 1. с., р. 59.

ство. Их разделяют глубокие психологические различия, не говоря уже об амнезии. Леони II - более здоровая, более нормальная, к ней возвращаются ее естественные способности, она - временное выздоровление на фоне хронической истерии. Ивенс же заключает в себе нечто искусственное, в ней есть что-то выдуманное; несмотря на все свои преимущества, она производит впечатление прекрасно разыгранной роли; ее мировая скорбь, ее стремление войти в потустороннее - это уже не просто набожность, это атрибут святости; Ивенс - уже не человек, но мистическое существо, которое лишь отчасти принадлежит реальной действительности; ее меланхолические наклонности, печальная покорность, таинственная судьба приводят нас к историческому прообразу Ивенс: это "Ясновидящая из Преворста" Юстинуса Кернера. Содержание книги Кернера предполагается известным, поэтому указание на сходные черты можно опустить. Ивенс, однако, не является копией ясновидящей: ей недостает смирения и пиетистской набожности последней. Ясновидящая была именно прообразом. Пациентка принимает роль ясновидящей для своей собственной души, причем, стремясь создать идеал добродетели и совершенства, она предвосхищает будущее, и в образе Ивенс воплощается то, чем пациентка хотела бы стать к двадцати годам, а именно: уверенной, влиятельной, умной, грациозной, добродетельной женщиной. В конструкции второй личности и заключается глубочайшее различие между Ивенс и Леони II. Обе психогенны. Но Леони I обретает в Леони II то, что ей, собственно, принадлежит, тогда как наша пациентка конструирует личность за пределами самой себя. Нельзя сказать, чтобы она "обманывала себя", но она "придумывает себя", вживаясь в мечтах в высшее, идеальное состояние
76 .

" "...reves somnambuliques... sortes de romans de l'imagination subliminale, analogues a ces "histoires

continues" que tant de gens se racontent & eux-memes, et dont ols sont generalement les heros, dans leuis moments de far-niente ou d'occlipations routinieres qiii n'offrent qu'lin faible obstacle aux reveries interieures. Constructions fantaisistes, mille fois reprises et poursuivies, rarement achevees, ou la folle du logis se donne libre camere et prend sa revanche du teme et platt terre-a-terredes realites quotidiennes" (Flownoy-,1. c" p. 8). ["...сомнамбулические сны... это нечто вроде романов сублиминального воображения, подобных тем "продолжающимся историям", которые столько людей рассказывают сами себе и героями которых они обычно являются в моменты

Реализация этой мечты живо напоминает психологию патологической лжи. Дельбрюк
77 и Форе
78 указывали на значение аутосуггестии при формировании патологической лжи и фантазий. Пик
79 приводит в качестве первого симптома истерических фантазий интенсивную аутосуггестивность, которая и делает возможной реализацию "снов наяву". Пациентка Пика вживается в местах в нравственно рискованную ситуацию и .в конце концов инсценирует покушение на изнасилование самой себя, причем она обнаженной ложится на пол и привязывает себя к столу и стульям. Или формируется драматическая личность, с которой пациентка вступает в переписку, как, например, в случае Бона
80 , когда пациентка придумывает себе помолвку и предсвадебные отношения с совершенно фантастическим адвокатом из Ниццы и якобы получает от него письма, которые она между тем пишет сама измененным почерком. Эти патологические фантазии с аутосуггестивной подтасовкой воспоминаний, доходящей до настоящего бреда и галлюцинаций, обнаруживаются также в жизни многих святых
81 . От фантастических представлений с сильной чувственной окраской до настоящих комплексных галлюцинаций только один шаг
82 . Так, например, в первом случае у Пика можно видеть, как пациентка, воображающая себя королевой Елизаветой, постепенно до такой степени теряет себя в своих фантазиях, что внешне ее состояние может быть охарактеризовано как настоящее помрачение, которое позднее действительно переходит в истерический делирий, и ее фантастические мечты становятся типичными галлюцинациями. Патологический лжец, который дает увлечь себя своим фантазиям, ведет себя так же, как ребенок, забывающий себя в

праздности или повседневных занятий, составляющих лишь слабое препятствие для внутренних сновидений. Это фантастические конструкции, тысячу раз возобновляемые и продолжаемые, редко завершающиеся, в которых фантазия берет реванш за серое, будничное существование и в которых истерики дают себе волю" (фр.).]
77 Die pathologische Luge und die psychisch abnomen Schwindler.
78 Der Hypnotismus.
79 Oberpathologische Truumerei und ihre Beyehung wr Hysterie, p. 280 ff.
80 Bohn, Ein Fell von doppelten Bewufitsein.
81 Gurres, Die christliche Mystik.
82 CM. Behr, Erinnerungsftilschungen und palhologische Traumwstande; см. также: Ballet, Le Langage interieur.

своей игре
83 , или как актер, совершенно вошедший в роль. Разница с сомнамбулическим расщеплением личности тут непринципиальна, она проявляется лишь как различие в степени и покоится на первичной аутосуггестивности и разъединении психических элементов. Чем больше диссоциируется сознание, тем большей будет пластичность фантастических ситуаций, тем меньшей будет доля сознательной лжи и сознательности вообще. Эта захваченность

интересующим предметом есть то, что Фрейд называл "истерической идентификацией". Одна тяжелая истерическая пациентка Эрлера
84 , например, гипнагогически представляла себе многочисленных маленьких бумажных всадников, настолько захватывавших ее фантазию, что у нее возникало ощущение, будто она тоже всадник и находится среди них. В норме аналогичные явления встречаются нам в снах; ведь в этот момент мы мыслим преимущественно "истерически"
85 . Полная захваченность интересующей идеей объясняет нам также недостижимую для сознательного актерства естественность псевдологических или сомнамбулических представлений. Чем меньше вмешивается с размышлениями и оценками бодрствующее сознание, тем надежнее и убедительнее будет объективация мечты
86 . Наш случай имеет еще одну аналогию с Pseudologia phantastica
* : в своем формировании он развивается от приступа к приступу. В литературе многократно представлены случаи, когда патологическая ложь под влиянием различных истероформных осложнений формируется приступообразно
87 . Наша пациентка развивает свою систему исключительно во время приступа. В нормаль-

83 CM. Redlich, Ein Beitrag wr Kenntniss der Pseudologia phantastica, p. 66.
84 Hysterisches und hystero-epileptisches Irresein, p. 21.
85 Binet (1. c., p. 79): "Les hysteriques ne sont pour nous quo des sujets d'election, agrandissant des phenomenes qu'on doit necessairement retrouver i quelque degrtchez une foule d'autres personnes qui ne sont ni atteintes ni memo effleurees par la nevrose hysteriqlie". ("Истерия является для нас лишь особым объектом, вырастающим из явлений, которые всегда можно обнаружить в какой-то степени у многих других людей, не пораженных и даже не затронутых истерическим неврозом" (фр.).]
86 Вспомним, например, о путешествующих по крышам лунатиках.
87 DelbrOck, 1. c., Redlich, 1. c. Вспоминается в связи с этим также развитие бредовых идей в эпилептически помраченном состоянии, о котором сообщает МйгсЬеп, 1. с., р. 51, 52.
* Псевдология, патологическая страсть ко лжи (лат.).

ном состоянии она совершенно не способна дать какую-то новую идею или разъяснение, для этого ей каждый раз необходимо вызвать состояние сомнамбулизма или ожидать наступления последнего. Этим аналогия с патологическими фантазиями и с Pseudologia phantastica исчерпана. Существенное отличие нашей пациентки от случаев патологических фантазий состоит в том, что никогда нельзя было доказать, что сплетения ее фантазий сформировались прежде предмета ее повседневного интереса; ее фантазии, подобно внезапной взрывной волне, прорываются из мрака бессознательного в ошеломляющих количествах. Совершенно так же было в случае пациентки Флурнуа Хелен Смит. Однако во многих случаях (см. ниже) может быть доказана их связь с тем, что было воспринято в нормальном состоянии, а это позволяет предположить, что истоком подобных фантазий первоначально были эмоционально значимые представления, занимавшие бодрствующее сознание, правда, лишь на протяжении короткого времени
88 . Мы должны предположить также, что при возникновении подобных фантазий большую роль играет истерическая забывчивость
89 , и этого нельзя упускать из виду: многие представления, которые сами по себе достаточно ценны, чтобы сохраняться в сознании, подвергаются забвению; ряды мыслей, связанных с ними, исчезают из сознания и благодаря психической диссоциации дальше развора-

88 См. в связи с этим в высшей степени интересное предположение Флурнуа о возникновении des cycle hindou у X. C.: "Je ne seiais pas etonne que la remarque de Marite sur la beaute des femmes du Kanara ait it& ie clou, l'atome crochli, qui a piqae l'attention subliminale et l'a tres naturellement rivee sur

cet unique passage, avec les deux oil trois lignes cons^cutives, и l'exclusion de tout ie contexte environnant, beacoup moins interresant" (1. с., р. 285). ["Я бы не удивился тому, что замечания Марле относительно красоты женщин с Канар было ключом, который породил сублиминальное внимание и очень естественным образом остановил его на этом единственном пассаже, с двумя или тремя следующими друг за другом строчками, исключая весь окружающий контекст, гораздо менее интересный" (фр.).]
89 Жане говорит: "Мнимая ложь истериков если не всегда, то довольно часто обязана своим происхождением забывчивости. Аналогично ею можно объяснить их капризы, переменчивость их настроения, их неблагодарность - одним словом, их непостоянство, поскольку взаимосвязанность прошлого и будущего, которая и сообщает всему поведению серьезность и соразмерность, в значительной степени зависит от памяти" (Der Geisieszustand) der Hysterischen, p. 67) (цит. по Шарко).

чиваются в бессознательном; это процесс, с которым мы вновь и вновь сталкиваемся в генезисе сновидений
90 . Таким образом можно объяснить появление фантазий, якобы внезапное и неожиданное. Тотальное погружение сознательной личности в фантастическую роль косвенно опосредствует развитие сосуществующих автоматизмов: "Une seconde condition peut amener la division de conscience; ce n'est pas une alteration de la sensibilite, c'est une attitude particuliere de l'esprit, la concentration de l'attention sur un point unique; il resuite de cet etat de concentration que l'esprit devient distrait pour ie reste, et en quelque sorte insensible, ce qui ouvre la carriere aux actions automatiques; et ces actions... peuvent prendre un caractere psychique et constituer des intelligences parasites, vivant cote a cote avec la personalite normale qui ne les connaTt pas"

91 . Романы пациентки дают примечательное разъяснение относительно субъективных корней ее фантазий. Они наполнены явными и тайными любовными историями, незаконными рождениями и другими сексуально сомнительными вещами. В центре всех ее двусмысленных историй находится антипатичная ей женщина, которая постепенно образует полярную противоположность ей самой, так что Ивенс оказывается вершиной добродетели, а означенная дама - бездной порока. Ее учение о

90 "Благодаря сознательному размышлению нам становится известно, что в использовании внимания мы следуем определенному пути. Если на этом пути мы приходим к представлению, не выдерживающему критики, то процесс прерывается; внимание ослабевает. Представляется, однако, что начатый и прекращенный ход мысли может продолжаться и без того, чтобы внимание вновь обращалось к нему, если только в каком-нибудь месте он не достигнет такой интенсивности, которая привяжет внимание принудительно. Таким образом, первоначальное отклонение мыслительного процесса, совершаемое сознанием на основе суждения о его неправильности или непригодности для актуальных целей акта мышления, может стать причиной того, что он будет продолжаться незаметно для сознания вплоть до момента засыпани"
. (Freud, Die Traumdeutung, p. 351).
91 Binet, 1. с., р. 84. ["Второе условие может вызвать разделение сознания; это не потрясение чувственной сферы, это специфическая установка психики, концентрация внимания на одном-единственном пункте; он вытекает из такого состояния концентрации, когда психика становится рассеянной по отношению к остальному и в некотором роде бесчувственной, что открывает путь для автоматических действий; и эти действия... могут принимать психический характер и формировать паразитические интеллекты, живущие бок о бок с нормальной личностью, которая их не знает" (фр.).]

реинкарнации, в котором она выступает родоначальницей бесчисленных тысяч потомков, с неприкрытой наивностью вырастает из избыточных фантазий, которые столь свойственны для пубертатного периода. Это наполненная предчувствием сексуальность женщины, ее мечта о плодовитости, которая и породила у пациентки столь причудливую идею. Если подходить с этой точки зрения, то сущность Ивенс и всего ее неслыханного семейства сведется к осуществлению в мечтах сексуального желания, а отличие от ночных сновидений будет состоять лишь в том, что фантазия эта продлится месяцы и годы.

1. Отношение к истерическому припадку

Лишь один пункт в истории С. В. остался до сих пор без обсуждения, а именно ее припадок. Во время второго сеанса пациентка была охвачена внезапным припадком физической слабости, от которого очнулась с воспоминанием о различных галлюцинациях. По ее свидетельству, она ни на минуту не теряла сознания. По внешним симптомам и по протеканию этих приступов можно было бы предположить нарколепсию или летаргию, как они были описаны, например, Левенфельдом; тем более что нам известно о приступе летаргии у одного из членов семьи (у бабушки). Вполне возможно, что наша пациентка унаследовала "летаргическую предрасположенность" (Левенфельд). На спиритических сеансах часто наблюдались истерические конвульсивные припадки. Однако у нашей пациентки конвульсивных явлений никогда не было, вместо них возникали состояния своеобразного сна. В данном случае этиологически в поле нашего зрения попадают два момента: 1) распространение гипноза, 2) психическое возбуждение.

1. Распространение парциального гипноза. По наблюдениям Жане, подсознательные автоматизмы имеют гипнотическое воздействие и могут повлечь за собой тотальный сомнамбулизм
92 . Он поставил следующий

92 "Une autre consideratin rapproche encore ces deux ^tats, c'est que les actes

эксперимент: второй наблюдатель вовлекал в разговор пациентку, находившуюся в состоянии полного бодрствования, между тем как Жане стоял у нее за спиной и, делая шепотом внушение, заставлял бессознательно двигать рукой, писать и знаками давать ответ на вопросы; внезапно пациентка прервала разговор на полуслове, обернулась и продолжила сознательное (mit ihrem OberbewuBtsein) общение с Жане, бывшее до тех пор подсознательным: она была в состоянии гипнотического сомнамбулизма
93 . В этом примере представлен процесс, напоминающий наш случай. Однако по известным причинам (они будут обсуждаться ниже) следует признать, что такое состояние сна нельзя рассматривать как гипноз. Поэтому встает вопрос о

2. Психическом возбуждении. О Беттине Брентано известно, что когда она в первый раз встретилась с Гёте, то заснула у него на коленях
94 . Из истории процессов над ведьмами известен экстатический сон, наступающий в момент ужаснейших мучений, так называемый "ведьмин сон"
95 . Для лиц с предрасположенностью достаточно относительно небольшого повода, чтобы спровоцировать сомнамбулическое состояние. Так, например, одной чувствительной даме удаляли из пальца занозу. Без каких-либо изменений в физическом состоянии она внезапно мысленно перенеслась на прекрасный луг и увидела себя на берегу ручья, где собирала цветы. Это состояние длилось ровно столько, сколько продолжалась незначительная операция, и потом прошло само собой без какого-либо особого вмешательства
96 .

slibconscients ont un effet en quelque sorte hypnotisant et contribuant par puxmernes a amener ie somnambulisme" (L'Automatisme psychologigue, p. 329). ["Другое соображение также сближает эти два состояния, а именно что подсознательные акты имеют в некотором роде гипнотизирующий эффект и сами по себе способствуют возникновению сомнамбулизма" (фр.).]

93 1. с., р. 329.

94 В литературе этот эффект - засыпание в момент высочайшего возбуждения - использован Поставом Флобером в романе "Саламбо", когда герой, завоевавший наконец Саламбо в результате упорной борьбы, внезапно засыпает в тот самый момент, когда прикасается к ее девичьей груди.

95 Возможно, сюда же относятся случаи эмоционального паралича. См. Baetz, OberEmotionsldhmung.

96 Hagen, Zur Theorie rier Hallucination, p. 17.

Ненамеренное провоцирование истерической летаргии посредством гипноза наблюдал Левенфельд
97 . Наш случай имеет известное сходство с истерической летаргией по описанию Левенфельда
98 : дыхание поверхностное, пульс редкий, лицо мертвенно-бледное, далее характерное чувство умирания и мысли о смерти
99 . Сохранение отдельных сфер чувствительности не свиде-" тельствует против летаргии: так, в известных случаях при мнимой смерти сохраняется способность слышать
100 . В случае, приведенном Бонамезоном
101 , чувства не только сохранились, но слух и обоняние даже обострились. Имели место также галлюцинаторное содержание и разговоры вслух с лицом, галлюцинировавшим в летаргии
102 . Как правило, летаргический интервал перекрыт тотальной амнезией. В случае Д., описанном Левенфельдом
103 , по пробуждении сохранялось некоторое воспоминание, в случае Бонамезона амнезии не было совсем. На впавших в летаргию не действуют обычные пробуждающие раздражители; однако Левенфельду посредством "штрихов Месмера" удалось превратить летаргию своей пациентки в гипноз и таким путем войти в контакт с остаточным сознанием в границах приступа
104 . Наша пациентка в летаргии сначала была совершенно недоступна для общения, потом начала спонтанно разговаривать, причем была неконтактна, когда говорило ее сомнамбулическое Я, и контактна, когда говорили автоматические личности. В последнем случае возможно, что гипнотизирующее воздействие автоматизмов привело к частичному превращению летаргии в гипноз. Если принять во внимание, что, по мнению Левенфельда, летаргическую предрасположенность нельзя напрямую идентифицировать с поведением нервного аппарата, характерным для истерии, то предположение об унаследовании соответствующей диспозиции от родственников в нашем случае приобретает известную ве-

97 Ober hysterische Schtafzflstttnde, p. 59.

98 CM.FIournoy, 1. с., р. 65.

99 Loewenfeld, 1. с., р. 737.

100 1. с., р. 737.

101 Un Cos nmarquable (l'hypnose sponfanee, p. 234.

102 Loewenfeld, 1. с., р. 737.

103 1. с., р. 737.

104 Loewenfeld, 1. с., р. 59.

роятность. Приступы сильно осложняют клиническую картину. До сих пор мы видели, что Я-сознание пациентки во всех случаях идентично. Пока мы рассмотрели два вторичных комплекса Я-сознания и проследили их вплоть до сомнамбулического приступа, в котором они предстают как видения пациентки, одновременно прекращая свои моторные проявления. Во время последующих приступов для внешнего наблюдения они оставались невидимыми, но в противоположность этому разворачивали особо интенсивную деятельность как видения в помраченном состоянии. Представляется, что уже на ранних этапах от первичной бессознательной личности откололись многочисленные ряды вторичных представлений, потому что уже после одного-другого сеанса духи следовали дюжинами. Их имена были разнообразны и неисчерпаемы, тогда как различия между соответствовавшими им личностями скоро истощились и обнаружилось, что все они группируются вокруг двух типов: серьезнорелигиозного и беспутно-веселого. Поэтому речь и шла, собственно, только о двух подсознательных личностях, которые, правда, и выступали под различными именами, но это не имело существенного значения. Более старший тип, дедушка, с которым и пришли автоматизмы, первым начал оказывать услуги помраченному состоянию. Я не могу припомнить ни одной суггестии, которая могла бы дать повод к автоматической речи. Опираясь на предыдущие рассуждения, приступ при таких обстоятельствах мы можем рассматривать как частичный аутогипноз. Сохраняющееся Я-сознание, которое вследствие изоляции от внешнего мира целиком занято своими галлюцинациями, является остатком бодрствующего сознания. Для автоматизма открывается тем самым дополнительное поле деятельности. Самостоятельность отдельных центральных сфер, которую мы с самого начала констатировали у пациентки, дает нам возможность объяснить акт автоматической речи. Иногда ведь и спящий говорит во сне, да и бодрствующий человек волнующие мысли сопровождает бессознательным шепотом
105 . Ха-

105 См. исследования Лемаина о невольном шепоте. В кн.: Aberglaube und ZaubeKi, p. 386 ff.

рактерные движения речевой мускулатуры бывают заметны. Они наблюдались также и у других сомнамбул
106 . Эти неловкие попытки образуют прямую параллель бессмысленным и неуклюжим движениям стола или стакана и, весьма вероятно, соответствуют предварительным проявлениям моторного компонента представлений, иначе говоря, некоторому возбуждению, ограниченному моторными центрами и не подчиненному поначалу никакой высшей системе. Я не знаю, происходит ли с говорящим во сне то же самое, однако это наблюдалось у гипнотизируемых
107 . Благодаря такому удобному коммуникативному средству, как язык, изучение подсознательных личностей было существенно облегчено. Объем их разума относительно невелик. Они располагают теми же знаниями, которые имеет пациентка в бодрствующем состоянии, к ним присоединяются случайные даты, вроде дней рождения умерших незнакомых людей, происхождение которых довольно туманно; сама пациентка не представляет, откуда она могла бы узнать об этом естественным путем. Это так называемые криптомнезии, которые, однако, слишком незначительны и не заслуживают более подробного рассмотрения. Интеллектуальный уровень обеих подсознательных личностей весьма невысок они сообщают исключительно банальные вещи. Представляет интерес то, как они относятся к Я-сознанию пациентки в сомнамбулическом состоянии. Они постоянно осведомлены обо всем, что происходит в экстазе, и делают сообщения, возможно, с точностью до минуты
108 . Однако подсознательные личности лишь очень поверхностно знакомы с фантастическими ментальными

106 Вот что пишет, к примеру, Флурнуа: "Dans чп premier essai, Leopold... ne reussit qu'ii donner ses intonations et sa prononciation a Helene: apres une seance ou elle avail vivement souffert dans la bouche et ie cou comme si on liii travaillait ou lui enlevait les oi-ganes vocaux, elle se mit u causer tres

naturellement" (1. с., р. 100). ["В первой попытке Леопольду... удается передать Елене свои интонации и свое произношение: после сеанса, во время которого она очень страдала от боли во рту и в шее (словно ее душили или вырезали голосовые связки), она стала разговаривать совершенно естественно" (фр.).]

107 Loewenfeld, Ober hysterische Schlafwslande, p. 60.

108 Такое поведение напоминает наблюдения Флурнуа: в то время как Н. S. сомнамбулически говорит о Марии Антуанетте, руки его принадлежат не сомнамбулической личности, а сомнамбулизму "Леопольд", который посредством жестов общается с наблюдателем (1. с., р. 125.).

313

процессами пациентки, они не понимают их и не могут правильно ответить ни на один вопрос, затрагивающий этот предмет; они стереотипно кивают на Ивенс: "Спросите Ивенс". Это наблюдение вскрывает известный дуализм в характере подсознательной личности, который довольно трудно объяснить: тот самый дедушка, который заявляет о себе в автоматической речи, является и Ивенс в ее видениях и, по ее свидетельству, поучает ее относительно различных вещей. Почему же тогда дедушка, говоря устами пациентки, ничего не знает о тех самых предметах, о которых он давал поучения во время экстазов? Мы вновь должны вернуться к рассуждениям по поводу первого появления галлюцинаций. Тогда мы интерпретировали видения как распространение гипноза на визуальную сферу. Это распространение привело не к обычному гипнозу, а к возникновению "истерогипноза", означающего, что к нормальному гипнозу присоединилось осложнение в виде истерического припадка. В области гипнотизма бывает, что из-за неожиданного наступления истерического сомнамбулизма нормальный гипноз оказывается нарушен или замещен, вследствие чего гипнотизер часто утрачивает контакт с пациентом. В нашем случае автоматизм, проявляющийся в моторной области, играет роль гипнотизера; исходящие от него суггестии (объективно их следует называть аутосуггестиями) гипнотизируют соседние области, в которых можно констатировать известную восприимчивость. В момент проникновения гипноза в визуальную сферу сказывается вмешательство истерического припадка, который, как было замечено, становится причиной очень глубоких изменений во многих областях психики. Мы должны предположить, что автоматизм так же нарушается от приступа, как воздействие гипнотизера - от патологического гипноза: в том и в другом случае влияние на дальнейшее развитие ситуации оказывается утраченным. В качестве последнего воздействия (автоматизма или гипнотизера) на личность сомнамбулы может наблюдаться галлюцинаторное явление гипнотизирующей личности и соответственно внушаемой мысли. Однако с этого момента гипнотизер становится фигурой, с которой личность сомнамбулы взаимодействует

314

самостоятельно; он может лишь приблизительно констатировать, что происходит, однако уже не является conditio sine qua
non
* содержания сомнамбулической атаки. Самостоятельный Я-комплекс приступа, в нашем случае Ивенс, получает теперь преимущество и группирует свои собственные духовные продукты вокруг личности своего гипнотизера, дедушки, роль которого с этого момента низводится до простого образа. Таким путем мы можем прийти к пониманию дуализма в характере дедушки. Дедушка 1, напрямую говорящий с окружающими,- это совершенно отдельная личность, он является простым зрителем своего двойника, дедушки II, который и выступает в роли учителя Ивенс. Дедушка I не упускает случая заверить в том, что оба они являются одной и той же личностью, что номер 1 располагает теми же познаниями, что и номер II, и что только языковый барьер (глоссолалия), осложняющий ситуацию, препятствует сообщениям номера II. Сама пациентка, конечно, не осознает этого расщепления, а принимает их за одно и то же лицо. Правда, если приглядеться, дедушка 1 не так уж далек от истины, и он мог бы сослаться на одно наблюдение,

которое, как кажется, говорит в пользу идентичности первого и второго: когда первый говорит посредством автоматизмов, то второй отсутствует, т. е. Ивенс замечает, что его нет, и не может сообщить, где во время экстаза находился первый; или когда по возвращении она узнает, что дедушка между тем оберегал ее тело. И напротив, дедушка никогда не говорит, если отправляется с Ивенс в путешествие или делает ей особые разъяснения. Это обстоятельство, во всяком случае, заслуживает внимания. Если первый действительно является гипнотизером, совершенно обособленным от личности Ивенс, то нет причин, которые делали бы невозможным появление в экстазе его образа номер два и одновременную объективную речь первого. Но хотя это и представляется весьма вероятным, такого никогда не наблюдалось. Как же решается эта дилемма? Во всяком случае, идентичность первого и второго имеет место, однако реализуется она не в области самой личности, а в том общем

* Непременным условием (лат.).

базисе, который составляет основу для обоих, а именно в глубочайшей сущности единой и неделимой личности пациентки. Здесь мы сталкиваемся с характерной чертой всех истерических расщеплений сознания. Это - нарушения, относящиеся только к поверхности, и ни одно из них не проникает столь глубоко, чтобы затронуть устойчиво структурированный фундамент Я-комплекса. Где-то, часто в весьма потаенных местах, мы все-таки находим мосты, переброшенные через казавшуюся непреодолимой пропасть. Из четырех игральных карт одна силой внушения делается невидимой для гипнотизируемого, и он соответственно называет только три оставшиеся. А потом ему дают в руки карандаш и просят записать все карты, лежащие перед ним; он правильно добавляет четвертую
109 . Один пациент Жане
110 в ауре своих истероэпилептических припадков всегда имел видение пожара, и каждый раз, когда он видел открытый огонь, у него начинался припадок; чтобы спровоцировать его, достаточно было показать горящую спичку. Слева поле зрения пациента сужено на 30°, правый глаз закрыт. Левый глаз должен теперь фиксировать только середину периметра, но если под углом в 80° держат зажженную спичку, то тут же начинается истероэпилептический припадок. Несмотря на обширную амнезию, во многих случаях пациенты ведут себя неадекватно степени своего незнания, но так, как если бы некий темный инстинкт направлял их действия в соответствии с их прежними познаниями. Не только это относительно легкое амнестическое расщепление, но и тяжелые амнезии эпилептически помраченного состояния, которые считались irreparabile damnum
* , не в силах перерезать сокровеннейшие нити, связывающие Я-комплексы помраченного и нормального состояний. В одном случае оказалось даже возможным включить содержание помраченного сознания в Я-комплекс бодрствующего состояния
111

109 DessoiT,DasDoppel-lch,p.29.
110 L'Anesthesie hysterique, p. 69.
111 Graeter, Ein Fall von epilepfischer Amnesie durch hypnotische Hypermnesie beseitigt, p. 129.
* Невозместимым ущербом (лат.).

Если мы обратимся теперь к нашему случаю, учитывая этот опыт, то для его объяснения должны будем принять предпосылку, что те слои бессознательного, которых расщепление не достигает, под влиянием соответствующих суггестий стремятся как раз представить единство

автоматической личности, однако эти усилия терпят крушение из-за глубокого проникновения более элементарных нарушений, вызванных истерическими припадками

112 ; последние препятствуют успешному синтезу тем, что разъединяют ассоциации, составляющие до некоторой степени исконную собственность сознательной (oberbewuBten) личности: возникающие у Ивенс фантазии вкладываются в уста других фигур, случайно оказавшихся в поле ее зрения, и после уже остаются ассоциированными с этими лицами.

т) Отношение к бессознательным личностям

Как мы видели, многочисленные личности группируются вокруг двух типов: дедушки и Ульриха фон Гербенштайна. Первый - носитель духа крайнего религиозного пиетизма, он выдает множество моральных назиданий, предписаний и т. п. Если характеризовать одним словом второго, то это девочка-подросток, и кроме имени ничего мужского там нет. В этом месте мы должны пополнить анамнез сообщением о том, что в пятнадцать лет пациентка проходила конфирмацию у строгого пиетистского священника и что дома она также при случае выслушивает пиетистские моральные проповеди. Дедушка представляет эту сторону ее прошлого, а Гербенштайн - другой его аспект, отсюда этот странный контраст. Таким образом, мы имеем дело с персонификациями главных характеров прошлого: с одной стороны, пиетистски настроенный надзиратель, с другой - безоглядное легкомыслие живой пятнадцатилетней девочки, которое заходит порой слишком далеко

113 .

112 В кн. Ober PupHlenstaire im hysterischen Anfall, p. 52, Karplus говорит: "Истерический припадок не является чисто пВихическим процессом. Посредством психических процессов только запускается некий преформиромнный механизм, который сам по себе с психическими процессами не имеет ничего общего".

113 Эта объективация определенных единых ассоциативных комплексов

У самой пациентки мы находим удивительное смешение обеих этих черт: то она пуглива, робка, преувеличенно замкнута, то до предела легкомысленна. Часто она сама болезненно переживает эти противоречия. Это-то обстоятельство и дает нам ключ к истокам двух бессознательных личностей. Пациентка совершенно явно ищет средний путь между этими двумя крайностями, она пытается избежать их и достичь идеального состояния. Эти попытки приводят к пубертатным мечтам об идеальной Ивенс, образ которой должен отодвинуть неуравновешенные черты ее характера на задний план. Они, однако, не исчезают, а в качестве вытесненных мыслей начинают самостоятельное существование как автоматические личности аналогично идее Ивенс. Все это живо напоминает исследование сновидений у Фрейда, выявившее самостоятельное разрастание вытесненных мыслей

114 . Мы понимаем теперь также, чем отличаются галлюцинаторные личности от тех, которые пишут и говорят в автоматизмах. Первые поучают Ивенс о тайнах потустороннего мира, рассказывают ей все эти фантастические истории об исключительности ее особы, они создают ей ситуации, в которых образ Ивенс драматизируется, обретает атрибуты власти, мудрости, добродетели. Это не что иное как драматическое расщепление ее фантастического Я. Последние же подлежат преодолению, они не должны иметь ничего общего с Ивенс - это лишь имена. A priori не следует ожидать, что в случае, подобном нашему, где вполне резких разграничений нет, две столь выразительные и своеобразные индивидуальности бесследно пропадут в сомнамбулическом Я-комплексе, связанном с бодрствующим состоянием. Мы действительно встречаем их частью в экстатических сценах покаяния, частью в романах, изобилующих довольно банальными сплетнями. В общем и целом же преобладает значительно смягченная форма.

была использована в литературе Карлом Хауптманом в его драматическом сочинении "Горная кузница". Там таковой выступает галлюцинация кладоискателя, которая объединяет в себе все

лучшие черты его характера и предстает перед ним в ужасную ночь.
114 Freud, 1. с. См. также: Breuer und Freud, Studien uber Hysferie, p. 177 ff.

n) Процесс

Осталось сказать еще несколько слов о том, как протекала эта своеобразная аффектация. В течение одногодвух месяцев процесс достиг кульминации. Данное здесь описание Ивенс и подсознательных личностей в общем соответствует именно этому периоду. Начиная с этого момента наблюдается постепенное затухание процесса, так что экстазы становятся все менее содержательными, а влияние Гербенштайна все возрастает. Убывает пластичность видений; постепенно появляется множество крайне перепутанных характеров, которые вначале были отчетливо разделены. Психологических продуктов становится все меньше, и в конце концов вся история приобретает на редкость мошеннический характер. Эта деградация глубоко затрагивает и Ивенс, она становится болезненно неуверенной, говорит осторожно, как бы наугад, и все более неприкрыто обнаруживает характер самой пациентки. Сомнамбулические атаки также утратили прежнюю интенсивность. Можно было проследить практически все ступени от сомнамбулизма до преднамеренной лжи. На этом занавес был опущен. Через некоторое время пациентка уехала заграницу. То, что ее характер стал намного приятнее и стабильнее, имеет огромное значение, которое нельзя недооценивать, если мы вспомним о случаях, в которых состояние номер I постепенно замещало состояние номер II. Возможно, тут речь идет об аналогичном явлении. Как известно, сомнамбулические явления особенно часты в пубертатном возрасте
115 . Так, случай сомнамбулизма, наблюдавшийся у Dyce
116 , начался непосредственно с наступлением пубертата и продолжался как раз до окончания последнего. Точно так же тесно связан с пубертатом сомнамбулизм Хелен Смит
117 . Пациентка Шредера ван дер Колька в момент заболевания была в возрасте 16 лет; Фелида К.- 14 с половиной и т. д. Мы знаем также, что в это время формируется и

115 Pelman, 1. с., p. 74.
116 lessen, Doppeltes Bewufttsein, p. 407.
117 Floumoy, 1. с., p. 28.

фиксируется будущий характер. В случаях Фелиды К. и Мэри Рейнолдс мы видели, что характер номер 2 постепенно вытесняет и замещает характер номер 1. Поэтому вполне допустимо, что подобные явления раздвоения сознания оказываются не чем иным как новообразованиями характера или попытками прорыва будущей личности, которые в силу особых трудностей (неблагоприятные внешние обстоятельства, психопатическая предрасположенность нервной системы и т. д.) связаны с характерными расстройствами сознания. В некоторых обстоятельствах сомнамбулизмы приобретают в высшей степени телеологическое значение именно с точки зрения трудностей, противостоящих будущему характеру, так как вооружают человека средствами для победы; в противном случае он был бы обречен на поражение. Я вспоминаю здесь прежде всего о Жанне д'Арк, исключительное мужество 'которой живо напоминает действия Мэри Рейнолдс-2. В этом месте следует также указать на аналогичное значение hallucination teleologique
* , случаи которой, правда, попадали время от времени в поле зрения исследователя, но до сих пор не получили должной научной обработки.

о) Возрастание функций под воздействием бессознательного

Все важнейшие явления, которые представляет наш случай и которые существенны для его

внутренней реконструкции, нами теперь систематизированы и рассмотрены. Далее речь пойдет лишь о том, чтобы бегло рассмотреть некоторые сопутствующие явления, а именно возрастание функций под воздействием бессознательного. Со стороны представителей науки в этой области нередко проявляется скептицизм, не лишенный оснований. Уже идеи Дессуа относительно второго Я столкнулись с различными возражениями и критиковались с различных позиций за излишний энтузиазм. Как известно, в этой области обосновался оккультизм, поспешивший сделать преждевременные выводы из сомнительных наблюдений. Фактически мы еще далеки от

* Телеологической галлюцинации (фр.).

того, чтобы утверждать что-либо с окончательной определенностью, поскольку достаточного материала пока нет. И если мы все-таки вторгаемся в область возрастания функций под воздействием бессознательного, то лишь потому, что хотим отдать должное всем аспектам нашего случая. Говоря о возрастании функций под воздействием бессознательного, мы имеем в виду те автоматические процессы, результат которых недостижим для сознательной психической деятельности данного индивида. Сюда относится прежде всего чтение мыслей по движениям стола. Я не знаю, существуют ли люди, которые посредством индуктивных заключений могут отгадать длинную последовательность мыслей по интендированным вибрациям стола. Во всяком случае, несомненно, что если даже и допустить подобную возможность, то такие люди должны располагать навыком, возникающим только в результате неустанных упражнений. Однако в нашем случае навык, без всяких сомнений, может быть исключен, и не остается ничего другого, как сделать предположение, что первичная восприимчивость бессознательного намного превосходит сознательную. Эта предпосылка может опереться на многочисленные наблюдения над сомнамбулами. Я упомяну здесь только эксперименты Бине
118 , который на анестетичную кожу тыльной стороны ладони или шеи клал маленькие буквы или какие-то иные предметы и даже более сложные маленькие рельефы и заставлял воспроизводить в рисунке бессознательные восприятия. На основе этих экспериментов он пришел к следующему выводу: "D'apres les calculs que j'ai pu faire, la sensibilite inconsciente d'une hysterique est u certains moments cinquante fois plus fine que celle d'une peronne normale"
* . Еще одно возрастание функций, проявляющееся как в нашем случае, так и у многих других сомнамбул,- это процесс, который французами назван "криптомнезией"
119 . Под этим пони-

118 1. с., р. 125. См. также данные Левенфельда по этому вопросу: Hypnotismus.
119 Криптомнезию нельзя путать с гипермнезией. Последний термин обозначает ненормальное обострение способности к запоминанию, которое воспроизводит картины памяти как таковые. * "Согласно расчетам, которые я смог сделать, бессознательная чувстви-

мают осознанивание (BewuBtwerden) некоторой картины памяти, которая, однако, осознается как таковая не первично, а лишь вторично, возможно, путем последующего или абстрактного рассуждения. Для криптомнезии характерно, что всплывающий образ не несет на себе признаков образов памяти, иначе говоря, с соответствующим сознательным (oberbewuBten) Я-комплексом он не связан. В общем и целом можно различить три пути, которыми криптомнестические образы проникают в сознание. 1. Образ проникает в сознание без опосредствования со стороны сферы чувственного восприятия (интрапсихически). Это тот случай, в котором цепь причинных связей скрыта от самого индивидуума. В этом случае криптомнезия - явление вполне обыденное,

самым тесным образом сопряженное с нормальными психическими процессами. Как часто вводит она в соблазн исследователя, писателя или композитора, верящего в оригинальность своих озарений, а потом критик указывает их источник! В большинстве случаев автора защищает от упрека в плагиате собственная индивидуальная интерпретация излагаемого материала, которая доказывает его добросовестность, но бывают и такие случаи, когда бессознательное воспроизведение оказывается дословным. И если соответствующий фрагмент содержит скольконибудь значительную идею, то подозрение в более или менее сознательном плагиате оказывается оправданным, поскольку важная идея связана с Я-комплексом многочисленными ассоциациями. Она уже обдумывалась в различное время и в разных ситуациях и потому располагает многочисленными точками соприкосновения со всеми его аспектами, поэтому никогда не исчезнет из сознания так, чтобы одновременно исчезла и ее непрерывная связь со всем объемом сознательной памяти. У нас, однако, есть критерий, благодаря которому мы всегда можем объективно выявить интрапсихическую криптомнезию: криптомнестическое представление связано с соответствующим Я-комплексом минимальным коли-

тельность истерички в некоторые моменты почти в пятьдесят раз превышает чувствительность нормальной личности" (фр.).

чеством ассоциаций. Причина этого лежит в характере отношения индивида к соответствующему предмету, в несоразмерности между интересом и объектом. Тут существуют две возможности: а) объект заслуживает интереса, но вследствие рассеянности или недостаточного понимания интерес невысок; б) объект не заслуживает внимания, вследствие чего и интерес невысок. В обоих случаях возникающая связь с сознанием в высшей степени лабильна, результатом чего является быстрое забывание. Легкий мостик быстро разрушается, и приобретенное представление тонет в бессознательном, где для сознания оно уже недоступно. Когда же оно благодаря криптомнезии вновь возникает в сознании, то с ним соединяется либо чувство посторонней активности, либо характер оригинального творческого произведения, поскольку уже нельзя обнаружить те пути, которыми оно проникло в подсознание. Вообще говоря, чувства посторонней активности и оригинального творчества соседствуют бок о бок, достаточно вспомнить многочисленные свидетельства гениальных натур, представленные в художественной литературе (одержимость гения
120). Не считая отдельных выдающихся случаев такого рода, в которых еще может быть сомнение, идет ли речь о криптомнестических или оригинальных произведениях, существуют и такие, в которых криптомнестически воспроизводится фрагмент незначительного содержания, причем фактически с дословной точностью:

Так говорил Заратустра... Отрывок из корабельного (...а в самом-де вулкане журнала судна "Сфинкс" о проходит вниз узкая тро- вселяющих ужас событиях, пинка, ведущая к этим вра- происшедших в Средиземном там преисподней.) море в 1686 г.

120 "Есть ли у кого-нибудь в конце девятнадцатого столетия ясное понятие о том, что поэты сильных эпох называли инспирацией? и противном случае я хочу это описать. При самом малом остатке суеверия действительно трудно защититься от представления, что ты только инкарнация, только рупор, только медиум сверхмощных сил. Понятие откровения, в том смысле, что нечто внезапно с несказанной уверенностью и точностью становится видимым, слышимым и до самой глубины потрясает и опрокидывает человека, есть просто описание фактического состояния. Слышишь без поисков; берешь, не спрашивая, кто здесь дает; как молния вспыхивает мысль,с необходимостью, в форме, не допускающей колебаний,- у меня никогда не было выбора" (цит. по: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 746.).

В ту пору как Заратустра Четыре капитана и один пребывал на блаженных ос- купец, господин Белл, сотровах, случилось, что ко- шли на берег острова горы рабль бросил якорь у остро- Стромболи, чтобы пострева, где стоит дымящаяся лять кроликов. В три часа гора; и люди его сошли на они сзывали своих людей, чтоберег, чтобы пострелять кро- бы вернуться на борт корабликов. Но около полудня, ля, как вдруг увидели, к когда капитан и люди его своему невыразимому удивснова собрались вместе, уви- лению: два человека парили дели они вдруг человека, иду- в воздухе, стремительно прищего к ним по воздуху, и ка- ближаясь к ним; один был кой-то голос сказал явствен- одет в черное, на другом но: "Пора! Давно пора!" Ког- было серое платье; они прода же видение было совсем мчались очень близко, с велиблизко к ним,- оно быстро чайшей поспешностью, и, к пролетало мимо них, подоб- крайнему замешательству но тени, в направлении, где зрителей, сошли в полыхаюбыла огненная гора,- тогда щий пламенем зев ужасного узнали они, к величайшему вулкана горы Стромболи. смущению, что это Зарату- (В этих людях узнали стра, ибо все они уже виде- знакомых из Лондона)
122 . ли его, за исключением капитана... "Смотрите,- сказал старый кормчий,- это Заратустра отправляется в ад!"
121 .

Как сообщила в ответ на мой запрос по этому поводу сестра писателя, Элизабет Фёрстер-Ницше, сам Ницше с удовольствием погружался в работы Кернера в возрасте между 12 и 15 годами, когда бывал у своего дедушки, пастора Элера в Поблере, но позже никогда к ним не возвращался. Едва ли в намерения поэта входил плагиат из корабельного журнала, а если бы это и было так, то он, конечно, выбросил бы в высшей степени прозаическое и совершенно лишнее в данной ситуации место относительно "пострелять кроликов". Очевидно, что в поэтическом изображении путешествия Зарату-

121 1. с., р. 191 (цит. по: Ницше Ф. Указ. соч. С. 94).
122 "Листы из Преворст", изд. Юстянусом Кернером, с. 57 (курсив в обеих цитатах принадлежит К. Г. Юнгу).

стры в ад полусознательно или бессознательно возникло это забытое впечатление юности. На этом примере мы видим все причуды криптомнезии: совершенно несущественная деталь, которая и не заслуживает ничего, кроме скорейшего забвения, внезапно оказывается воспроизведена с почти дословной точностью, в то время как основные моменты рассказа были авторски переработаны, причем не просто изменены, но, можно сказать, воссозданы заново. Вокруг индивидуального ядра, вокруг идеи нисхождения в ад расположились живописные детали старых, забытых впечатлений об аналогичной ситуации. Статья, о которой идет речь, в остальном настолько банальна, что начитанный юноша, вероятно, лишь бегло просмотрел ее, не проявив, во всяком случае, глубокого интереса к делу. Мы имеем здесь требуемый минимум ассоциативного присоединения, ибо трудно и представить себе более резкий прыжок: от старой, глуповатой сказки к мышлению Фридриха Ницше в 1883 году. Если же мы представим себе настроение Ницше в момент сочинения "Заратустры" и вспомним об экстазах писателя, во многом напоминающих патологию
123 , то эта ненормальная реминисценция станет нам понятна. Вторая из упомянутых выше возможностей заключается в том, что объект, сам по себе представляющий некоторый интерес, воспринимается в состоянии рассеянности или снижения интереса вследствие недостаточного понимания, а потом криптомнестически воспроизводится; его мы находим преимущественно у сомнамбул, а также в качестве курьеза в художественной литературе
124 . При большом разнообразии феноменов этого типа наше внимание привлечет прежде всего речь на иностранных языках, так называемая глоссолалия. Мы находим упоминание об этом

феномене повсюду, где речь идет о рассматриваемых экстатических состояниях:

123 "Восторг, огромное напряжение которого разрешается порою в потоках слез, при котором шаги невольно становятся то бурными, то медленными, частичная невменяемость с предельно ясным сознанием бесчисленного множества мелких дрожаний до самых пальцев ног; глубина счастья, где самое болезненное и самое жестокое действует не как противоречие, но как нечто вытекающее из поставленных условий, как необходимая окраска внутри такого избытка света..." (цит. по: Ницше Ф. Указ. соч. С. 746-747).
124 Эккерманн. Разговоры с Гете. С. 230.

в Новом Завете, в Acta Sanctorum
125 , в процессах над ведьмами, в более позднее время у ясновидящей из Преворста, у Лауры - дочери судьи Эдмондса, потом у Хелен Смит Флурнуа, которая и в этом отношении была подвергнута совершенно уникальному обследованию; далее, в случае Бреслера
126 , который, вероятно, можно идентифицировать с Gottliebin Dittus пастора Блумхарта
127 . Как показал Флурнуа, глоссолалия, если речь идет действительно о самостоятельном языке, является феноменом криптомнестическим x<т* i^o^^v
* . Я отсылаю читателя к интереснейшим высказываниям этих авторов
128 . Что касается нашего случая, то глоссолалия наблюдалась только один раз, причем отдельные слова, которые можно было разобрать, были рассогласованными вариациями слова "vena". Источник этого слова понятен: несколькими днями ранее пациентка углубилась в изучение вен лица по анатомическому атласу с латинскими обозначениями и использовала в своих фантазиях слово "vena", как это могло бы произойти и со здоровым человеком. Прочие слова и предложения чужого языка на первый взгляд ведут свое происхождение от французского, который пациентке немного знаком. К сожалению, у меня нет точных переводов различных предложений, так как пациентка не захотела их дать; однако мы можем предположить, что речь идет о феномене, аналогичном марсианскому языку Хелен Смит. Флурнуа указывал, что марсианский язык является не чем иным как ребяческой переделкой французского, причем изменены только слова, а синтаксис сохранен. Однако еще более вероятным кажется предположение, что пациентка просто выстраивала последовательности из бессмысленных, незнакомо звучащих фонем
129 , без

125 См.: Gums, 1. с.
126 Bresler, Culturhistorischer Beitrag гиг Hysterie, p. 333 ff.
127 ZOndel, Pfarrer f. C. Blumhardt.
128 1. c.
* По преимуществу (греч.).
129 "Le baragouin rapide et conftis dont on ne peutjamais obtenir la signification, probablement parce qu'il n'en a en affet aiicune, et ii'est qu'un pseudo-Langage", p. 193; "analogue au barragouinage par lequel les enfants se donnent parfois dans leurs jeux l'illusion qu'ils parlent chinois, indien, ou "sauvage"" (1. c., p. 152). ["Быстрый и смутный, значение которого никогда нельзя постичь, вероят-

действительного словообразования, причем известные характерные звуки она заимствовала из французского и итальянского и комбинировала из них некоторое подобие языка, аналогично тому как Хелен Смит заполняла пробелы между словами действительного санскрита продуктами собственной фантазии, напоминающими язык. Кажущиеся иностранными имена из мистической

системы большей частью также восходят к известным корням. Уже сами круги живо напоминают схемы движения планет, которые прилагаются к каждому школьному атласу. Внутреннее сходство с отношением планет к Солнцу также достаточно очевидно, и мы не ошибемся, если и в именах усмотрим реминисценции из популярной астрономии. Так, например, имена вроде Персус, Фенус, Ненус, Сирум, Сирус, Фиксус и Пике объясняются как ребячески переделанные Персей, Венера, Сириус и неподвижная (fix) звезда (как и с вариациями по поводу вены). Магнезор живо напоминает магнетизм, о мистическом значении которого пациентка знала по "Ясновидящей из Преворста". Коннесор составляет противоположность Магнезору, поскольку его первый слог напоминает французское "centre". Хипос и Хифонизмус напоминают о гипнозе и гипнотизме, о значении которых, как известно, в непрофессиональных кругах бытуют самые фантастические представления. Многократно использованные окончания на "-ус" и "-ос" являются теми предметами, по которым непрофессионал, как правило, замечает разницу между латынью и греческим. Прочие имена, во всяком случае, обязаны своим происхождением подобным случайностям, о которых мы не можем знать. Скудная глоссолалия нашего случая не претендует, конечно, на то, чтобы выступать классической парадигмой криптомнезии, поскольку заключается в бессознательном использовании различных впечатлений, частью оптических, частью акустических, происхождение которых не составляет загадки. 2. Криптомнестический образ посредством ощущения проникает в сознание (в качестве галлюцинации). Класси-

но потому, что он не имеет применения и является лишь псевдоязыком"; "- аналогия здесь - тот ломаный язык, который дети используют в своих играх, воображая, будто говорят по-китайски, по-индийски или на языке "дикарей"" (фр.).]

ческим примером этого является опять же Хелен Смит. Сошлюсь на вышеприведенный случай с числом 18. 3. Образ проникает в сознание посредством моторного автоматизма. Хелен Смит потеряла брошь, которой очень дорожила, и озабоченно искала ее повсюду. Десять дней спустя ее проводник Леопольд посредством стола сообщил ей, где можно найти пропажу. В соответствии с полученными указаниями брошь была найдена в чистом поле, ночью, под слоем песка

130 . Строго говоря, при криптомнезии речь идет не о возрастании функций в собственном смысле слова, так как сознательная память обнаруживает не возрастание своей функции, а обычное обогащение содержания. Просто благодаря автоматизму некоторые области становятся доступными сознанию тем непрямым путем, который был закрыт для них прежде. Однако при этом не совершается никакого бессознательного действия, которое количественно или качественно превосходило бы способности сознания. Криптомнезия является поэтому лишь видимостью возрастания функций, в отличие от гипермнезии, которая действительно является таковым

131 . Выше мы говорили о превосходящей сознание восприимчивости бессознательного, имея в виду главным образом простые опыты по передаче мыслей с числами. Как уже упоминалось, не только наша сомнамбула, но и большинство здоровых людей в состоянии угадать длинные последовательности мыслей по вибрации стола, если они не носят особо сложного характера. В этих экспериментах представлен прафеномен тех более редких и несравненно более удивительных случаев, которые иногда демонстрируют сомнамбулы

132 . То, что эти явления связаны не только со сферой сомнамбулизма, но бывают и у лиц, свободных от патологии, показывает нам, например, Цшокке

133 в своем "Самообозрении".

130 1. с., р. 378.

131 Связанный с этим случай у Крафф-Эбинга, 1. с., р. 57 f.

132 "Ограничение ассоциативных процессов и концентрация внимания, удерживаемого на определенной области представлений, могут привести к такому развитию мыслей, которое было бы недостижимо для волевого усилия в бодрствующем состоянии" (Loewenfeld, Der Hypnotismus, p. 289).

133 Eine Selbstschau, p. 227.

Представляется, что подобные явления могут формироваться различными путями. Прежде всего тут следует рассмотреть уже упоминавшуюся утонченность бессознательных восприятий. Далее, необходимо подчеркнуть большое значение ненормальной суггестивности сомнамбул, о которой свидетельствуют опыты. Сомнамбула не только "облекает в плоть и кровь" каждую суггестивную мысль, но вживается в суггестию par excellence, вживается в личность врача и наблюдателя с преданностью и самоотверженностью, характерными для суггестивных истериков. Прекрасный пример этого мы находим в отношении фрау Хауфе к Кернеру. Не следует удивляться, что в подобных случаях имеет место высокая степень комплексности ассоциаций - на это обстоятельство следовало бы, возможно, обратить большее внимание, скажем, Рише в его экспериментах с ментальной передачей мыслей. Наконец, есть и такие случаи' сомнамбулического возрастания функций, которые нельзя объяснить одной только гиперестезией бессознательной деятельности чувств и комбинированием ассоциаций, но необходимо признать высокое развитие интеллектуальной деятельности бессознательного. Расшифровка интендированных вибраций стола требует не только исключительной сенситивной, но и сенсорной чувствительности, которая только и делает возможным комбинирование отдельных перцепций в законченное мыслительное единство; и это при условии, что вообще возможна аналогия между бессознательным и сознательным процессами познания. Ведь всегда следует иметь в виду возможность того, что в бессознательном чувства и понятия не обособлены так отчетливо, а, возможно, даже слиты воедино друг с другом. Интеллектуальный подъем, который демонстрируют-в экстазе многие сомнамбулы, является хотя и редким, но определенно наблюдаемым фактом
134 , и схему, сочиненную нашей пациенткой, я хотел бы охарактеризовать именно как возрастание функций, выходящее за рамки ее нормального

134 Жиль де ла Туре говорит: "Мы видели сомнамбул - бедных, необразованных, в бодрствующем состоянии малоодаренных девушек, все поведение которых менялось, как только их усыпляли. Перед этим они бывали скучны, а тут становились оживленными и возбужденными, иногда даже одухотворенными" (Цит. по: Loewenfeld, Der Hypnofismus, p. 132).

интеллекта. Мы уже видели, откуда могли взяться отдельные моменты этой схемы. Другим ее источником являются, возможно, круги жизни фрау Хауфе, которые изображены в книге Кернера. Представляется, что это было исходным пунктом в детерминации внешней формы. Как уже отмечалось в описании этого случая, идея дуализма обязана своим происхождением воспринятым обрывкам разговоров, при которых пациентка, будучи в мечтательном состоянии, присутствовала после своих экстазов. На этом исчерпывается мое знание источников, из которых пациентка привлекала материал для своего творчества. Откуда пришла главная идея - пациентка не могла ответить на этот вопрос. Конечно, я просмотрел оккультную литературу в этом направлении, поскольку последняя оказывалась в поле моего зрения, и даже открыл множество параллелей нашей гностической системе в различных столетиях, но они рассеяны по разным произведениям, которые в большинстве своем пациентке совершенно недоступны. Если к тому же учесть ее молодость и особенности ее окружения, то возможность подобного исследования с ее стороны можно уверенно исключить. Краткий анализ системы на основе данных пациенткой разъяснений показывает, сколько духовных сил потребовала эта конструкция. Насколько высоко можно оценить это интеллектуальное достижение - это дело вкуса. Но, учитывая юный возраст и духовный мир пациентки, его, во всяком случае, следует признать исключительным.

2. Заключительное слово

Я далек от того, чтобы считать результаты этой работы окончательными и научно вполне удовлетворительными. Вопреки общественному мнению, у которого для так называемых оккультных феноменов нет ничего, кроме презрительной усмешки, я стремился представить глубокую связь последних со сферой опыта врача или психолога и указать на многочисленные важные проблемы, которые еще ставит перед нами эта неисследованная область. Проделанная работа дала мне уверенность, что в данной области зреет богатый урожай для

экспериментальной психологии, а также сознание того, что наша немецкая наука слишком мало занимается этой темой. Последняя причина побудила меня также вывести анализ случая сомнамбулизма из области чистой патологии и сориентироваться во взаимном. отношении сомнамбулизма и патологии в целом. Этой работой я надеялся способствовать тому, чтобы наука проторила путь к более глубокому прояснению и ассимиляции психологии бессознательного, вокруг которой до сих пор еще не утихают споры.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ

ВАЖНЕЙШИХ ТЕРМИНОВ